Пенелопа

Фицджеральд

Книжная лавка

От доброго сердца мало проку

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО
КНИГИ ЛАУРЕАТОВ МИРОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ

Книжная лавка

Пенелопа Фицджеральд

Аннотация
Пенелопа Фицджеральд. Книжная лавка
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая

Аннотация

1959 год, Хардборо. Недавно овдовевшая Флоренс Грин рискует всем, чтобы открыть книжный магазин в маленьком приморском городке. Ей кажется, что это начинание может изменить ее жизнь и жизнь соседей к лучшему. Но не всем по душе ее затея. Некоторые уверены: книги не могут принести особую пользу – ни отдельному человеку, ни уж тем более городу. Одна из таких людей, миссис Гамар, сделает все, чтобы закрыть книжную лавку и создать на ее месте модный «Центр искусств». И у нее может получиться, ведь на ее стороне власть и деньги.

Сумеет ли простая женщина спасти свое детище и доказать окружающим, что книги – это вовсе не бессмыслица, а настоящее сокровище?

Пенелопа Фицджеральд
Книжная лавка

Penelope Fitzgerald
THE BOOKSHOP
Copyright © Penelope Fitzgerald, 1996

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Одному моему старому другу.

Глава первая

В 1959 году у Флоренс Грин все складывалось так, что порой она не могла с уверенностью сказать, спала ли сегодня ночью. Виной тому были бесконечные волнения по поводу того, стоит ли ей покупать небольшой участок земли со Старым Домом и сараем на берегу, вполне пригодным под склад, чтобы открыть в этом доме книжный магазин, единственный в Хардборо. Возможно, именно неуверенность и не давала ей спать по ночам. Однажды Флоренс видела, как цапля, летевшая над эстуарием, прямо на лету пыталась проглотить только что пойманного ею угря. Но угорь изо всех сил сопротивлялся, стремясь избежать прискорбной участи проглоченного, и время от времени ухитрялся высунуться из длинного клюва цапли то на четверть, то на половину, а то и на три четверти. Однако оба существа проявляли нерешительность, и это было поистине достойно жалости. Каждому, похоже, его задача оказывалась не по силам. И теперь Флоренс казалось, что если она и впрямь ночью *глаз не сомкнула* — кстати, люди часто так говорят, хотя

имеют в виду нечто совсем иное, — то уснуть ей наверняка не давали мысли об этой цапле.

Сердце у нее было доброе, но от доброго сердца мало проку, когда речь идет о самосохранении. Более восьми лет из той половины жизни, которую она уже успела прожить, она провела в Хардборо; жила она на очень небольшие деньги — покойный муж оставил ей крошечное наследство — и лишь недавно начала задумываться о том, что неплохо было бы уяснить для себя, правильно ли она живет, а потом, возможно, дать это понять и окружающим. Собственно, в холодной и чистой атмосфере Восточной Англии умение выжить считалось зачастую тем единственным, что можно требовать от человека. Убей или полностью исцели — так считали тамошние жители; либо долгая старость, либо мгновенная смерть и упокоение в соленой земле на заросшем травой церковном кладбище.

Флоренс, с виду маленькая и худенькая, была на самом деле довольно крепкой и жилистой, но в целом весьма неприметной, если смотреть спереди, и уж совсем неказистой, если смотреть сзади. О ней и сплетен-то особых не было — а ведь в Хардборо каждый человек на виду и все увиденное непременно обсуждается. Даже зимой

и летом в одежде у нее мало что менялось. Зато все сразу узнавали ее зимнее пальто — это пальто принадлежало к тому типу одежды, о каком говорят: «год продержится, и хорошо».

В 1959 году в Хардборо еще не было ни закусочной «Фиш-энд-чипс», ни прачечной, ни кинотеатра (правда, раз в две недели по субботам кино все же показывали), хотя потребность во всем этом и ощущалась; но, уж точно, никому и в голову не приходило, что миссис Грин — именно она! — вздумает открыть в городе книжный магазин.

— Я, разумеется, в данный момент не могу дать вам конкретного ответа — решение зависит не от меня, а от руководства банка, — но надеюсь, что принципиальных возражений против предоставления вам кредита не возникнет. Правда, до сих пор имелись определенные правительственные ограничения по предоставлению кредита частным лицам, но сейчас появились явные признаки послабления — тут я никаких государственных секретов не выдаю. Конкурентов у вас, само собой, либо не будет совсем, либо их будет очень мало — во всяком случае, те несколько романов, которые, как мне сообщили, выдают для прочтения в магазине шерстяных изделий

«Трудолюбивая пчелка», конкуренции вам не составят. К тому же вы уверяете, что у вас имеется значительный опыт в книготорговле.

И Флоренс, готовясь в третий раз объяснять, что она под этим подразумевает, снова вспомнила, как двадцать пять лет назад они с подругой начинали работать в книжном магазине Мюллера на Вигмор-стрит в должности «помощник продавца», и у обеих на голове был аккуратно уложенный перманент, а на грудь свисал непременный карандашик на цепочке. Лучше всего она помнила те моменты, когда мистер Мюллер, призвав всех к молчанию, громко, с рассчитанными паузами, зачитывал вслух список продавцов и их помощников, которым по жребию выпало закрывать счета и проверять количество проданного товара. Тогда сильно не хватало парней, с которыми можно было пойти на свидание, и Флоренс очень повезло, что она не только нашла себе пару, но и в 1934 году вышла замуж за Чарли Грина, частенько покупавшего у нее сборники поэзии.

— Да, в молодости мне удалось довольно тщательно изучить это дело, — сказала она. — И вряд ли с тех пор торговля книгами в своей основе претерпела какие-то особые изменения.

— Но ведь на руководящей должности вы никогда не служили и самим процессом не управляли, не так ли? И вот тут, пожалуй, мне стоило бы кое-что вам рассказать. Можете, если угодно, назвать это дружеским советом.

В Хардборо появилось крайне мало новых предприятий, и одно лишь упоминание о чем-то подобном взволновало застойную атмосферу банка, как свежее дыхание моря, проникшее даже в самые отдаленные уголки суши.

— О, я, право же, не должна отнимать у вас столько времени, мистер Кибл.

— Уж позвольте мне самому судить, есть ли у меня на это время. По-моему, прежде всего, намереваясь открыть книжный магазин, вы должны подумать вот о чем: какова истинная цель этой затеи? Это самый первый вопрос, который следует себе задать, начиная любой бизнес. Надеетесь ли вы оказать нашему городку некую действительно ему необходимую услугу? Надеетесь ли вы при этом на сколько-нибудь значительный доход? Или же вы, миссис Грин, просто упрямо бредете своим путем, довольно плохо представляя себе, в каком, весьма отличном от нынешнего, мире мы, вероятно, будем жить в шестидесятые годы? Я, кстати сказать, частенько сожалею о том, что

не существует никаких специальных курсов для желающих заняться малым бизнесом…

Очевидно, подобные курсы для банковских менеджеров уже существовали и вполне мистера Кибла устраивали, и он, оседлав знакомую тему, заговорил живее, опираясь на собственный немалый опыт. Он, в частности, упомянул о необходимости профессионального ведения бухгалтерии, о различных системах выплаты кредита и о том, как дорого обходятся порой упущенные возможности.

— …Я бы хотел заострить ваше внимание, миссис Грин, на одном обстоятельстве, хотя с вами, по всей вероятности, ничего подобного еще не случалось; однако же подобную возможность никогда не упустит из внимания человек, обладающий более широким профессиональным кругозором. Я, собственно, имею в виду следующее. *Если в течение определенного периода времени приток денежных средств перестает соответствовать их оттоку, то нетрудно предсказать грядущие финансовые затруднения.*

Уж это-то Флоренс знала хорошо — с того самого дня, когда в шестнадцать лет, получив свою первую зарплату, стала сама себя содержать. Но от резкого ответа мистеру Киблу она все же

удержалась. Господи, куда подевалось ее благоразумие? Ведь она была готова к подобным вопросам и собиралась реагировать на них спокойно и тактично — во всяком случае, пока шла через рыночную площадь к зданию банка, прочные кирпичные стены которого были поистине непреодолимыми для господствующих в данной местности ветров.

— Что касается ассортимента книг, мистер Кибл, то, как вам уже известно, мне предоставлена возможность купить почти все, что необходимо, у Мюллера, поскольку они закрываются. — Она ухитрилась сказать эту фразу достаточно спокойно и твердо, хотя внутри у нее все же что-то дрогнуло — с такой силой вдруг нахлынули воспоминания. — Впрочем, точной калькуляции я пока не делала. А что касается стоимости самого Старого Дома и устричного сарая, то вы и сами сочли 3500 фунтов ценой вполне справедливой.

Однако, к ее удивлению, управляющий банком явно колебался.

— Но ведь этот дом простоял пустым много лет, — сказал он. — Впрочем, это проблема не моя, а вашего агента по продаже недвижимости и вашего адвоката — вами ведь Торнтон занимается, не так ли? — Последний был, собственно,

упомянут ради красного словца, поскольку в Хардборо имелось всего два адвоката. — Хотя я бы, пожалуй, предположил, что стоимость данной собственности можно было бы еще немного понизить… Этот дом никуда бы от вас не ушел, если бы вы решились все же немного подождать… Знаете, дальнейшие разрушения… повышенная влажность…

— Ваш банк — единственное здание в Хардборо, где нет повышенной влажности, — прервала его Флоренс. — И вы просто привыкли целый день работать в таких условиях, а потому, наверное, и стали настолько требовательным.

— …И потом, — продолжал мистер Кибл, — я слышал об иных предложениях — а моя деятельность позволяет мне судить о том, что подобные предложения вполне возможны, — относительно использования этого дома; хотя, конечно, всегда существует возможность перепродажи.

— Естественно, я хочу снизить расходы до минимума. — Управляющий банка приготовился понимающе улыбнуться, но удержался, поскольку Флоренс резко прибавила: — Но ни малейшего намерения впоследствии перепродать дом у меня нет. Я понимаю, это выглядит эксцентрично, когда женщина моего возраста совершает

столь решительные шаги, однако я этот шаг уже совершила и назад пятиться не собираюсь. А на что еще, с точки зрения нашей общественности, годится Старый Дом? И почему в таком случае за последние семь лет никто в этом направлении никаких действий не предпринял? Да там половина черепицы отсутствует! А внутри галки гнездятся и жутко воняет крысами. Так, может, будет лучше, если люди смогут туда приходить, спокойно рассматривать книги и покупать их?

— Так вы о повышении культуры населения заботитесь? — В голосе управляющего послышалось и сожаление, и невольное уважение.

— Забота о повышении культуры — это для любителей. И я, разумеется, не смогу содержать магазин себе в убыток. Между прочим, Шекспир был профессиональным торговцем!

Подобные разговоры всегда вызывали у Флоренс слишком сильное волнение, зато она, по крайней мере, была способна испытывать к определенным вещам и любовь, и глубокий интерес. Почувствовав, что она нервничает, мистер Кибл миролюбиво посетовал, что чтение книг отнимает слишком много времени, а как раз времени-то ему постоянно и не хватает.

— Хотелось бы мне побольше свободного

времени иметь. У людей, знаете ли, несколько превратное представление о работе банков. Считают, видимо, что банки вообще никогда не закрываются. Честно говоря, у меня крайне редко бывает возможность вечером просто отдохнуть. Только не поймите меня неправильно — я считаю поистине бесценным, когда на прикроватном столике лежит хорошая книга. А уж когда я в скором времени выйду на пенсию, то буду непременно прочитывать хотя бы несколько страниц, пока меня сон не сморит.

И Флоренс невольно подумала, что при такой скорости одной хорошей книги ему хватит более чем на год. А поскольку средняя цена книги — двенадцать шиллингов и шесть пенсов, то… Она вздохнула.

Мистера Кибла она знала не очень хорошо. Мало кто в Хардборо достаточно хорошо его знал. И хотя пресса и радио постоянно твердили, что в Британии наступили годы процветания, большинство жителей Хардборо по-прежнему испытывали нужду и в принципе избегали каких-либо контактов с банковским работником. Вылов сельди сократился, военно-морской флот больше не рекрутировал новобранцев, и вокруг было полно пенсионеров, живущих на грошовую

пенсию. И уж эти-то люди точно не улыбались в ответ на улыбку мистера Кибла и не отвечали на его приветственный жест, когда он, поспешно опустив окно своего автомобиля «Остин-Кембридж», махал им, проезжая мимо. Возможно, именно поэтому он и беседу с Флоренс так затянул, хотя вряд ли эта беседа носила достаточно деловой характер. Как раз наоборот. Мало того, с точки зрения мистера Кибла, они достигли неприемлемо личного уровня общения.

Флоренс Грин, как и мистера Кибла, жители Хардборо, скорее всего, относили к категории одиночек, что, впрочем, отнюдь не делало их фигурами исключительными: многие вокруг были одиноки. Владелец зоомагазина, набивщик чучел, резчик тростника, почтальон и житель болот мистер Рэвен — все они вечно уезжали куда-то на велосипедах, склоняясь под напором встречного ветра и вызывая всеобщее любопытство своими отъездами и приездами; в очередной раз появляясь на горизонте, они также давали людям возможность отсчитывать время. Впрочем, некоторые из этих одиночек даже и дом-то свой практически не покидали. Например, мистер Брандиш, потомок одного из древнейших семейств Саффолка. Он жил в своем старом до-

ме абсолютно замкнуто, точно барсук в норе. А если в летнее время и выходил наружу, одетый в твид темно-зеленого или серого оттенка, то более всего напоминал куст утесника, странным образом движущийся на фоне густых зарослей этого растения, или земляную глыбу, возникшую среди наносных илистых отложений. А к осени мистер Брандиш и вовсе исчезал, словно уходя под землю. А его неприветливость, даже, пожалуй, грубоватость, вызывала у здешних жителей лишь легкое раздражение — примерно такое раздражение вызывает погода, которая еще утром была просто великолепной и обещала чудесный денек, но уже через пару часов стала пасмурной и дождливой.

Сам городок был как бы островом между морем и рекой, вечно что-то бормочущей и каждый раз словно съеживавшейся в преддверии холодов. Примерно раз в полвека Хардборо утрачивал — то ли по собственной беспечности, то ли по равнодушию — очередное средство связи с окружающим миром. К 1850 году перестала быть судоходной река Лейз, а причалы с паромами просто тихо сгнили. В 1910 году окончательно развалился и упал в реку разводной мост, и с тех пор весь транспорт был вынужден делать крюк до Сэкс-

форда, ибо перебраться на другой берег можно было только там. В 1920 году закрылась старая железная дорога. Нынешние сыновья и дочери Хардборо, живущие как на побережье, так и на болотах, в большинстве своем вообще никогда на поезде не ездили и теперь поглядывали на заброшенную станцию *LNER*[1] с суеверным почтением. Постоянно дующий ветер по-прежнему раскачивал еще сохранившиеся там ржавые полоски жести — рекламу жареного картофеля, какао и витаминов *Iron Jelloids*.

Великие наводнения 1953 года разворотили защитную дамбу, а море отчасти поглотило ее, и пересекать бухту в устье реки теперь стало опасно; это вообще можно было делать только во время отлива, так что единственным средством переправы через Лейз стала гребная шлюпка. Перевозчик каждый день писал мелом на двери своей хижины расписание переправы, вот только хижина его находилась на противоположном берегу, так что жители Хардборо никогда не могли быть полностью уверены, придет ли лодка и можно ли будет перебраться через реку.

После встречи с управляющим банка Флоренс,

---

[1] Сноски: 1

London and North-Eastern Railway — Лондонская и Северо-Восточная железная дорога. — *Здесь и далее примеч. пер.*

смирившись с тем фактом, что теперь все в городке знали, что она еще и в банке побывала, решила отправиться на прогулку. Каждый раз, еще не успев толком ступить на дощатые мостки, перекинутые через сточные канавы, она слышала шуршание и всплески — это бросались в воду, спасаясь бегством, маленькие неведомые ей существа. В небе над головой уверенно парили в потоках воздуха грачи и чайки. Ветер переменился и дул теперь с моря в сторону суши.

Над болотами горой вздымалась местная свалка, а за ней тянулись убогие поля, годные только на то, чтобы фермеры использовали их для посадки зеленых изгородей. Флоренс показалось, будто кто-то окликнул ее по имени — точнее, она *увидела*, что кто-то ее зовет, поскольку все звуки мгновенно уносил прочь ветер. Приглядевшись, она поняла, что это Рэвен, житель болот, призывно машет ей, и крикнула в ответ:

— Доброе утро, мистер Рэвен! — Впрочем, он тоже вряд ли ее услышал.

Рэвен, если под рукой не оказывалось иной помощи, исполнял в Хардборо функции внештатного ветеринара. В данный момент он пас свой скот на муниципальном лугу — там за пять шиллингов в неделю мог это делать любой. На

дальнем конце луга виднелся старый гнедой мерин Рэвена, «саффолкский пузан»[2]. Изящно прядая ушами, мерин точно на шарнирах поворачивал их в ту сторону, где чувствовал появление на своей территории человеческих существ, к которым относился с определенной подозрительностью. Он явно стремился во что бы то ни стало удержать свои позиции и, поскольку ноги у него гнулись уже довольно плохо, на всякий случай прислонился к ограде.

Когда Флоренс оказалась метрах в пяти от Рэвена, она поняла, что он просит взаймы ее дождевик. Его собственный плащ настолько задубел, что его не так-то просто было с себя стащить даже при крайней необходимости.

Собственно, без крайней необходимости Рэвен никогда никого ни о чем и не просил. Он с благодарным кивком принял от нее плащ и, пока она, стараясь не замерзнуть, пряталась от ветра под прикрытием зеленой изгороди из терновника, неторопливо пересек луг, направляясь прямиком к напряженно ждавшему его старому мерину. Тот следил за каждым его движением, нервно раздувая ноздри, но был явно доволен уже тем,

---

[2] Сноски: 2

Suffolk Punch — особая порода лошадей-тяжеловозов, отличающихся высокой работоспособностью.

что уздечки в руках у Рэвена не было, а об остальном ему задумываться вовсе не хотелось. Но задуматься все же пришлось, и когда он понял, что к чему, по всему его телу от носа до хвоста пробежала сильная дрожь, сопровождаемая тяжким вздохом, и голова его безнадежно поникла. Рэвен завязал рукава принесенного дождевика у мерина на шее, но тот с независимым видом отвернулся, воплотив в этом жесте все свое презрение к грядущим страданиям, и притворился, будто высматривает молодую травку, проросшую на влажной земле под самой изгородью. Однако никакой травы там не оказалось, и в итоге мерин был вынужден все же неуклюже повернуться и, удаляясь от стада равнодушно пасшихся коров, последовать за хозяином на тот конец луга, где стояла Флоренс.

— Он что, заболел, мистер Рэвен?

— Да не то чтобы заболел — просто зубы у него стерлись от старости. Ест-ест, а проку никакого. Сорвать-то траву он может, а растереть ее в кашицу не в состоянии.

— И как же ему помочь? — снова спросила Флоренс, охваченная деятельным сочувствием.

— Ну, я могу попытаться подпилить ему зубы и немного их выровнять. — Рэвен подал Флоренс ее

плащ и вытащил из кармана уздечку. Она сразу принялась одеваться, отвернувшись от ветра и стараясь застегнуться поплотнее. Рэвен взнуздал коня, провел его немного вперед и попросил Флоренс: — Не могли бы вы, миссис Грин, язык ему немного попридержать? Кого другого я бы, пожалуй, и просить-то не стал, но вы, я знаю, не забоитесь.

– *Откуда* вы знаете? — лукаво спросила она.

— Говорят, вы книжный магазин открывать собираетесь. Уже одного этого хватит, чтобы понять: вы в своей жизни разные необычные вещи попробовать готовы.

Просунув палец мерину под челюсть, покрытую отвисшей морщинистой кожей, он на что-то нажал, и конь, словно зевнув, медленно разинул рот, показывая здоровенные желтые зубы. Флоренс обеими руками вцепилась в большой и очень скользкий темный лошадиный язык и, подобно китобоям былых времен, буквально повисла на нем, стараясь заставить коня полностью обнажить зубы. Мерин замер от ужаса и стоял, тихо потея и ожидая конца. И все продолжал нервно прядать ушами, словно выражая протест против очередной несправедливости, уготованной ему судьбой. Рэвен между тем начал

большим напильником подпиливать ему коронки коренных зубов.

— Держите крепче, миссис Грин. Не отпускайте. Уж я-то знаю, что язык у него скользкий, как грех.

Этот язык и впрямь извивался, словно был самостоятельным живым существом, и Флоренс с трудом его удерживала. Да и сам конь волновался, время от времени переступая ногами и ударяя в землю копытом, как бы проверяя, на этом ли свете он все еще находится.

— Он ведь не умеет… лягаться вперед? Да, мистер Рэвен?

— Умеет. Может и лягнуть, если захочет. — И она вспомнила, что «саффолкский пузан» способен абсолютно на все, кроме галопа.

— А почему вы считаете книжный магазин чем-то необычным? — Ей пришлось кричать, чтобы ее слова не унес ветер. — Разве люди в Хардборо не хотят покупать книги?

— Они перестали хотеть чего-то необычного, — сказал Рэвен, продолжая подпиливать мерину зубы. — Они, например, куда чаще покупают обыкновенную соленую селедку, а не слегка подкопченную, которая обладает более нежным вкусом. Хотя вы, осмелюсь утверждать, навер-

няка скажете, что книги не следует относить к категории необычных вещей.

Наконец мерина отпустили на свободу, и он, тяжко вздохнув, так уставился на своих мучителей, словно они навсегда лишили его каких бы то ни было иллюзий. Из глубин своего благородного нутра он исторг бесстыдный звук, напоминавший скорее пение трубы, чем горна, и постепенно сменившийся негромким, похожим на короткий смешок ржанием. Затем конь встряхнулся, и над ним, точно над старым матрасом, подвергнутым выбиванию, поднялись клубы пыли. Стряхнув с себя вместе с пылью и все мучившие его проблемы, мерин рысцой отбежал от людей на безопасное расстояние и, опустив голову, принялся щипать траву. Через минуту он заметил невдалеке пучок ярко-зеленого дудника и буквально ринулся к нему, пожирая молодую зелень с жадностью маньяка.

Рэвен успокоил Флоренс, сказав, что старый мерин вскоре совсем об этой «операции» забудет и пойдет на поправку. Сама Флоренс, правда, была отнюдь не уверена, что тоже сумеет так скоро об этом позабыть, но испытывала чувство гордости в связи с оказанным ей доверием — доверие в Хардборо оказывалось далеко не всякому и дале-

ко не каждый день.

Глава вторая

Тот дом, который вознамерилась приобрести Флоренс, свое название — Старый Дом — получил не просто так. Впрочем, в Хардборо вряд ли хоть один из домов можно было бы назвать новым — если, конечно, не считать того района на северо-западе, который уже наполовину был застроен муниципальными домами. Многие городские здания были возведены еще в девятнадцатом, а то и в восемнадцатом веке, однако ни одно из них не могло идти ни в какое сравнение со Старым Домом; старше был только Холт-хаус, тот дом, в котором обитал мистер Брандиш. Старый Дом был построен пять веков назад из смеси глины, соломы и веток, но с прочными дубовыми балками; своей способностью пережить любое наводнение он был обязан глубокому, постоянно затопляемому подвалу, куда вела основательная каменная лестница со множеством ступенек. В памятном 1953 году, например, этот подвал оказался на семь футов залит морской водой, и уровень ее стал снижаться лишь после того, как стихла последняя атака наводнения. Впрочем,

определенное количество воды так в подвале и осталось.

В передней части дома размещалась просторная гостиная, а в задней — кухня; единственная спальня была наверху под «ломаным» потолком. Сарай для разведения устриц, продававшийся вместе с домом, к самому дому не примыкал, а находился от него на расстоянии двух улиц, на берегу; этот сарай Флоренс надеялась впоследствии использовать под книжный склад. Но, как оказалось, штукатурку на стенах сарая удобства ради замешивали на песке, взятом прямо на пляже, а морской песок, как известно, никогда до конца не просыхает. Так что любые книги, оставленные в этом помещении, уже через несколько дней покоробились бы и покрылись плесенью от избыточной влаги. Впрочем, то, что Флоренс была несколько разочарована своим приобретением, вызвало по отношению к ней небывалый прилив теплых чувств со стороны других владельцев магазинов. Ведь они заранее знали, что так и будет, и, конечно, могли бы ее предупредить — но только в том случае, если бы она сама обратилась к ним за советом. Теперь же, чувствуя, что в моральном и интеллектуальном отношении перевес явно на их стороне, они дружно принялись

желать Флоренс удачи.

Мало того, практически всем, кто достаточно долго прожил в Хардборо, было известно, что в Старом Доме, который Флоренс приобрела в «свободное владение», водятся привидения. Тема привидений вообще была в городе одной из излюбленных. Например, на старом причале в сумерках не раз видели фигуру некой женщины, которая стояла там и ждала возвращения сына, утонувшего более ста лет назад. Однако Старый Дом посещали не столь трогательные призраки. Он был явно заражен полтергейстом, и это в сочетании с повышенной влажностью и нерешенным дренажным вопросом как раз и служило причиной того, что эту собственность всегда было так трудно продать. Закон никоим образом не обязывал агентов по продаже недвижимости упоминать о наличии в Старом Доме полтергейста, но они порой все же намекали потенциальным покупателям на нечто подобное, роняя фразы типа «иногда в доме царит несколько необычная атмосфера».

Полтергейсты в Хардборо обычно называли «постукачами»[3]. Такой «постукач» мог года-

---

[3] Сноски: 3

От англ. *polter* — издавать стук, постукивать.

ми изводить хозяев шумом и безобразными выходками, а потом вдруг надолго затихнуть. Однако любой человек, когда-либо слышавший подобные звуки, — у Флоренс они каждый раз вызывали одно и то же ощущение: словно некое существо отчаянно пытается выбраться наружу, но никак не может этого сделать, — всегда безошибочно их узнавал. «Ваш «постукач» сегодня снова в моих гаечных ключах копался», — без малейшего упрека сообщал Флоренс водопроводчик, когда она приходила посмотреть, как продвигаются ремонтные работы. И ящик со слесарными инструментами действительно был перевернут, все его содержимое разбросано, а бледно-голубые кафельные плитки для ванной с симпатичным рисунком в виде водяных лилий приходилось потом собирать не только на лестнице, но и в верхнем коридоре. Да и у самой ванной комнаты с частично разобранными и не присоединенными водопроводными трубами вид был какой-то встревоженный, словно она невольно стала свидетельницей чего-то в высшей степени необычного. Когда водопроводчик, крайне благожелательно к Флоренс относившийся, пошел пить чай, она сперва захлопнула дверь ванной, затем выждала несколько мгновений

и, резко распахнув дверь, снова туда заглянула. «Господи, — подумала она, — если бы кто-нибудь увидел меня сейчас, то наверняка решил бы, что я спятила!» Впрочем, слово «спятила» в Хардборо было не в ходу, там чаще говорили «была не в себе», а, например, выражение «он серьезно болен» заменяли фразой «он неважно себя чувствует». «Пожалуй, и я в итоге «буду не в себе», если так будет продолжаться», — сказала Флоренс водопроводчику. Но водопроводчик, мистер Уилкинс, считал, что она это испытание вполне выдержит.

В таких случаях Флоренс особенно не хватало добрых друзей ее юности, с которыми она когда-то работала в книжном магазине Мюллера. Когда она, явившись на работу, стянула с руки замшевую перчатку и продемонстрировала коллегам новенькое обручальное кольцо с крошечным бриллиантиком, то в списке желающих участвовать в покупке свадебного подарка для нее оказалось прямо-таки умилительное количество подписей; почти столь же длинным был и список добровольных жертвователей, когда в самом начале войны ее муж Чарли умер от пневмонии в импровизированном приемном пункте для размещения беженцев. Но теперь она давно

уже утратила связь почти со всеми девушками, некогда работавшими в бухгалтерии, в отделе рассылки и за прилавком; но, когда ей наконец удалось отыскать их адреса, она вдруг поняла: ей не хочется даже думать о том, что и они теперь такие же старые, как она.

Это, однако, вовсе не означало, что в Хардборо у Флоренс было мало знакомых. Ее, например, всегда очень привечали в ателье «Рода». Однако ее доверчивость особого уважения не вызывала. А потому хозяйка ателье «Рода» — то есть Джесси Уэлфорд, — которую Флоренс попросила сшить ей новое платье, недолго колебалась, прежде чем начать болтать об этом направо и налево, высказывая свое мнение и даже показывая всем принесенную Флоренс ткань.

— Это будет платье для приема в Имении у Генерала и миссис Гамар. По правде сказать, сама-то я вряд ли выбрала бы что-то красное. У них ведь там будут гости даже из Лондона.

Флоренс никак не ожидала, что ее пригласят в Имение. У нее с миссис Гамар было лишь шапочное знакомство — они, правда, всегда приветливо кивали друг другу и улыбались, встречаясь на том или ином благотворительном мероприятии, — и приглашение на прием Флоренс приписала про-

явлению уважения к ее будущим книгам, хотя из Лондона не прибыло еще даже малой части заказанного ею товара.

Как только Сэм Уилкинс наладил работу водопровода и укрепил ванну настолько, что и сам остался доволен проделанной работой, а на крыше заменили всю разбитую черепицу, Флоренс Грин храбро покинула прежнюю квартиру и, прихватив немногочисленные пожитки, переселилась в Старый Дом. Но даже после того, как кафельная плитка с рисунком в виде водяных лилий вновь вернулась на стены ванной, дом по-прежнему производил впечатление места, где спокойно жить попросту невозможно. По ночам продолжали раздаваться странные звуки, более всего напоминавшие полтергейст, хотя все ранее неисправные водопроводные трубы теперь замолкли. Но для чего, скажите, нужны смелость и терпение, если их никогда не подвергать испытаниям? Флоренс надеялась только, что «постукач» не станет ей мешать во время примерки нового платья, которое должна была принести Джесси Уэлфорд. Однако ордалия так и не состоялась: Флоренс получила от Джесси записку с просьбой прийти на примерку к ней в ателье, находившееся в соседнем доме.

— По-моему, это все-таки не мой цвет, — растерянно повторяла Флоренс, вертясь перед зеркалом. — Как вы его назвали? Рубиновый? — Ей было приятно слушать, как Джесси называет этот оттенок «скорее гранатовым или даже темно-терракотовым». И все же что-то не удовлетворяло Флоренс в том отражении, которое — пусть даже в платье цвета терракоты или граната — мелькало в зеркале. — И сзади, по-моему, сидит не очень хорошо… Хотя, может, если я попытаюсь большую часть времени простоять, подпирая спиной стену…

— Платье отлично сядет, как только вы его немного поносите, — твердо возразила портниха. — И потом, любое платье следует украшать аксессуарами, дабы основное внимание сосредоточилось именно на них.

— Вы уверены? — спросила Флоренс. Примерка нового платья становилась, похоже, чем-то вроде тайного заговора, нацеленного на то, чтобы никто самого платья даже не заметил.

— Осмелюсь утверждать, что у меня, так или иначе, куда больше опыта в подобных вещах, чем у вас. Уж я-то знаю, как следует одеваться для вечернего выхода в свет, — сказала мисс Уэлфорд. — Я ведь, знаете ли, люблю играть в

бридж, но здесь у нас играть, собственно, не с кем, а потому я дважды в неделю езжу во Флинт-маркет. Ставка по утрам, конечно, маленькая, но по вечерам она удваивается. К тому же вечером, разумеется, необходимо вечернее платье.

Джесси отошла на пару шагов, заслонив собой зеркало, затем вернулась на прежнее место и снова стала что-то перекалывать и подправлять. Но Флоренс отлично понимала: никакими поправками ничего не изменишь — она так и останется невзрачной, да и росту ей это не прибавит.

— Лучше бы мне вовсе на этот прием не ходить! — вырвалось у нее.

— Ну что вы! Я бы, например, с удовольствием на вашем месте оказалась и ни за что отказываться бы не стала. Жаль только, что миссис Гамар предпочитает еду заказывать из Лондона, а впрочем, все наверняка будет организовано как полагается — во всяком случае, не нужно будет стоять и пересчитывать сэндвичи. А вы, когда там окажетесь, даже не думайте беспокоиться о том, как выглядите. Да к вам никто и не станет так уж приглядываться; и потом, вы в любом случае вскоре поймете, что знаете почти всех присутствующих.

Но Флоренс чувствовала, даже совершенно

точно знала, что все будет совсем не так. И эти опасения полностью оправдались. Во-первых, в Имении не оказалось прихожей — такой, где обычно оставляют пальто и шляпы, по которым можно сразу догадаться, кто уже пришел, прежде чем решиться самой войти в гостиную. Там был настоящий холл со стенами, отделанными панелями из полированного вяза, и уже в холле чувствовалось теплое дыхание дома, который понятия не имел, что такое холод. Флоренс мельком глянула на себя в зеркало, куда более роскошное, чем в ателье «Рода», и подумала, что лучше бы она это красное платье все-таки не надевала.

Прямо перед собой она увидела дверь, ведущую в очень красивую комнату с бледно-зелеными стенами — этот цвет был по-прежнему весьма рекомендован в георгианском обществе, — и из этой комнаты доносились незнакомые голоса. Флоренс обратила внимание на множество фотографий в серебряных рамках, которые стояли и на рояле, и на многочисленных маленьких столиках; по этим фотографиям можно было отчасти представить себе те весьма разветвленные семейные связи, благодаря которым Вайолет Гамар имела доступ к столь могущественным персонам, какие обитателям Хардборо даже не

снились. Муж Вайолет, которого все называли исключительно Генералом, бродил из комнаты в комнату, открывая всевозможные дверцы и ящики с таким видом, словно никак не мог найти то, что оправдывало бы эти его шатания. В 1950-е годы на лондонской сцене шло множество пьес, в которых отдельные персонажи только и делали, что входили или выходили из разных дверей, потом исчезали и появлялись лишь в заключительном акте часа три спустя. Генерал отлично вписался бы в такую пьесу. Он кружил, изображая радостное оживление и на всякий случай улыбаясь, среди столов с закусками и, видимо, не терял надежды, что вскоре его услуги, хотя бы на несколько минут, все же понадобятся, ведь в любом случае открывать шампанское — дело совсем не женское.

Среди гостей Флоренс не заметила ни управляющего местным банком, ни викария, ни даже своего адвоката, мистера Торнтона, ни второго городского адвоката, мистера Друэри, услугами которого она никогда не пользовалась. Она, правда, узнала спину «благочинного» — старшего священника нескольких соседствующих приходов, — но все остальные были ей совершенно не знакомы. Этот прием был устроен для знати

графства и для особо важных гостей из Лондона. И, как справедливо догадывалась Флоренс, ей лишь со временем удастся узнать, почему же и она оказалась в числе приглашенных.

Генерал явно испытал облегчение, заметив эту маленькую женщину, не имевшую никакого отношения ни к родственникам его жены, ни к высокопоставленным гостям из Лондона, наводившим на него страх, и тут же принес Флоренс большой бокал шампанского, с удовольствием наполнив его из только что откупоренной бутылки, — впрочем, он уже успел откупорить не менее дюжины таких бутылок. Генерал полагал, что если эта особа не имеет никакого отношения к его жене, то, подойдя к ней, он вряд ли совершит грубый просчет. Ему так и не удалось догадаться, кто же она такая, хотя он был почти уверен, что где-то видел ее раньше. Флоренс, словно читая его мысли, — что было вовсе не трудно, поскольку беседу Генерал вел, то и дело спотыкаясь, будто осторожно преодолевал одно затруднение за другим, — сама в итоге сообщила ему, что она и есть тот самый человек, который собирается открыть в Хардборо книжный магазин.

— Ах, вот в чем дело! Ну, теперь мне наконец все стало ясно! Значит, вы подумываете об открытии

книжного магазина. Вайолет это очень заинтересовало. Она намекала, что хочет переговорить с вами и высказать кое-какие собственные идеи. Думаю, чуть позже она непременно изыщет такую возможность и подойдет к вам.

Флоренс казалось, что «изыскать такую возможность» миссис Гамар могла бы в любой момент, поскольку она здесь хозяйка. Впрочем, она и не думала обманывать себя насчет собственной значимости. Она, собственно, решила вообще ни о чем не думать и с удовольствием сделала несколько глотков шампанского, после чего мелкие тревоги этого суматошного дня сразу куда-то незаметно улетели, словно подхваченные золотистыми, слегка покалывавшими язык пузырьками вина.

Она ожидала, что Генерал, сочтя свой долг хозяина выполненным, отойдет от нее, но он почему-то медлил.

— Какого типа книги вы намерены продавать у себя в магазине? — спросил он.

Флоренс растерялась, не зная, что ему ответить.

— Сейчас ведь в книжных магазинах редко встретишь поэтические сборники, не так ли? — продолжал Генерал. — Мне, во всяком случае,

они там почти не попадаются.

— Поэзия в каком-то количестве у меня, безусловно, представлена будет, — сказала Флоренс. — Хотя она продается не так хорошо, как некоторые другие книги. Впрочем, мне нужно время, чтобы окончательно разобраться, какие именно книги мне следует заказать.

На лице Генерала было написано явное удивление. Ему даже в звании младшего офицера не требовалось много времени, чтобы запомнить всех людей «своего войска».

— «Легко стать мертвым. Скажите лишь: они мертвы». Вы знаете, кто написал эти строки?

Флоренс ужасно хотелось бы сказать «да, знаю», но, увы, она не могла. Глаза Генерала, в которых мерцал огонь ожидания, погасли. Он явно и раньше не раз пытался получить ответ на этот вопрос, но тщетно. И он сам назвал ей имя автора, но столь тихим голосом, что ей лишь с трудом удалось его расслышать в волнах того шума, который с шипением и стуком накатывался на них со всех сторон.

— Чарлз Сорли…[4]

Флоренс сразу поняла, что этот Сорли, должно быть, погиб, и спросила:

— Сколько ему было лет?

— Сорли? Двадцать. Он служил в Девонширском полку — его еще называют *Swedebashers*[5], он, как известно, в основном из жителей Саффолка состоял, — 9-й батальон, рота *B*. И погиб в сражении под Лусом в 1915-м. Останься он жив, ему сейчас было бы шестьдесят четыре. Как мне. Вот почему я все время вспоминаю беднягу Сорли.

Наконец Генерал, шаркая ногами, удалился, и его тут же поглотила толпа гостей, становившаяся все более шумной и оживленной. А Флоренс опять осталась одна. Вокруг нее были люди, наверняка хорошо знавшие друг друга и общавшиеся по-свойски, как родственники; кое-кто из них был даже запечатлен на тех фотографиях в серебряных рамках. Кто же все они такие? Флоренс, собственно, ничего против них не имела, прекрасно понимая, что и эти люди тоже,

---

[4] Сноски: 4

Чарлз Сорли (1895–1915) — британский армейский офицер и шотландский поэт, участник Первой мировой войны, был убит в сражении при Лусе в 1915 г. Его произведения были опубликованы посмертно в 1916 г.

[5] Сноски: 5

Сельские жители, деревенщина (*англ.*, *разг.*).

наверное, растерялись бы, если бы, например, случайно попали в отдел рассылки огромного книжного магазина Мюллера. И тут вдруг у нее за спиной раздался бархатный голос какого-то, явно молодого мужчины, который произнес: «А я знаю, кто вы такая. Вы, вероятно, и есть миссис Грин».

Ему бы не следовало так говорить, подумала Флоренс, пока он не удостоверился, что его тоже узнали; впрочем, она его, конечно же, узнала сразу. Да любой житель Хардборо тут же с гордостью мог сообщить, кто этот человек такой, поскольку все знали, что он работает в Лондоне, ездит туда на автомобиле и имеет самое непосредственное отношение к телевидению. Это был Майлоу Норт из Нельсон-коттеджа, что на углу Бэк-лейн. Каковы были его функции на телевидении, никто толком не знал, но в Хардборо привыкли к тому, что никогда нельзя с точностью сказать, чем именно люди занимаются в Лондоне.

Майлоу Норт был высок ростом и шел по жизни легко, не совершая особых усилий для своего продвижения. Впрочем, чтобы произнести: «Я знаю, кто вы такая. Вы, вероятно, и есть миссис Грин», ему все же потребовалось определенное усилие, а он не привык к бессмысленным тратам даже столь малого количества энергии. То, что

представлялось в нем особой изысканностью и утонченностью, было на самом деле всего лишь умением ловко избегать любых сложностей и неприятностей; а то, что многие воспринимали как сочувствие или симпатию, было всего лишь инстинктивным стремлением предотвратить любые сложности и неприятности еще до того, как они возникнут. Трудно было даже представить себе, как подобный человек воспримет неизбежный процесс старения. Его эмоции, практически невостребованные и не имеющие возможности как-то себя проявить, успели атрофироваться. Но, как он недавно обнаружил, природное умение приспособиться и любопытство служили ему ничуть не хуже эмоций.

— Ну и я, разумеется, знаю, кто вы такой, мистер Норт, — сказала Флоренс, — хотя никогда раньше и не получала приглашений в Имение. А вот вы, полагаю, бываете здесь достаточно часто.

— Да, меня часто сюда приглашают, — подтвердил Майлоу и тут же принес ей еще бокал шампанского. Флоренс почувствовала, что благодарна ему: ведь она была уверена, что теперь, после ухода Генерала, так и будет торчать тут одна в полной неопределенности.

— Спасибо, вы очень добры.

— Не очень, — возразил Майлоу, редко говоривший что-либо кроме правды. Обходительность — это и впрямь отнюдь не доброта. Текучая натура Майлоу осторожно пробовала и отыскивала в людях их слабые места, а потом, украдкой проникнув к ним в душу и почувствовав, что вполне устроилась, начинала действовать в своих интересах. — Вы ведь живете одна, не так ли? И недавно совершенно самостоятельно переехали в Старый Дом? А вы никогда не задумывались о том, чтобы снова выйти замуж?

Флоренс смутилась. У нее было такое ощущение, словно она, подобно некоему судну, заштилена тихим голосом этого молодого человека в далекой заводи, где почти не слышны громкие голоса гостей, оставшихся далеко за спиной. Там, в этой шумной толпе, даже время, казалось, двигалось быстрее. Да и блюда с сэндвичами, украшенными петрушкой, которые были полны, когда она вошла в зал, теперь уже опустели, и на них виднелись лишь жалкие крошки.

— Раз уж вы спросили, — сказала она, — я вам отвечу так: в замужестве я была очень счастлива. Сперва мы с мужем работали вместе, но потом он перешел в Управление торговли — это было еще до того, как оно стало министерством, — и вече-

ром, вернувшись домой, он часто рассказывал мне о своей работе.

— И вы были счастливы?

— Да. Я очень его любила. И старалась понять, в чем заключается его работа. Меня порой просто поражает, до чего некоторые супруги друг другу не подходят. Ведь должно же у них быть что-то общее, какие-то интересы.

Майлоу посмотрел на нее внимательнее.

— А вы уверены, что вам дали добрый совет, предложив самостоятельно заняться бизнесом? — спросил он.

— Я никогда ранее не была с вами знакома, мистер Норт, но мне всегда казалось, что вы с вашей профессией должны были бы приветствовать появление в Хардборо книжного магазина. Вы ведь, наверное, работаете в редакции Би-би-си и с писателями общаетесь, и с философами, и с другими интересными людьми. Вот я и надеюсь, что когда-нибудь все эти люди и к нам в Хардборо заглянут — с вами повидаться и свежим воздухом подышать.

— Если бы они вдруг и впрямь сюда *заглянули*, я бы просто не знал, что мне с ними делать. Писатели, впрочем, готовы ехать куда угодно, а вот насчет философов я не уверен. Хотя Кэтти

отлично сумела бы о них позаботиться.

Кэтти — это наверняка та темноволосая девушка, что носит красные чулки (или, может, колготки, ведь теперь, говорят, колготки легко купить в Лоустофте и Флинтмаркете, хотя в Хардборо их до сих пор не сыскать) и живет с Майлоу Нортом. Они, собственно, единственная в городе пара, не состоящая в браке, но открыто живущая вместе. Впрочем, Кэтти — всем в Хардборо было известно, что она тоже работает на Би-би-си, — приезжала сюда только три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, что, по мнению здешних жителей, делало ее поведение чуть более пристойным.

— Жаль, что Кэтти не смогла сюда прийти, — сказал Майлоу.

— Но ведь сегодня среда! — не удержавшись, воскликнула миссис Грин.

— А я и не сказал, что ее нет дома. Я сказал всего лишь, что она, к сожалению, не смогла присутствовать на этом приеме. А не смогла она потому, что я ее с собой не взял. Мне показалось, что ее появление может вызвать совершенно излишние неприятности.

Миссис Грин подумала, что этому молодому человеку следовало бы иметь больше мужества

и до конца отстаивать свои убеждения. Она считала, что они с Кэтти в известной степени бросают вызов устоям старого мира. И, будучи гораздо старше их, имела полное право за них беспокоиться.

— В любом случае вы непременно должны заглянуть ко мне в магазин, — сказала она. — Я буду на вас рассчитывать.

— Ни в коем случае, — откликнулся Майлоу.

Потом нежно взял ее за локотки, слегка встряхнул и задушевным тоном спросил:

— А почему вы сегодня вечером надели красное платье?

— Оно не красное! Это цвет граната или темной терракоты!

И тут к ним подошла миссис Вайолет Гамар, постоянная «патронесса» всех общественных мероприятий в Хардборо. Несмотря на то что до этого она стояла к ним спиной, она все же ухитрилась заметить, как Майлоу встряхнул Флоренс, однако решила, что это просто проявление свойственной художественным натурам вольности и, стало быть, не является столь уж неуместным в ее гостиной. Кстати, у нее как раз выдалась минутка, чтобы сказать миссис Грин пару слов. Она объяснила, что весь вечер пытается это сде-

лать, но ее, увы, все время кто-то перехватывает, поскольку ее дом, похоже, посетило «просто невероятное количество гостей». Впрочем, прибавила она, с большинством она может повидаться и в любое другое время. А вот миссис Грин она хотела непременно сегодня же сказать, что все жители Хардборо наверняка очень благодарны ей за это новое и весьма рискованное начинание, за умение предвидеть будущие потребности общества и за предприимчивость.

Миссис Гамар рассыпала похвалы с некой щедрой настойчивостью, не сводя с Флоренс своих ярких блестящих глаз, которые, казалось, некий внутренний механизм постоянно держит распахнутыми до предела.

— Бруно! Вас представили моему мужу? Бруно, поди сюда и скажи миссис… миссис… как все мы рады с ней познакомиться!

И Флоренс испытала какую-то странную готовность немедленно и охотно посвятить всю свою жизнь служению миссис Гамар.

— Бруно!

Генерал тем временем пытался привлечь к себе внимание гостей, демонстрируя всем царапину на руке, возникшую в результате его борьбы с проволокой, которой была перекручена пробка

на очередной бутылке шампанского, что ему пришлось откупорить. Он каждому показывал свою «рану» и, надеясь вызвать улыбку, называл себя «тяжелораненым», утверждая, что «едва держится на ногах из-за потери крови».

— Не правда ли, Бруно, мы все просто Бога молили, чтобы у нас в Хардборо наконец появился хороший книжный магазин?

Бруно, чуть покачиваясь, подошел к ней: он был счастлив, что его подозвали.

— Разумеется, дорогая. Молиться вообще никогда не вредно. И, пожалуй, было бы замечательно, если бы все мы почаще это делали.

— Мне бы хотелось прояснить только один момент, миссис Грин… впрочем, это сущая ерунда, вы ведь еще по-настоящему не переехали в Старый Дом, не так ли?

— Переехала. Я уже больше недели там живу.

— О! Но ведь в этом доме даже воды нет!

— Есть. Мне Сэм Уилкинс весь водопровод в порядок привел.

— Не забывай, Вайолет, — с легким беспокойством заметил Генерал, — что ты почти все последнее время находилась в Лондоне и вряд ли могла оттуда уследить за всем, что тут у нас происходит.

— А почему бы мне, собственно, туда и не переехать? — Этот провокационный вопрос Флоренс задала самым легким тоном, на какой только была способна.

— Не смейтесь, но у меня, к счастью, есть некий дар — а может, просто инстинкт, — дающий мне возможность определять, соответствует тот или иной человек выбранному им месту жительства или не соответствует. Вот, например, совсем недавно… хотя, боюсь, вы не сумеете ощутить глубокий смысл этого предчувствия, поскольку вряд ли знаете, о каких именно двух домах пойдет речь…

— Дорогая, а не могла бы ты и мне напомнить, какие дома ты имеешь в виду? — попросил жену Генерал. — Ну а потом я смог бы не спеша все объяснить миссис Грин.

— Это не важно. Вернемся лучше к вопросу о Старом Доме. Ведь это тот самый случай, где мой дар мог бы пригодиться. Я уверена, что сумела бы избавить вас не только от серьезных разочарований, но и, возможно, от излишних расходов. Я ведь действительно хочу вам помочь — собственно, это и служит мне извинением за все только что сказанное.

— Но никаких извинений, безусловно, и не

требуется, — сказала Флоренс.

— Понимаете, в Хардборо имеется немало других домов с прилегающими пристройками и неплохим участком, которые во всех отношениях куда лучше подошли бы для книжного магазина. Вам, например, известно, что Дибн собирается закрывать свою лавку?

Разумеется, Флоренс знала, что Дибн, торгующий свежей рыбой, вот-вот свой магазин закроет. В Хардборо всегда и всем сразу становилось известно, где вскоре освободится дом, кто испытывает финансовые трудности, кому через девять месяцев может понадобиться более просторное жилье, а кто готовится к смерти.

— Боюсь, мы слишком привыкли, что Старый Дом из года в год стоит пустым, а потому и откладывали реализацию своей давней задумки… вы, миссис Грин, заставили нас просто устыдиться собственной нерасторопности — ведь сами вы с такой быстротой оформили эту сделку… но теперь мы, пожалуй, даже огорчены столь внезапным превращением нашего Старого Дома в какой-то магазин… ведь столь многие из нас лелеяли мысль о превращении этого старинного здания в центр притяжения для жителей Хардборо — я имею в виду, разумеется, центр культуры

и искусств…

Генерал, с напряженным вниманием слушавший ее речь, вставил:

— Знаешь, Вайолет, за это и я бы с удовольствием помолился!

— …И там, — продолжала Вайолет, — летом можно было бы слушать камерную музыку — нельзя же допустить, чтобы музыку слушали исключительно в Олдборо[6], — а зимой лекции…

— Лекции у нас уже читают, — заметила Флоренс. — Наш викарий каждые три года повторяет курс лекций на тему «Живописный Саффолк». — Это, кстати сказать, были довольно приятные вечера — можно было слушать не слишком внимательно, любуясь бесконечной чередой мелькающих перед глазами и навевающих сон цветных слайдов, подобранных без какой бы то ни было системы и абсолютно не подвластных монотонному рассказу викария.

— Нам бы следовало проявить большее честолюбие в подобных вопросах — ведь летом в

---

[6] Сноски: 6

В городе Олдборо (графство Саффолк) музыкальные фестивали проводятся ежегодно; первый из них состоялся еще в 1948 г. по инициативе британского композитора, дирижера и пианиста Б. Бриттена (1913–1976).

Хардборо приезжает так много гостей, и некоторые из них вынуждены преодолевать для этого весьма значительные расстояния. И потом, у нас в городе просто нет второго столь же старого дома, который давал бы правильное представление об истории этой местности. Вы ведь подумаете над моими словами, не так ли?

— Видите ли, — сказала Флоренс, — я ведь более полугода вела переговоры о покупке этого дома и никогда не поверю, чтобы об этом не было известно хотя бы кому-то из жителей Хардборо. Вообще-то я абсолютно уверена, что об этом знали все. — Она глянула на Генерала, как бы ожидая подтверждения, но тот на нее не смотрел; он не сводил глаз с пустых блюд, с которых уже исчезли все сэндвичи.

— И к тому же, — с еще большим напором продолжала миссис Гамар, словно не слыша Флоренс, — у нас теперь есть существенное преимущество, которое просто несправедливо было бы сбросить со счетов, а заключается оно в том, что нашлась просто великолепная кандидатура на пост руководителя подобного культурного центра. И этот человек, как мне представляется, мог бы взять на себя не только руководство самим центром, но и правильно ориентировать

его посетителей в отношении литературы, живописи и музыки; он также мог бы послужить для нас вдохновляющим началом и во многих других прогрессивных тенденциях — например, в расчистке городской территории…

И миссис Гамар одарила миссис Грин такой сияющей улыбкой, в значении которой усомниться было просто невозможно. Однако сразу же после этого, не успев еще закончить фразу о «прогрессивных тенденциях», миссис Гамар ободряюще кивнула Флоренс и пошла от нее прочь, мгновенно растворившись в шумной толпе гостей. А на Флоренс вновь обрушилось ощущение неприятной заброшенности и абсолютной ненужности.

Оставшись в полном одиночестве, она, впрочем, медлить не стала и, пройдя через холл в маленькую гардеробную, принялась искать свое пальто. Методично роясь в грудах чужой одежды, Флоренс размышляла о том, что, в конце концов, она не так уж и стара, чтобы не справиться с двумя работами, а для книжного магазина можно нанять помощника, чтобы самой иметь возможность заниматься самообразованием; ей ведь наверняка придется прослушать несколько курсов — и по истории изобразительного искусства, и по истории музыки; впрочем, музыку она все-

гда очень любила и неплохо в ней разбиралась, а вот познакомиться, хотя бы поверхностно, с историей искусств нужно будет обязательно, и это, по всей видимости, будет связано с регулярными поездками в Кембридж.

Выйдя из дома, Флоренс увидела над головой чистое ночное небо; где-то далеко за болотами на реке Лейз мелькали необыкновенно яркие в прозрачном воздухе огоньки рыболовных судов, поджидавших отлива. Но было холодно, лицо пощипывал морозец.

«Как это мило с их стороны предложить мне такое, — думала Флоренс. — Только я, наверное, показалась им несколько неловкой, вот они и не захотели долго со мной беседовать».

Как только она ушла, группки гостей тут же перестроились — в точности как те коровы на лугу, когда Рэвен отвел в сторону старого мерина. Теперь все здесь были одного поля ягоды, все смотрели в одну сторону и паслись вместе. Промеж себя эти люди могли решить очень многие проблемы, хотя зачастую принятые ими решения и возникали совершенно случайно. А потому, когда гости уже начинали понимать, что пора бы и честь знать, миссис Гамар по-прежнему их не отпускала: она была несколько раздражена и

встревожена тем неожиданным препятствием, которое возникло на пути воплощения в жизнь ее планов относительно Старого Дома. Эта миссис Грин, хоть и держалась довольно скромно, так ни на что из предложенного ей согласия по-настоящему не дала. Впрочем, особого значения ее согласие и не имело. Несколько глотков шампанского, бокал которого ей принес все тот же Майлоу, взбодрили Вайолет Гамар, и она мысленно взлетела на поистине головокружительную высоту — в те круги, к которым принадлежали и второй муж ее кузины, имевший определенное отношение к Совету по искусствам[7]; и еще один, еще более дальний ее родственник, который вскоре должен был занять высокий пост в Министерстве планирования; и ее родной племянник, блестящий молодой человек, член парламента от оппозиции, выступавший за отделение Западного Саффолка и успевший приобрести известность в качестве весьма настырного секретаря Общества по обеспечению публичного доступа в места, представляющие интерес и художественную цен-

[7] Сноски: 7

Совет по искусствам Великобритании (*Arts Council of Great Britain*) был создан в 1946 г.; назначается и финансируется Министерством образования и науки; содействует развитию музыки, театра, литературы, живописи и скульптуры.

ность; а также лорд Госфилд, который на этот раз все же решился выбраться к Вайолет на прием из своего замшелого замка на Болотах[8], понимая, что, если снова разразится эпидемия ящура, он в течение нескольких долгих месяцев вообще никуда выехать не сможет, — и вновь подняла тему создания в Хардборо музыкально-художественного центра. И все перечисленные выше представители высших кругов — и молодой племянник Вайолет, и ее кузен, и прочие — уже начинали понимать, что им в любом случае придется что-то сделать, иначе Вайолет ни за что от них не отстанет. Пробрало даже лорда Госфилда, хотя он за весь вечер не сказал практически ни слова и проехал, сам сидя за рулем автомобиля, сто с лишним миль исключительно ради того, чтобы помолчать в компании своего старого друга Бруно. Впрочем, все эти люди старались относиться к гостеприимной хозяйке дома по-доброму, ибо подобное отношение к ней значительно облегчало им жизнь.

Однако пришла пора расходиться по домам. Но большинство гостей, не уверенные в том, что помнят, куда они или их жены сунули ключи от

[8] Сноски: 8

Болота (*Fens*) — низкая болотистая местность в графствах Кембриджшир, Линкольншир и Норфолк.

машин, так и толклись в дверях, дружно утверждая, что не следует напускать в дом холоду, а старый пес Генерала, пребывавший во власти одной лишь мечты о прогулке и с нетерпением ожидавший, когда же наконец дверь окончательно распахнется, тихонько постукивал хвостом по сверкающему паркетному полу. Когда ключи были найдены, автомобили, разумеется, завестись не пожелали, и возникла реальная перспектива того, что некоторые из гостей попросту вернутся в дом и останутся ночевать; однако с последней попытки двигатели все же завелись, и автомобили с ревом помчались прочь, а гости все еще что-то кричали и махали руками, высунувшись из окон, но потом наконец наступила тишина, и в этой тишине опять стал отчетливо слышен вой ветра, дувшего со стороны болот.

Глава третья

Утром на завтрак Флоренс приготовила себе селедку — какой смысл жить в Восточном Саффолке, не умея приготовить селедку! — два ломтика хлеба, масло и полный чайник чая. Ее кухня была расположена в задней части Старого Дома и являлась здесь, пожалуй, самой уютной и наиболее пригодной для общения комнатой с белыми оштукатуренными стенами; здесь было очень тихо, лишь слышались вздохи старого колодца с кирпичными стенками, вырытого прямо посреди кухни. Предыдущие обитатели дома считали, что им здорово повезло, ведь накачать воды из колодца они могли, не выходя из дома; но еще больше радости доставила им, видимо, установка настоящей раковины для мытья посуды, покрытой темно-желтой глазурью и глубокой, как саркофаг. Бронзовый кран, гордо сияя, подавал туда воду с большой глубины и холодную как лед.

В восемь часов Флоренс вытащила из розетки вилку электрического чайника и включила радиоприемник, который немедленно начал

рассказывать о беспорядках на Кипре и в Ньясаленде, а потом тем же тоном сообщил, что продолжительность жизни в Великобритании теперь составляет 68,1 года для мужчин и 73,9 года для женщин, тогда как в начале века она равнялась соответственно 45,8 года и 52,4 года. Флоренс попыталась внушить себе, что это был весьма ободряющий факт. Но потом, услышав штормовое предупреждение судам — в Северном море бушевал циклон, и сильный северо-восточный ветер был готов превратиться в ураган, подняв высокую волну, — испытала почти стыд: ведь она-то преспокойно сидит в тепле, на кухне в собственном доме и ест вкусную селедку. Впрочем, она тут же устыдилась бессмысленности подобных переживаний. За окном кухни, выходящим на восток, уже виднелся знак штормового предупреждения, поднятый береговой охраной и хорошо заметный на фоне бледного неба, которое успело приобрести довольно странный, желтовато-зеленоватый оттенок.

К середине дня небо расчистилось. Теперь оно от края до края было безоблачным; лишь одно-единственное облако плыло высоко в небе, отражаясь в сверкающей воде болот, бесконечные мили которых раскинулись по обе стороны

дамбы; казалось, это сами болота плывут между двумя одинаковыми облаками — одно вверху, другое внизу. Покончив со всеми необходимыми утренними делами, Флоренс решила немного пройтись и двинулась напрямик через муниципальный луг, сильно срезая путь. В начальной школе как раз началась вторая перемена, и дети высыпали на улицу. Мальчики держались отдельно от девочек; смешанные кружки образовывали только учащиеся выпускного класса, готовившиеся к экзаменам *eleven-plus*[9]. В полном одиночестве остался лишь какой-то малыш, и теперь он вовсю ревел. Его явно отправили погулять, крест-накрест обмотав теплым шарфом, заколотым на спине булавкой; на руках у него были шерстяные варежки, для надежности пришитые к длинной резинке, пропущенной под воротником пальто. Малыш, видимо, ходил еще в детский сад, где группы смешанные, и не успел определиться, к кому стоит примкнуть — к девочкам или мальчикам. Флоренс, пытаясь его успокоить, ласково спросила:

---

[9] Сноски: 9

«Экзамен для одиннадцатилетних», по результатам которого принимается решение, в какой из трех типов школ учащийся продолжит свое образование: грамматической (*grammar*), средней современной (*secondary modern*) или технической (*technical*).

— Ты, верно, из малышовой группы? Что же ты один-то на улице играешь? А может, ты заблудился? Тебя как зовут?

— Мелоди Гиппинг.

Значит, это девочка. Флоренс достала чистый носовой платок и высморкала юной Мелоди нос. И тут к ним, отделившись от девчачьего кружка, приблизилось юное существо, более всего похожее на отбившуюся от стада овцу с очень светлой шерстью.

— С ней все в порядке, мисс. Я — Кристина Гиппинг, а это моя сестренка, и я ее сейчас заберу. А носовые платки у нас и свои имеются — между прочим, салфетки «Клинекс» куда более гигиеничны, чем носовые платки.

И Кристина Гиппинг увела малышку. Мальчишки принялись развлекаться стрельбой друг в друга, и «убитые» тут же падали замертво. Девочки, образовав широкий круг, перебрасывались старыми теннисными мячами и пели:

Раз, два, пепси-кола,
Три, четыре, Казанова,
Пять, шесть, волос съесть,
Семь, восемь, мячик бросим,
Девять, десять, масло взвесить…

Флоренс повернула к югу, где линия горизонта скрывалась за темной полоской соснового леса. Там когда-то было настоящее царство цапель, но во время наводнения 1953 года весь лес затопило соленой морской водой, и цапли улетели, а потом больше в тех местах не гнездились.

В узкую калитку, выходившую на муниципальный луг — в эту калитку даже один человек мог протиснуться с трудом, — осторожно пробрался торговец-неудачник мистер Дибн, которого Флоренс, естественно, сразу узнала. Дибн шел через луг прямо к ней, на всякий случай украдкой поглядывая по сторонам. Она догадалась, что он, наверное, все это время тащился за ней по пятам, но очень старался, чтобы она его не заметила. И ему это, надо сказать, отлично удалось.

— Я насчет моей рыбной лавки, миссис Грин. Ее, конечно, выставят на аукцион, но не раньше апреля, а может, и позже. Так что мне было бы куда предпочтительней заранее лично с вами договориться. Поскольку вы вроде бы к моей собственности интерес проявляли… — И он, не давая Флоренс возможности вставить хоть слово и объяснить, что никакого интереса к его собственности она не проявляла, торопливо продолжил: — Только если вы не собираетесь в

Старом Доме оставаться, но и наши места тоже покидать не хотите… в общем, самое оно вам насчет другого места подумать, и вы еще оцените, что недосуг мне внимание обращать на всякие слухи и сплетни, которые до моих ушей долетают…

«У него, должно быть, только собственные беды на уме, — думала Флоренс. — Вон как спешил меня перехватить — так и выскочил из магазина, не сняв ни свой ужасный вонючий комбинезон, ни эту жуткую соломенную шляпу, в каких все торговцы рыбой ходят». Однако невнятная и путаная речь мистера Дибна все же натолкнула ее на догадку, и она, уловив в итоге тайный смысл его предложений, поняла, *в чем* тут, собственно, дело. Это, впрочем, отнюдь не показалось ей странным; мало того, она почувствовала, что должна быть ему благодарна за то, что он невольно в форме предупреждения открыл ей столь очевидную истину.

— Видите ли, мистер Дибн, вы тут явно что-то недопоняли, но это не важно. Я с удовольствием помогу вам разобраться в данной ситуации. Миссис Гамар была так любезна, что изложила мне свой план создания в Хардборо культурного центра — что, не сомневаюсь, пошло бы всем нам только на пользу, — и она, насколько я поняла,

ищет для этого центра подходящее помещение. А что может быть лучше, чем ваш рыбный магазин, который вот-вот освободится?

И Флоренс, не давая себе времени на дальнейшие раздумья и рассуждения, поспешила вежливо распрощаться с мистером Дибном и покинула муниципальный луг через ту же узенькую калитку, которая, как всегда, закрылась далеко не сразу. Затем она пересекла Хай-стрит, свернула направо у здания «Торговля хлебом и зерном», потом еще раз повернула направо и направилась к Нельсон-коттеджу. Подойдя ближе, она сразу увидела за окном нижнего этажа Майлоу Норта; он сидел за столом, накрытым скатертью в стиле пэчворк, и ровным счетом ничего не делал.

— Почему же вы сегодня не в Лондоне? — спросила она, постучав в стекло. Ее слегка раздражала абсолютная непредсказуемость повседневной жизни Майлоу.

— Сегодня я отправил на работу Кэтти. Входите же.

Он распахнул перед Флоренс парадную дверь. По сравнению с этой узкой и низенькой дверью — да и по сравнению с самим домом — Майлоу казался каким-то слишком высоким и крупным; собственно, и дом-то и своими размерами, и сво-

ими просмоленными, выкрашенными черной краской стенами больше напоминал рыбацкую хижину.

— Не угодно ли чашечку «Нескафе»?

— «Нескафе» я еще никогда не пробовала, — призналась Флоренс. — Только слышала о нем. Говорят, его даже кипятком заваривать не обязательно. — Она уселась в изящно изогнутое кресло-качалку и удивленно заметила: — Как вы здесь помещаетесь? Такая мебель, пожалуй, для вас маловата.

— Да знаю я, знаю. Но я так рад, что вы сегодня ко мне заглянули. Никто, кроме вас, никогда не заставляет меня посмотреть правде в глаза.

— Вот как? Ну и хорошо, потому что я как раз и пришла, чтобы задать вам один вопрос. Это ведь вас имела в виду миссис Гамар, когда во время приема в Имении упомянула о том, что у нее на примете есть идеальный руководитель для будущего культурного центра?

— Вайолет сказала это во время той вечеринки?

— Она, наверное, ожидала, что я тут же покину Старый Дом — на самом деле, попросту куда-нибудь переберусь, — и рассчитывала, что вместо меня там появитесь вы и станете всем

заправлять?

Майлоу некоторое время спокойно смотрел на нее прозрачными серыми глазами, потом сказал:

— Если Вайолет действительно имела в виду меня, то вряд ли она могла воспользоваться словом «заправлять».

Флоренс винила себя в тщеславии, самообмане и сознательно неверном толковании фактов. Она ведь всего лишь *продавец*: с какой стати кому-то могло бы прийти в голову, что она имеет отношение к искусству? Но, как ни странно, в течение нескольких дней после разговора с Майлоу она была почти готова сама сказать, что покидает Старый Дом. Подозревать себя в том, что она цепляется за свою собственность только по причине раненого тщеславия, было невыносимо. «Разумеется, вы, миссис Гамар — которую я никогда ни в разговоре, ни при прямом обращении не назову просто Вайолет, — тогда имели в виду именно Майлоу Норта, — думала Флоренс. — И вам хотелось немедленно поместить его в Старый Дом. Ведь мой маленький книжный бизнес можно перенести в любое другое место. Но я прошу вас лишь об одном: не торопитесь, не пренебрегайте уже заключенными мною договоренностями — у нас, в Восточном Саффолке, это не принято. Не

то Кэтти — первые несколько лет по крайней мере — придется жить в сарае для разведения устриц».

Однако в более спокойные моменты она порой размышляла иначе, представляя, например, как все могло сложиться, если бы миссис Гамар и те, кто ее поддерживал, сумели договориться о выделении ей, Флоренс, небольшого правительственного гранта, а также вернули бы ту сумму, которую она отдала за право «свободного владения» Старым Домом, плюс затраты на переезд и — по справедливости — приплатили бы немного сверху, тем самым открывая ей путь к рассмотрению новых возможностей. И пусть бы это осуществилось даже не в Саффолке, а может, даже и не в Англии, но у нее бы вновь возникло то, поистине драгоценное, *ощущение начала*, которое у людей ее возраста возникает далеко не часто. Да нет, это, конечно же, чистый абсурд — воображать, будто ее запросто могут выгнать из собственного дома и, воспользовавшись некими привилегиями, заставить перебраться в рыбную лавку Дибна!

Короче говоря, Флоренс решила на какое-то время просто закрыть на все глаза и, притворяясь перед самой собой, попытаться поверить, что

люди отнюдь не подразделяются на хищников и травоядных, причем первые в любой момент явно доминируют, а последние покорно позволяют себя уничтожать. Сила воли бесполезна, если человек не обладает чувством направления, не имеет конкретной цели. А Флоренс к тому же казалось, что и силу воли она почти совсем утратила и не способна получить столь необходимый для выживания импульс.

Однако ее сила воли сумела возродиться вновь, и очень быстро, буквально в течение десяти минут. Причем без каких бы то ни было усилий со стороны самой Флоренс. Произошло это утром в последний вторник марта. Стояла на редкость странная погода, чем-то напоминавшая Флоренс тот день, когда она увидела, как цапля на лету пытается проглотить пойманного угря. Если вывешенное на просушку белье клонилось к западу на ветру, дувшем с моря, то лопасти ветряной мельницы на болотах, напротив, вращались с запада на восток, поймав другой ветер, наземный, дувший в противоположную сторону, и в этих противоборствующих воздушных потоках с наслаждением кружили черные грачи. Флоренс подъехала к зданию береговой охраны, откуда было рукой подать до Старого Дома, оставила в

гараже свой маленький автомобильчик и, пройдя по коротенькому переулку, оказалась у своих задних дверей, ведущих на кухню.

Переулочек Скор-лейн был настолько узким, что казалось, будто при сильных порывах ветра кирпичные дома с черепичными крышами приваливаются друг к другу плечами, точно подвыпившие моряки, чтобы не упасть на землю. Заднюю дверь Старого Дома всегда приходилось открывать очень осторожно, иначе ворвавшийся сквозняк тут же гасил растопочный огонь, тлеющий в кухонной плите. Но когда Флоренс, повернув ключ в замке, чуть налегла на дверь плечом, дверь открываться не захотела.

Она сразу принялась обвинять в этом ржавые петли, сильно деформированную дверную панель и так далее, но, разумеется, дело было совсем не в двери. Попыткам Флоренс войти в дом явно противостояла некая, довольно мощная враждебная сила, которая то активизировалась, то затихала, но всякий раз успевала опередить хозяйку дома и вновь начинала сопротивляться ей с жестокой силой безумца. Если Флоренс делала шаг назад, дверь, слегка подрагивая, ждала, когда противник предпримет новое усилие. И все это время откуда-то из недр дома, особенно из задней

его части, раздавался дробный стук. Точнее, даже не стук — больше всего эти звуки были, пожалуй, похожи на серию крошечных взрывов. Затем в какой-то момент, когда Флоренс, устав сражаться с упрямой дверью и пытаясь отдышаться, бессильно прислонилась к ней лбом, дверь вдруг резко подалась внутрь. Не удержавшись на ногах, Флоренс упала на четвереньки и оказалась в коридоре, больно стукнувшись коленями о кирпичный пол. А дверь тут же распахнулась настежь и принялась мотаться туда-сюда на ветру, точно рука, аплодирующая актерам, сыгравшим комический спектакль.

Все обитатели Скор-лейн, должно быть, видели, как Флоренс Грин головой вперед ввалилась в собственное жилище. В это мгновение она испытывала и боль, и смущение, и страх, но мучительнее всего было ощущение, что с ней поступили несправедливо. Обычно «постукач» устраивал свои представления в ванной комнате или в верхнем коридоре, а здесь, в задней части дома, Флоренс никогда его даже не слышала и никаких следов его зловредной деятельности не замечала. В конце концов, существуют же некие негласные формы договора даже с метафизическими силами и существами! А этот «постукач»

негласный договор с нею нарушил. И Флоренс вдруг почувствовала, как в ней пробуждается прежняя сила воли, и для начала это вылилось в крайнюю степень возмущения поступком того сверхъестественного существа, которое, нарушив «договоренности», осмелилось нанести ей физический ущерб. «Невидимкам» — так всегда называли подобные существа девушки, работавшие у Мюллера, — вообще лучше не соваться в мир живых, видимых существ, считала Флоренс. Пусть занимаются своими делами. Во всяком случае, твердо решила она, теперь уж точно никто, ни видимое, ни невидимое существо, не заставит ее отказаться от открытия книжного магазина. Причем именно в Старом Доме!

В результате она попросила мистера Торнтона завершить оформление сделки как можно скорее, хотя и понимала, что на самом деле все будет происходить столь же медленно. В конце концов, адвокатская контора «Торнтон и компания» существовала уже много лет. А практически все судебные дела можно было доверить и солиситору Друэри, которому, впрочем, до Торнтона далеко, ибо Торнтон — это сама надежность, ведь ему доверяли абсолютно все. Мистер Торнтон тоже, разумеется, уже слышал, что его клиентка

упала среди бела дня, что она держала голову коня, помогая этому старому проходимцу Рэвену, что она по собственной инициативе посетила Майлоу Норта, к которому Торнтон относился весьма неодобрительно. Но, с другой стороны, ее пригласили на прием в Имение, куда самого Торнтона никогда не приглашали, хотя он не уставал надеяться, что здравый смысл все же когда-нибудь восторжествует, и тогда супруги Гамар, во всем разобравшись, откажутся от услуг Друэри и передадут все свои дела ему, Торнтону. Разве способен такой жалкий солиситор, как Друэри, должным образом обслуживать столь важный семейный бизнес? Ну что ж, выходит, и миссис Грин водит знакомство с этим семейством? Хотя, как не без оснований подозревал мистер Торнтон, тут, безусловно, имеются кое-какие оговорки.

Вытащив папку с документами, касавшимися Старого Дома, он объяснил Флоренс, что существуют определенные трудности, связанные с сараем, ранее использовавшимся как устричный питомник. Могут, например, возникнуть возражения со стороны местного общества рыболовов, членам которого с незапамятных времен было даровано право проходить прямиком через этот сарай, направляясь к морю, и даже, возможно,

сушить там на чердаке свои паруса.

— Но если идти прямо через сарай, — заметила Флоренс, — то попадешь не на берег, а в офис газовой компании. А сушить в этом сарае вообще ничего нельзя — там по стенам постоянно конденсат стекает. Да и чердак-то совсем развалился. И потом, сейчас ни один местный рыбак в море под парусом не выходит. Так что данный вопрос вам, конечно же, удастся урегулировать очень быстро.

Адвокат стал объяснять ей, что наличие определенных прав и невозможность применить их на практике — это совершенно разные вещи. Составить нотариальный акт о передаче имущества, прибавил он, далеко не так просто, как кажется большинству несведущих людей.

— Между прочим, миссис Грин, очень хорошо, что вы сегодня ко мне зашли. Дело в том, что я совершенно случайно кое-что услышал, и это заставило меня предположить, что вы, возможно, вообще передумали покупать этот дом. — Флоренс показалось, что мистер Торнтон прямо-таки подпрыгивает от распирающего его любопытства.

— Говоря, что я, «возможно, передумала», вы, разумеется, имели в виду мой отказ от этой сдел-

ки? — спросила она.

— Просто у меня возникли определенные сомнения, моя дорогая. Я всегда с грустью воспринимаю возможность утраты кого-то из членов столь маленького сообщества, как наш Хардборо, но, разумеется, если у вас появились более выгодные перспективы где-то в другом месте, то нам следует вас понять и поаплодировать вашей предприимчивости.

— То есть вы решили, что я могла передумать и собралась куда-то там переезжать? — Как жаль, подумала Флоренс, что я не могу хотя бы на полчаса стать значительно выше ростом и во время таких вот бесед иметь возможность смотреть на собеседника сверху вниз, а не снизу вверх, как сейчас. — Вам показалось, будто я хочу выехать из Старого Дома — хотя это, между прочим, мое единственное жилье, — предоставив вам возможность сколько угодно долго разбираться с нелепым правом рыбаков на свободный проход через мой сарай, ибо именно это право столь сильно вас смущает?

— Но ведь в Хардборо немало и других пустующих домов; у меня, кстати, имеется целый список подходящих зданий, в том числе и расположенных чуть дальше — например, во Флинтмаркете

или даже в Ипсуиче. Я не знаю, рассматривали ли вы подобную...

Наступил май; уже прилетели крачки и, то поднимаясь, то опускаясь, стаями кружили над берегом, синхронно взмахивая крыльями. Крачки всегда сотнями селились здесь, на песчаных участках прибрежной зоны. Флоренс доставили первую партию книг из магазина Мюллера. Книги привезли на двух фургонах фирмы «Картер Патерсон», занимающейся грузоперевозками; а неделей позже постепенно подвезли и то, что Флоренс заказала у оптовых торговцев книгами. Было ясно, что остального, то есть новинок, ей придется ждать до тех пор, пока комиссионеры не решатся наконец забраться в такую глушь и пересечь все эти бескрайние болота ради некой новой и совершенно неизвестной им торговой точки. Окончательно убедившись, что сарай на берегу абсолютно непригоден для хранения книг, Флоренс пока сложила весь доставленный товар в просторной кладовой под лестницей, но понимала, что придется здорово поломать голову, чтобы придумать, как разместить книги в дальнейшем.

Однажды утром, вернувшись из Флинтмаркета, она обнаружила у себя в доме целый отряд

мальчишек лет двенадцати-тринадцати в одинаковых синих джемперах; мальчики сообщили ей, что они — морские скауты, и она удивленно спросила:

— Как же вы сюда вошли?

— Мистер Рэвен взял ключ у сантехника, — спокойно пояснил один из мальчишек, крепенький, как сноп соломы.

— Но ведь не он, наверное, ваш капитан?

— Нет, не он. Но он велел нам прийти и помочь вам устроиться. Говорите, что мы могли бы для вас сделать?

— Ну, например, повесить эти полки, — сразу предложила Флоренс. — Сможете?

— А сколько ручных дрелей у вас имеется?

Флоренс сходила в магазин и вернулась оттуда с ручными дрелями и шурупами, которые, оказывается, продавались на вес. Скауты проработали часа два, затем сходили домой, пообедали и снова явились к ней. К тому времени, как все полки были повешены, пол и большую часть книг покрывал плотный, в четверть дюйма толщиной, слой опилок.

— Мы могли бы потом все за собой убрать и вообще навести тут полный порядок, — предложил Уолли.

— Ничего, я сама, — сказала Флоренс. Она была несказанно благодарна этим милым ребятам. — Но мне бы очень хотелось что-нибудь вам подарить. Для вашего штаба. — Она знала, что штаб скауты устроили на старой трехмачтовой шхуне-развалюхе, вытащенной на берег в эстуарии.

— А у вас есть учебник азбуки Морзе? Или «Медицинский словарь» Пиерса? — спросил Уолли.

— Боюсь, что нет… — Похоже, они оба одинаково растерялись. — А знаешь что, Уолли? Возьмите себе эти ручные дрели. Мне они все равно ни к чему, я ими и пользоваться толком не умею. И потом, если мне понадобится просверлить дырку, я сразу же подам вам сигнал бедствия.

— Ой, вот спасибо! Уж мы-то, осмелюсь заметить, применение этим дрелям найдем! — обрадовался Уолли. — Вот только по нашим правилам, если мы выполним какую-то работу, то обязаны будем внести стоимость двенадцати кирпичей в строительство нового Баден-Пауэлл-хауса[10] в Южном Кенсингтоне.

Флоренс дала ему пять фунтов. Уолли радостно

---

[10] Сноски: 10

Роберт Баден-Пауэлл (1857–1941) — британский генерал, в 1908 г. основавший организацию бойскаутов; его сестра, леди Агнес, основала организацию девочек-скаутов (*Girl Guides*) в 1910 г.

отсалютовал ей и пояснил:

— Южный Кенсингтон — это такой район в Лондоне.

Скауты, над которыми Рэвен явно имел таинственную власть, пришли к ней еще раз и побелили все стены, после чего она, отказавшись от любых дальнейших предложений помочь, обрела наконец возможность спокойно заняться размещением книг.

Новые книги, присланные пачками по восемнадцать штук в каждой, были завернуты в тонкую коричневую бумагу. И по мере того как Флоренс разворачивала их и доставала на свет божий, они как бы сами собой занимали места в соответствии с некой собственной иерархией. Тяжелые роскошные альбомы с видами сельских особняков или соборов Саффолка, а также толстые тома мемуаров государственных деятелей заняли то место, которое принадлежало им по праву рождения: в передней витрине. Другие, необходимые, но не столь аристократичные, решила Флоренс, пусть займут средние полки. А вон там будут стоять книги об автомобилях — от «Остина» до «Вулзли», — различные руководства по обработке камней, навигации и парусному спорту, а также справочники конных клубов,

определители дикорастущих цветов и птиц и всевозможные путеводители, атласы и карты. Там же разместились и популярные мемуары о войне в обложках двух цветов — хаки и кроваво-красного, — смотревшие друг на друга с явной враждебностью, точно соперники. Чуть дальше, в темном углу, Флоренс пристроила те издания, которые чаще всего застревают на полках магазина — в основном всевозможные философские и поэтические сборники; она не питала особой надежды, что увидит на своем веку, как будет продана последняя из этих книг. На самых дальних полках она расставила книги-«стайеры» — словари, научные справочники и тому подобное; эти хоть и медленно, но все же продавались; там же стояли различные издания Библии и нарядные «наградные» томики, которые, как надеялась Флоренс, будут куплены миссис Трейл в подарок самым успешным ученикам начальной школы. Последняя партия доставленных из магазина Мюллера книг представляла собой нераспроданные запасы, сложенные в большие картонные коробки. Среди этих книг попадались и не новые, и даже весьма потрепанные. И хотя в свое время Флоренс внушали, чтобы она никогда не заглядывала в книги во время работы, она все же

не удержалась и перелистала пару таких потрепанных книжек из старой серии «Эвримен»[11] в поблекших оливковых обложках с золотым тиснением. На форзаце изысканным шрифтом была набрана фраза, над которой она в детстве ломала голову: «Хорошая книга — это поистине драгоценный источник жизненной силы, созданный людьми выдающегося ума и хранимый от забвения как самая большая драгоценность во имя той жизни, что будет после нас». После некоторых колебаний Флоренс поставила эти книги между разделами «Религия» и «Домашняя медицина».

Стену справа от входа она целиком отвела для книг в бумажных обложках, стоимостью один шиллинг шесть пенсов каждая. Яркие, веселые и демократичные, эти книжки толпились на полках тесными, но вполне аккуратными рядами. Эти, пожалуй, быстро раскупят, решила Флоренс, так что пусть стоят здесь; она была вынуждена согласиться с присутствием «всяких пейпербэков», хотя еще помнила тот мир, где книги в бумажной обложке устраивали только иностранцев. Ей казалось, что книги серии «Эвримен» в своих достойных, хотя и несколько потрепанных

[11] Сноски: 11

Название серии справочных и учебных изданий лондонского издательства «Дент».

обложках с упреком поглядывают на пестрые шеренги «пейпербэков», выстроившиеся напротив.

На кухне, расположенной в задней части дома, Флоренс пришлось выделить два глубоких выдвижных ящика тем *особым* книгам, что были посвящены ее книжному бизнесу — нигде больше для них свободного места не нашлось, — и она сложила туда гроссбух и амбарные книги с записями о повторных заказах и новых закупках, с отчетами о продажах, мелких статьях прихода и расхода и так далее. Все эти нелюбимые книги, пока еще пустые, с незаполненными двойными колонками, словно угрожали безмолвному содружеству тех книг, что поселились на полках за соседней дверью. Понимая, что не особенно сильна в умении составлять отчеты и подводить баланс, Флоренс вообще предпочла бы, чтобы эти амбарные книги так и остались без читателя. Но этого допустить было нельзя; это с ее стороны было бы проявлением слабости, и она попросила Айви, племянницу Джесси Уэлфорд, девицу хитроватую, если не сказать продувную, работавшую в какой-то бухгалтерской фирме в Лоустофте, раз в месяц приходить к ней в магазин и учинять проверку. «Будем время от времени устраивать маленькое финансовое разбирательство», —

снисходительно заметила Айви Уэлфорд, словно подобная процедура должна была подействовать на Флоренс как тонизирующее средство на слабоумных. Подобная житейская мудрость в устах девушки двадцати одного года от роду вызывала у Флоренс некоторую тревогу; кроме того, ей было ясно, что с Айви непременно придется как-то расплачиваться; однако и мистер Торнтон, и управляющий банком, похоже, испытали облегчение, узнав, что для подведения бухгалтерских итогов Флоренс пригласила именно Айви. Они так и сказали: у этой девицы голова как надо прикручена.

Глава четвертая

Открытие книжного магазина «Старый Дом» должно было состояться на следующее утро, но у Флоренс и в мыслях не было устраивать по этому поводу какой-то праздник; она и не знала толком, кого именно следовало бы на такой праздник пригласить, и решила, что самое главное — это собственное хорошее настроение. Ведь если у тебя настроение хорошее, ты и наедине с собой можешь все очень даже неплохо отпраздновать. Флоренс как раз обдумывала эту мысль, когда отворилась дверь, выходящая на улицу, и в магазин вошел Рэвен.

— Часто вы тут одна бываете, — заметил он и сразу же извинился за то, что явился прямо в болотных сапогах.

Затем Рэвен принялся осматривать помещение, проверяя, ровно ли юные скауты повесили полки, и, разумеется, нашел к чему придраться:

— Вон там, возле буфета, на одну восьмую дюйма выступает.

Но Флоренс не хотелось замечать подобных мелочей; она вообще не видела никаких недо-

статков в своем замечательном магазине. Да и потом, когда книги уже выстроились на полках — она специально сдвинула их чуть больше вперед (ей невыносимо было видеть, что они заваливаются назад, в пустоту, точно побежденные воины), — вряд ли в глаза станут бросаться какие-то мелкие недостатки в оформлении. Это как с тем красным платьем, думала Флоренс: пообносится и «сядет по фигуре». А к тому платью она и впрямь постепенно привыкла, тем более что теперь оно действительно сидело неплохо.

— И стены они покрасили кое-как, неровно, — продолжал ревизию Рэвен. — Вы можете указать им на это, когда они в следующий раз к вам заявятся.

Флоренс была совсем не уверена, что узнает хоть кого-то из юных скаутов, если на нем не будет форменной скаутской одежды; но оказалось, что она ошибается. Стоило Уолли, одетому в обыкновенный школьный блейзер и относительно приличные брюки, купленные в магазине «Товары для сельской местности», появиться у нее в магазине, и она сразу же его узнала.

Он сообщил, что у него «письмо для миссис Грин».

— Письмо? От кого это? — спросил Рэвен.

— От мистера Брандиша.

— Что? Неужели мистер Брандиш сам вышел из Холт-хауса и вручил тебе письмо для миссис Грин?

— Нет, мистер Рэвен, он просто подошел поближе к окну и щелкнул.

— Языком?

— Нет, пальцами.

— Но как же ты сумел это расслышать через оконное стекло?

— Да я не то чтобы расслышал, а скорей просто догадался.

— Ну и как он выглядел? Бледный небось?

Уолли засомневался, не зная, как ответить.

— Ну да, бледный. И мрачный немного. Да я толком и сказать не могу, как он выглядел. Голова у него вроде как между плечами утопла.

— И ты испугался?

— Нет, мне показалось, что надо бы поторопиться.

— Морскому скауту всегда лучше поторопиться, — машинально поддержал его Рэвен. — Я его уж, пожалуй, с месяц не видел, хотя погода давно установилась хорошая. А когда он мне в последний раз хоть что-то сказал, я и вовсе не упомню. Он ведь и тебе, наверно, ни слова не сказал, да?

— Нет, как раз сказал! Он немного прокашлялся, а потом попросил меня передать это письмо миссис Грин.

В руках у мальчика был белый конверт с черной каймой. И хотя Флоренс все это время глаз с траурного конверта не сводила, она все же взяла его очень осторожно, словно сама себе не веря. Ей никогда прежде с мистером Брандишем даже разговаривать не доводилось. И даже на том приеме в Имении у нее не было ни малейших надежд с ним познакомиться. Всем в Хардборо было известно, что миссис Гамар, считая себя покровительницей, инициатором или даже хозяйкой всех сколько-нибудь ценных общественных начинаний, очень хотела бы считать мистера Брандиша своим другом, но, поскольку она прожила в Имении всего пятнадцать лет и родом была не из Саффолка, эти ее мечты оказались тщетны. Возможно, общество этой дамы мистера Брандиша попросту не привлекало. Да и потом, сам он, особенно в последние годы, дом свой практически не покидал, так что у Флоренс вызвало удивление уже то, что он даже ее имя и фамилию знает.

— Я не понимаю, каким образом это письмо могло быть написано для меня, — волновалась

Флоренс.

Ей хотелось остаться одной, но ни Рэвен, ни Уолли уходить даже не думали; оба ждали, когда она вскроет конверт.

— Вы насчет траурной каймы-то особо не переживайте, — успокоил ее Рэвен. — Старик ведь наверняка эти конверты заказал еще в 1919 году, когда они все с Первой мировой вернулись; в тот год как раз миссис Брандиш умерла. А я совсем еще сосунком был.

— А от чего она умерла?

— Вообще-то, миссис Грин, это очень странная история. Утонула она. Пошла напрямки через болота и утопла.

Внутри конверта оказался одинокий листок бумаги и тоже с черной каймой.

«Дорогая миссис Грин!

Я бы хотел пожелать Вам успехов. Во времена моего прадеда на Хай-стрит был один книготорговец, который, насколько я знаю, чуть не прихлопнул какого-то чересчур сварливого посетителя, запустив в него толстым томом. Уж больно тот посетитель возмущался задержкой в доставке очередной части одного нового романа – по-моему, это был «Домби и сын» Диккенса. И с тех пор ни у кого в Хардборо недостало мужества, чтобы вновь начать продавать здесь книги. Вы делаете нам честь. Я бы непременно посетил Ваш магазин, если б хоть иногда выходил из дома, но в последнее время я окончательно пришел к выводу, что мне этого делать не стоит; однако, если в вашей библиотеке будут выдавать книги на дом, я с огромным удовольствием туда запишусь.

Покорнейше Ваш,
Эдмунд Брандиш».

Библиотека! Эта мысль ей даже в голову раньше не приходила; да и места у нее в доме явно не хватает…

— Он наверняка не удовлетворен тем ассортиментом, который предлагает наша «передвижка», — заметил Рэвен.

«Передвижкой» назывался закрытый фургон, в котором раз в месяц в Хардборо привозили книги из публичной библиотеки Флинтмаркета. Обычно предлагаемые «передвижкой» книги были настолько зачитаны, что страницы в них приобрели странную прозрачность. Все любители чтения в Хардборо успели уже по нескольку раз прочесть эти книги.

Флоренс проводила Уолли до двери и поблагодарила; он сдержанно кивнул в ответ. Похоже, он многим оказывал подобные услуги. У него и сейчас на багажнике велосипеда возвышалась сумка с продуктами, а с руля — руль Уолли привинтил ручками вниз, чтобы все было как у «настоящего гоночного», — свисала плетеная корзинка с несушкой.

— Она на яйцах сидит, миссис Грин. Я ее от нас везу к сводной сестре моего двоюродного брата, которая тоже цыплят разводить хочет.

Флоренс легонько коснулась мягких взъерошенных перьев старой несушки. Та сидела, нахохлившись, и напоминала неопрятную красно-коричневую кучку; она даже глаза с трудом

приоткрыла. Вся ее энергия была сейчас направлена на производство тепла, и казалось, что от этого даже корзинка чуть-чуть подрагивает в неторопливом, но вполне определенном ритме.

— Еще раз спасибо тебе, Уолли, что поработал для меня почтальоном, — повторила Флоренс. — Дел у тебя, насколько я вижу, хватает. — И она, взяв свою сумку, без лишних слов подписалась на еще один «скаутский кирпич».

Рэвен ушел не сразу. Он объяснил, что и пришел-то в основном для того, чтобы обсудить с Флоренс «одну важную проблему», после чего без обиняков заявил, что ей непременно нужен помощник. Например, кто-нибудь из местных подростков мог бы после школы приходить в магазин и помогать ей.

— Вы имеете в виду Уолли?

— Нет, уж точно не его. Этого не заставишь торчать в закрытом помещении среди книг. Да и вообще Уолли больше математикой интересуется. А читать он не очень-то любит; если б любил, так наверняка еще по дороге сунул бы нос в ваше письмо. Но, как вы и сами могли видеть, он этого не сделал.

Вообще-то, сказал Рэвен, он думает, что тут подошла бы одна из девочек Гиппинг. Он, правда,

не пояснил, которую из девочек он имел в виду и сколько их всего в этой семье; да, похоже, особого значения это и не имело. Флоренс знала, что все девочки из этой семьи пользуются репутацией «рукастых» — так их воспитала мать, миссис Гиппинг. Семья у Гиппингов была большая и проживала в доме, который стоял как раз между церковью и старым железнодорожным вокзалом. При доме имелся изрядный участок земли, всегда самым тщательным образом возделанный. Сам мистер Гиппинг был неплохим штукатуром и маляром, но чаще его можно было увидеть именно в огороде за домом — то он ставил подпорки для гороха, то картошку копал, то еще что-нибудь. Миссис Гиппинг тоже старалась при любой возможности подзаработать. Особенно она любила наводить порядок у Майлоу Норта в те дни, когда Кэтти уезжала на работу в Лондон; она также регулярно посещала дом мистера Брандиша.

— Я поговорю с миссис Гиппинг, — пообещал Рэвен. — Она наверняка сможет прислать к вам кого-то из своего выводка — пусть после школы здесь поработает. Занятия там кончаются в двадцать пять минут четвертого.

И Рэвен удалился. За ним до самой двери протянулась цепочка мокрых отпечатков болотных

сапог — казалось, по полу магазина, тщательно отполированному по случаю завтрашнего открытия, проползла, оставив свой след, дружелюбная амфибия. Флоренс было очень приятно, что о ней кто-то позаботился, попытался что-то для нее организовать. У нее самой ни за что не хватило бы духу зайти к миссис Гиппинг в ее перенаселенный домишко и попросить выделить ей помощницу.

Затем, хотя и с определенной неохотой, она вновь вернулась к мысли о библиотеке. Выдавать книги на дом? В Хардборо? Это уж точно станет для нее очередной головной болью, а может обернуться и полным провалом. Вряд ли, например, ей, будучи в здравом уме, можно ожидать, что к ней в библиотеку запишется миссис Гамар. Кстати, из Имения больше не поступало ни просьб, ни намеков, но как-то однажды Дибн, выкладывая на мраморный прилавок мелкую рыбешку, бросил на Флоренс такой отчасти обиженный, а отчасти понимающий взгляд, что она поняла: битва за Старый Дом продолжается. Пожалуй, чем скромнее и тише она будет вести себя, занимаясь исключительно своими делами, хотя бы в течение первого года, тем лучше. Но перечтя во второй раз письмо мистера Брандиша, она вдруг

громко заявила самой себе: «Нет, надо непременно прикинуть, что можно сделать для устройства такой библиотеки».

* * *

Флоренс глубоко ошибалась, понадеявшись, что с открытием магазина активность полтергейста несколько уменьшится. Теперь всю ночь через неопределенные промежутки времени буквально из-под каждого шурупа, ввинченного морскими скаутами, стали раздаваться деликатные, но достаточно звонкие постукивания, словно кто-то щелкал костяшками счетов, подводя баланс. А в течение дня посетители магазина не раз с удивлением замечали, какой невероятный шум доносился из соседнего ателье «Рода», но говорили при этом, что ни разу в жизни не слышали, чтобы подобные звуки издавала швейная машинка. И Флоренс отвечала — прекрасно сознавая, что говорит чистую правду, — что в таких старых домах, как этот, каких только звуков не услышишь. Она даже установила в магазине кассовый аппарат с колокольчиком, надеясь, что его треньканье будет отвлекать внимание покупателей от прочих шумов.

Открытие книжного магазина вызвало у жи-

телей Хардборо весьма слабый интерес. Да и сам Старый Дом любопытства давно не вызывал. Он так долго простоял с выбитыми оконными стеклами и чуть ли не настежь открытыми дверями, что там успели поиграть почти все местные ребятишки. Торговый оборот за первую неделю, по прикидкам Флоренс, составил фунтов семьдесят-восемьдесят. Миссис Трейл из начальной школы купила книгу «Повседневная жизнь старой Англии», мистер Торнтон приобрел руководство по «бёрдуотчингу»[12], а управляющий банком, что было весьма неожиданно, попросил руководство по фитнесу. Мистер Друэри, солиситор, конкурировавший с мистером Торнтоном и не имевший к его конторе ни малейшего отношения, а также врач из хирургического отделения больницы купили по экземпляру книги, авторы которой ранее служили в *SAS*[13], не раз десантировались на территории Европы и вообще, похоже, оказали значительное влияние на ход войны. Оба эти покупателя также оставили заказ на мемуары

[12] Сноски: 12

Принятый в настоящее время повсеместно термин «бёрдуотчинг» (*birdwatching*) означает «наблюдение за птицами и их фотографирование».

[13] Сноски: 13

Special Air Service — авиадесантное подразделение специального назначения; диверсионная разведка.

военачальников союзнических армий, в которых о британском спецназе отзывались с презрением, а допустимость его действий и вовсе ставили под вопрос. Все эти покупки были сделаны во вторник. А в среду, когда пошел дождь, в магазин набежали ученицы местной школы-интерната, вышедшие на прогулку; все они стремились укрыться там от непогоды, и вскоре тесное помещение оказалось битком набито влажными девичьими телами, тесно прижавшимися друг к другу и испускавшими легкий парок, как в овчарне. В итоге девочки перевернули стенд с поздравительными открытками, которым Флоренс скрепя сердце отвела место рядом с книгами в бумажных обложках. Три открытки все же были куплены, и Флоренс пришлось еще искать соответствующие конверты, а затем пробить в кассе три чека — на девять с половиной, шесть с половиной и три с половиной пенса. В четверг — в этот день магазины полагалось закрывать раньше, но Флоренс решила ради первой недели сделать исключение — появился Дибн, желая, видимо, показать, что зла на нее не держит, и долго слонялся по магазину, трогая все заскорузлыми грязноватыми пальцами. А затем спросил вокальную партитуру «Мессии» Генделя.

— Вы хотите, чтобы я ее для вас заказала? — любезно осведомилась Флоренс.

— А сколько времени потребуется, чтобы ее прислали?

— Ну, точную дату назвать трудно. Издатели не любят присылать штучные заказы. Мне придется дождаться, когда можно будет отправить заказ на десять-двенадцать названий для одного и того же издательства.

— А я думал, что прямо у вас ее найду. Ведь «Мессию» Генделя каждое воскресенье поют, знаете ли. И в Норидже, и в лондонском Альберт-Холле[14].

— Мне трудновато учитывать интересы каждого — здесь слишком мало места для хранения; у меня вообще очень небольшой запас книг.

— И все-таки вам легче — не приходится зависеть от того, какой улов был сегодня, — сказал Дибн. — Да и не испортится тут у вас ничего. — Он явно никак не мог найти покупателя на свой магазин.

По вечерам Флоренс закрывала ставни, убирала в сторону заказы, разбирала письма и печатала

---

[14] Сноски: 14

Большой концертный зал в Лондоне, построенный в 1867–1871 гг.; назван в честь принца Альберта (1819–1861), супруга королевы Виктории.

ответы на старенькой пишущей машинке, а потом еще читала журналы «Книготорговец» и «Новости книготорговли “Смитса”»[15]. После чего ее охватывала такая усталость, что она буквально падала на подушку и тут же засыпала мертвым сном; ей больше уже ничего не снилось — ни та цапля с пойманным угрем, ни что бы то ни было другое.

Возможно, думала она, сражение за устройство ею книжного магазина в Старом Доме уже само собой благополучно завершилось; а может быть, ей с самого начала ошибочно представлялось, что она с кем-то ведет борьбу за свой магазин или будет вынуждена в ближайшем будущем за него сражаться. Но раз уж она сама не могла с уверенностью сказать, вела ли она какую-то битву или же это ей еще только предстояло, то вряд ли та или иная из этих альтернатив была способна играть в ее жизни решающую роль.

Книжный магазин был открыт уже недели три, когда туда бочком просочился генерал Гамар, и Флоренс тут же с ужасом подумала: сейчас он попросит стихотворения Чарлза Сорли. Но оказа-

---

[15] Сноски: 15

«Смитс» (*Smith's*) — однотипные фирменные магазины, специализирующиеся на продаже книг, периодических изданий, канцтоваров и грампластинок.

лось, что и ему тоже были нужны мемуары тех, кто во время войны служил в особом подразделении *SAS*.

— Мне частенько и самому хотелось создать что-нибудь в этом роде — ведь теперь у меня так много свободного времени. Хотелось описать войну с точки зрения пехоты, знаете ли — ведь эти парни всегда первыми по приказу идут вперед и первыми попадают под огонь неприятеля.

Флоренс аккуратно завернула купленную Генералом книгу. Она бы с удовольствием предложила принять такой закон, благодаря которому Генерал никогда больше не чувствовал бы себя таким несчастным. Ведь ему, скорее всего, вообще было *запрещено* появляться у нее в магазине. А пришел он сюда только потому, что его здесь, по крайней мере, *терпят*. И все время нервно озирался, точно узник, освобожденный под честное слово; и удалился крайне поспешно, прижимая к груди свой сверток.

Айви, вострая племянница Джесси Уэлфорд, даже несколько удивилась, когда заглянула к Флоренс, чтобы помочь ей разобраться с первыми результатами продаж. Оборот оказался существенно выше, чем она предполагала. Должно быть, интерес к новому начинанию оказался

все-таки достаточно велик, и Айви предложила, щелкая своей серебряной точилкой для карандашей:

— Ну хорошо. Теперь давайте посмотрим ваши учетные записи. — С Флоренс она разговаривала тем непререкаемым тоном, который заставлял повиноваться девушке даже ее собственных работодателей. — Итак, вы открыли три новых счета — для городской начальной школы и для двух врачей. Какие меры предосторожности вы предприняли на случай невозвращения долга?

— Никаких, по-моему, — смутилась миссис Грин.

— Вам следует приплюсовать к сумме долга еще пять процентов и сделать соответствующую запись в гроссбухе. Затем скидка на порчу товара, то есть на амортизацию — ее следует указывать как дебет *вот здесь*, а в качестве кредита — в имущественных счетах. Каждый дебет должен иметь свой кредит. Это основное, что вы должны понять сразу — с первого взгляда и в любое время; вы всегда должны в точности знать, сколько должны вы и сколько должны вам. Это и есть суть и цель правильного ведения расчетных книг. Вы ведь хотите в этом разобраться, не так ли?

Да, мне бы очень этого хотелось, виновато

думала Флоренс. Но, с другой стороны, ей часто казалось, что если бы она действительно в точности знала, каково ее финансовое положение — «вплоть до последних трех фартингов», как настоятельно требовала от нее Айви Уэлфорд, — то у нее вряд ли хватило бы храбрости продержаться за прилавком своего магазина еще хотя бы день. А уж рассказывать Айви о том, что она подумывает открыть библиотеку с выдачей книг на дом, ей и вовсе не хотелось.

Между тем с наступлением лета погода улучшилась, и однажды Уолли, не слезая со своего велосипеда и лишь спустив одну ногу с педали на тротуар, радостно провозгласил:

— А вам тут еще книги привезли! Шофер дважды дорогу спрашивал — сперва у газового завода, а потом у домика викария. Только ему там у вас никак не развернуться. Он боится, что если попробует, то въедет прямо к вам на кухню.

Со временем этот элегантный грузовичок, выкрашенный красной и кремовой краской, стал знаком почти всем жителям Хардборо. Грузовичок принадлежал большому лондонскому магазину «Бромптон», предлагавшему библиотечные услуги провинциальным книготорговцам вне зависимости от их местонахождения.

Когда Флоренс удалось договориться с «Бромптоном», первую партию книг ей доставили очень быстро, но попросили расписаться в ведомости, предварительно ознакомившись с условиями поставщика.

Условия эти заставляли задуматься скорее о философии морали или о законах идеального государства, а не о деловом соглашении. Книги, доступные для подобного заимствования, в «Бромптоне» делили на три категории — A, B и C. Наиболее востребованными были, разумеется, книги категории A; категория B, впрочем, тоже пользовалась неплохим спросом у читателей; ну а те, что относились к категории C, были откровенно устаревшими и практически ни у кого интереса не вызывали. Вместе с каждой книгой категории A, позаимствованной у «Бромптона», Флоренс должна была также взять три книги категории B и довольно много книг категории C. Чем больше была внесенная ею сумма залога, тем больше книг категории A она могла взять, однако вместе с этим росло и количество книг категории B, а также никому не нужных, а зачастую и просто отвратительных книг категории C; причем ничего нового ей бы не прислали, пока она не вернула бы всю предыдущую партию книг.

«Бромптон» не предлагал никаких рекомендаций, как соблазнить подписчиков и заставить их выбрать «правильную» книгу. Возможно, в фешенебельном Найтсбридже[16] для этого имелись свои тайные методы.

Когда Флоренс вывесила в витрине написанное от руки объявление, что открывает библиотеку с выдачей книг на дом, то уже в первый день туда записались не менее тридцати жителей Хардборо. В том, что в библиотеку запишется мистер Брандиш, она не сомневалась с самого начала. Но если мистер Брандиш и не выразил сколько-нибудь четких преференций, то остальные подписчики совершенно точно знали, что именно они хотели бы почитать. И те, кто уже благополучно пребывал на пенсии, и те, кто, напротив, успешно занимался бизнесом, и те, кого более всего интересовала жизнь королевского семейства, и те, кто восторгался великим прошлым своей страны, — все без исключения жаждали прочесть одно и то же: только что вы-

[16] Сноски: 16

Район лондонского Уэст-Энда, славящийся своими дорогими магазинами, в том числе ювелирными и антикварными.

шедшую книгу «Жизнь королевы Марии»[17]. И это притом, что многие из них, казалось бы, неплохо знали историю жизни этой королевы и ее двора — даже лучше, пожалуй, автора данной биографии. Миссис Друэри, например, сказала, что ей точно известно, что королева-мать отнюдь не сама создавала свои знаменитые вышивки и все самые трудные куски выполнены ее фрейлинами. А мистер Кибл и вовсе заявил, что брать пример с таких, как Мария, вообще не следует.

Книга о королеве Марии относилась, разумеется, к категории А. Миссис Торнтон первой назвала ее в своем списке, и Флоренс, уверенная в справедливости своего метода, вложила в книгу формуляр Торнтонов. Собственно, такая розовая учетная карточка имелась у каждого подписчика, а книги были разложены в алфавитном порядке, и каждая ожидала своего конкретного читателя. Но, как оказалось, в этом заключалась и большая слабость данной системы, поскольку каждый с первого взгляда мог увидеть, что именно собирается взять его сосед. Конечно, людям не стоило бы проявлять излишнее любопытство и рыться в тех книгах, которые заказали другие, все перевора-

[17] Сноски: 17

Имеется в виду Мария Текская (1867–1953) — королева Англии, супруга короля Георга V и мать Георга VI.

чивая вверх дном в том тесном закутке, который Флоренс сумела выделить под библиотеку, однако жители Хардборо соблюдать дисциплину не привыкли.

— По-моему, тут какая-то ошибка. Я, помнится, ясно дала понять, что именно выбрала. А это, похоже, какой-то детектив, причем отнюдь не из новых, — возмутилась миссис Кибл и прибавила, что зайдет снова через полчаса. Она всегда считала, что любое дело следует улаживать не более чем за полчаса. — И, кстати, «История китайской мысли» меня тоже совершенно не интересует.

Было объявлено, что библиотека будет открыта по понедельникам — с двух до трех. Обычно в это время активность населения крайне мала. И вообще-то миссис Кибл не имела никакого права являться в библиотеку так рано, однако уже во втором часу в библиотеку одновременно пожаловали еще несколько читателей, и атмосфера на этом крохотном пятачке сразу накалилась и стала напоминать исторические атаки клиентов Английского банка[18], требовавших возвращения вкладов. Миссис Грин помнила, как в 1945

[18] Сноски: 18

Английский банк (*Bank of England*) — государственный центральный эмиссионный банк в Лондоне, основанный в 1694 г. и национализированный в 1946 г.

году этот банк был вынужден держать клиентов в страхе, переплавляя банковские чернильницы на пули, а вклады выплачивая шестипенсовиками. Если бы миссис Торнтон пришла, чтобы забрать свой экземпляр «Королевы Марии» — что, впрочем, ей сделать бы не удалось, хотя она, возможно, и была бы до некоторой степени удовлетворена возможностью предъявить свое неоспоримое право первенства, — то Флоренс, с ужасом ожидавшая ее появления и вздрагивавшая каждый раз, стоило двери на улицу открыться, была бы вынуждена сказать: «Вы все видели ее учетную карточку, и это означает, что вам следует именно ей разрешить первой взять книгу. Мне тут говорили, будто она слишком медленно читает, но это уж, простите, не мое дело».

— Миссис Торнтон первой попросила «Королеву Марию». Это единственное, что я принимаю во внимание.

— Позвольте мне сказать, миссис Грин: если бы у вас было немного больше опыта в общественной работе, вы бы поняли, как это неосторожно — выносить решение на основании всего лишь одного-единственного соображения. Жаль.

— В таком маленьком городке, как наш, мы невольно кое-что узнаем друг о друге. Возможно,

кого-то из нас более всего интересует так называемое роялти. Тогда как кое-кто уверен, что у него есть *законное право* первым прочесть биографию покойной королевы-матери. Что, вполне возможно, связано с давней верностью и преданностью местным традициям.

— Миссис Торнтон высказалась в этом отношении вполне определенно.

В этот летний день жара явно начинала усиливаться, и в магазине становилось душновато. Особенно в том закутке, где размещалась библиотека, ибо туда ухитрились влезть еще двое подписчиков, и один из них конфиденциально сообщил Флоренс, что миссис Торнтон на последних выборах, как известно, голосовала за либералов. Теперь уж и в дверях, ведущих в заднюю половину дома, и в дверях, выходящих на улицу, толпились дамы. А к четырем часам — ибо сегодня в Хардборо был укороченный рабочий день — к ним присоединились их мужья.

— Мне и в голову не приходило, что можно столь превратно понять составленный мною список, миссис Грин. Взгляните, ведь там все совершенно ясно написано. Это вы совершили ошибку, поскольку не умеете вести даже самые простые дела! Раз уж всем так нужна эта «Жизнь

королевы Марии», то почему же вы не заказали несколько дополнительных экземпляров?

И библиотека в книжном магазине «Старый Дом» была временно — на месяц — закрыта; за это время хозяйка магазина рассчитывала подыскать себе помощника. Флоренс, правда, сочла свой поступок проявлением слабости. Она попросила Уолли отвезти мистеру Брандишу официальное письмо с объяснением сложившейся ситуации; но мальчик так и не сумел нигде обнаружить старого джентльмена и попросту передал письмо молочнику, который оставил конверт вместе с бутылками молока под мешком на куче картофеля, прикрытой на зиму землей и соломой, ибо именно оттуда мистер Брандиш обычно забирал свою корреспонденцию, поскольку его почтовый ящик давным-давно насквозь проржавел и развалился.

Глава пятая

«Мне нужна помощь, — думала Флоренс, — конечно же, было сущим безумием рассчитывать, что я сумею со всем этим справиться самостоятельно». Она попросила телефонистку соединить ее с офисом газеты «Таймс» в Хардборо, Флинтмаркете и Кингзгрейве.

— И, пожалуйста, поскорее, Дженет, если можно, — сказала она. Едва заметив велосипед с мотором, принадлежавший Дженет, возле здания телефонного узла, она поняла, что теперь-то ей уж точно помогут.

— Вы хотите позвонить в отдел мелких объявлений, миссис Грин? — спросила Дженет.

— Да. У них в редакции один номер телефона.

— Вы только зря потратите деньги, если дадите в газету объявление насчет помощника. И потом, к вам ведь, кажется, одна из девочек Гиппинг после школы приходить собиралась.

— Всего лишь *собиралась*, Дженет. У меня нет уверенности, что она придет.

— Ну что вы! Рэвен еще неделю назад с ними поговорил. Он-то хотел отправить к вам старшую

из сестер, да ей поручено за домом присматривать, пока миссис Гиппинг на чужих огородах горох щипать будет. Но там есть еще две большие девочки, так что к вам вторая или третья из сестер обязательно придет.

Флоренс смущенно напомнила разговорчивой Дженет, что, возможно, кому-то еще хочется позвонить и не стоит им так долго занимать линию, но та сказала, что сейчас линия совершенно свободна, и пояснила:

— Те, у кого частный телефон имеется, в основном уехали в Олдборо, на музыкальный фестиваль, а все остальные возле нового кафе «Фиш-энд-чипс» собрались. Оно сегодня вечером впервые откроется.

— Но и в новом кафе, Дженет, вполне может случиться пожар. Надеюсь, впрочем, что они пользуются для жарки пищевым маслом. Во всяком случае, лучше нам на всякий пожарный случай освободить линию. А это кафе случайно не мистер Дибн открыл?

— Что вы, Дибн как раз уверен, что его торговле нанесен смертельный удар. И все пытается викария на свою сторону перетянуть — уверяет, что запах жареной рыбы вполне может и в церковь во время вечерней службы просочиться. Только

наш викарий не любит, когда его в подобные споры втягивают. Он так прямо Дибну и сказал.

«Интересно, — подумала Флоренс, — а что говорят телефонистки насчет моего книжного магазина?»

На следующий день часов в пять, как раз когда Флоренс собиралась пить чай, на пороге Старого Дома возникла девочка лет десяти, очень бледная, худенькая, с удивительно светлыми легкими волосами. На ней были джинсы и розовая кофта-кардиган весьма прихотливой вязки. Приглядевшись, Флоренс узнала в ней ту самую девочку, которую видела на муниципальном лугу.

— Ты ведь Кристина Гиппинг, верно? Я вообще-то думала, что твоя старшая сестра придет…

На что Кристина тут же сообщила, что теперь, когда вечера стали такими долгими и светлыми, ее старшая сестра все время будет *торчать* в зарослях папоротника-орляка с Чарли Каттсом. Она, Кристина, только что видела на перекрестке оба их велосипеда — а сами они как раз в зарослях и *торчали*.

— Зато со мной вам ни о чем таком беспокоиться не придется, — заметила она. — Мне одиннадцать еще только в следующем апреле

исполнится. У меня еще и месячных нет.

— А что же твоя вторая сестра?

— Она вообще больше всего любит дома сидеть и возиться с Маргарет и Питером — это наши младшенькие. Только зря им такие имена дали: все равно ведь с принцессой ничего не выйдет[19].

— Ты, пожалуйста, не пойми меня превратно, Кристина. Дело вовсе не в том, что ты кажешься мне не годной для этой работы. Просто ты и впрямь выглядишь и недостаточно взрослой, и недостаточно сильной.

— А вы не судите по внешнему виду. Вот вы, например, достаточно старая, да только сильной-то небось не выглядите. И потом, кого бы вы из нашей семьи ни выбрали, особой разницы не будет: у нас в семье все рукастые.

Кожа у Кристины была почти прозрачная, а ее шелковистые волосы и вовсе казались бесплотными и взлетали прозрачным облачком даже при малейшем движении воздуха. Когда Флоренс, опасаясь, что могла невольно обидеть девочку, ободряюще ей улыбнулась, та улыбнулась в ответ,

---

[19] Сноски: 19

Кристина имеет в виду рассказанную в кинофильме «Римские каникулы» (1953) историю принцессы Маргарет, младшей дочери короля Георга VI и сестры нынешней королевы Елизаветы II.

демонстрируя два сломанных передних зуба.

Оказалось, что зубы она сломала прошлой зимой при довольно-таки странных обстоятельствах — когда снимала с веревки вывешенное на просушку белье, напрочь задубевшее от мороза, и заледенелая фуфайка ударила ее в лицо. Впрочем, к подобным неприятностям Кристина относилась философски; как и все дети в Хардборо, она давно научилась терпеть боль. Здешние ребятишки, бегая, точно канатоходцы, по узким поручням мостков над болотами, порой оттуда падали и сильно разбивались, а то и тонули. Кроме того, одной из самых распространенных забав была у них стрельба друг в друга из рогаток, причем стреляли они камнями или мелкой свеклой, подобранной в полях. А одному полоумному мальчишке кто-то сказал, что личинки мясной мухи, которые рыбаки обычно используют в качестве наживки, могли бы здорово ему помочь, потому что «от них умнеют», и этот дурачок, наслушавшись подобных советов, слопал целую банку. Худоба Кристины показалась Флоренс прямо-таки угрожающей, хотя миссис Гиппинг вроде бы всегда заботилась о своем большом семействе и славилась умением хорошо готовить.

— Ладно, Кристина, завтра я зайду к твоей маме

и обо всем с ней договорюсь.

— Как хотите. Она все равно скажет, что я буду приходить к вам каждый день после школы, а в субботу на весь день, и платить вы мне должны не меньше двенадцати с половиной шиллингов в неделю.

— А уроки ты когда делать будешь?

— Постараюсь еще дома все успеть, сразу после чая.

Кристина начинала проявлять признаки нетерпения: ей хотелось немедленно приступить к своим обязанностям. Она даже розовый кардиган уже сняла, явно собираясь повесить его где-нибудь в заднем коридоре, и Флоренс спросила у нее:

— Неужели ты сама это связала? Вязка, по-моему, очень сложная.

— Образец есть в «Вуменз оун»[20], — сказала Кристина, — только там расчет петель для кофты с короткими рукавчиками. — Она нахмурилась; ей не хотелось признаваться, что сегодня, ради первого знакомства с миссис Грин, она надела

---

[20] Сноски: 20

Еженедельный иллюстрированный журнал для женщин; печатает рассказы и романы с продолжением, обычно сентиментального характера, а также практические советы для домохозяек; издается в Лондоне с 1937 г.

все самое лучшее, желая произвести на хозяйку должное впечатление. — У вас ведь никаких детей нет, да, миссис Грин?

— Нет. Но мне бы очень хотелось их иметь.

— Значит, в этом отношении жизнь вас обошла.

И Кристина, не дожидаясь ответа или объяснений, вскочила и вихрем пронеслась по магазину, на ходу открывая шкафы и ящики и аккуратно складывая разбросанные вещи; ее тонкие легкие волосы так и разлетались во все стороны. Слишком мало представлено почтовых открыток, заявила она Флоренс и пообещала, что непременно обо всем позаботится и выберет самые красивые. В кладовой у Флоренс действительно лежали целые упаковки разнообразных открыток, все еще завернутые в коричневую бумагу и перетянутые резинками; она сама когда-то засунула эти ненавистные ей пестрые открытки в самую глубь шкафа.

Сперва способы наведения порядка, которыми пользовалась Кристина, показались Флоренс несколько эксцентричными, но вскоре она поняла, что девочка обладает талантом организатора. Этот талант длительное время был подавлен ее положением третьей дочери в семье, и теперь

она вовсю пыталась его реализовать, располагая открытки то так, то этак. Не обращая внимания на содержание той или иной картинки, она сортировала их в основном по цвету, и в итоге розы и закаты оказывались в одной компании с ярко-красным лобстером в шотландской шапке, который подносил к губам стакан со словами: «Еще глоточек и сваливаем отсюда!» Это, безусловно, был чудный образчик подобного «искусства».

— Вообще-то открытки следует разложить в соответствии с определенной тематикой, — посоветовала Флоренс. — Например, сюда романтические, а туда юмористические. — Похоже, только такие два подхода к жизни и были известны изготовителям этих открыток. Лобстер, например, предлагал с юмором относиться к прощаниям и отъездам. А открытка с закатом была снабжена печально-лирическим посланием слегка скабрезного характера.

— А что это значит? — вдруг спросила Кристина, тыча пальцем в незнакомые и совсем не подходящие для ребенка слова. Оказывается, ей все-таки еще не все известно об этой стороне жизни, подумала Флоренс и даже немного приободрилась. Но Кристина мгновенно догадалась,

что чуть не утратила завоеванные позиции, и с упреком заметила: — Там еще целая куча открыток, а вы их даже не распаковали! — И буквально заставила Флоренс просмотреть вместе с ней новинку — набор открыток, на которых обнаженные мужчины и женщины сплетались в страстных объятиях, а внизу было написано: «А мы и этим не забыли сегодня заняться!»

— Нет уж, эти мы попросту выбросим, — твердо заявила Флоренс. — Видимо, некоторые люди настолько плохо воспитаны, что просто не в состоянии понять, где пределы допустимого. — На ее гневные слова Кристина отреагировала своеобразно: согнувшись пополам от смеха, она сообщила, что в Хардборо очень даже многие хотели бы вытащить из своего почтового ящика такую вот открытку. Флоренс поняла, что девочка и в этом отношении хорошо подкована, а уж когда вновь откроется библиотека, этой малышке и вовсе цены не будет.

Хотя теперь обсуждать с миссис Гиппинг было, собственно, нечего, Флоренс все же проводила Кристину домой. И миссис Гиппинг терпеливо выслушала ее, стоя в полуоткрытой калитке.

Маленький Питер возился рядом, втыкая деревянные колышки от вешалки в грядку с рядами

ранних французских бобов.

— Почему Кристина так поздно? — спросил он.

— Она работала у этой дамы.

— А зачем?

— У этой дамы целый магазин книг, чтобы люди могли их читать.

— А зачем?

Вскоре в Хардборо стали появляться не только уже знакомые нам грузовички, но и легковые автомобили с представителями прессы и издательств; они возникали из-за горизонта на фоне сверкающего зеркала болот иногда в таком количестве, что на перекрестках даже возникало нечто вроде пробок; и всегда некоторый затор создавался на морском берегу, если машины разом пытались там развернуться. Теперь торговые агенты ехали сюда довольно охотно, хотя добраться до Хардборо было нелегко даже летом. Но те, кому это удавалось, все же далеко не сразу расставались с привезенными ими «лакомыми кусочками», то есть с теми книгами, которые, собственно, и были нужны Флоренс. Такие книги она получала только в том случае, если брала в нагрузку целую кипу романов в слегка потрепанных обложках, которые имели вид женщин, давно утративших всякую надежду на замуже-

ство и привыкших к тому, что к ним никто и никогда даже «не клеится». Впрочем, сочувствие и по отношению к торговцам этими книгами, и по отношению к самим несчастным стареющим книгам делало Флоренс весьма неблагоразумной покупательницей. Ей казалось, что эти люди проделали невероятно долгий путь, чтобы до нее добраться, а следовательно, их обязательно нужно напоить чаем в уютной кухне Старого Дома. И они, удобно устроившись и помешивая ложечкой чай с сахаром, постепенно расслаблялись и теперь уже надеялись, что в следующий раз им нескоро придется тащиться в этот забытый богом городишко. «Одна радость, — думали они, — что конкуренция здесь слабая. Ведь больше ни одного книжного магазина до самого Флинтмаркета».

Впрочем, у многих настроение сразу падало, как только до них доходило, что железнодорожного сообщения с Хардборо нет и все будущие заказы придется доставлять сюда исключительно по шоссе. К тому же, когда они понимали, что пора возвращаться, поднимался сильный ветер, и их грузовички, лишившиеся привезенного груза, который придавал им должную устойчивость, начинало так мотать на дороге туда-сюда, что и руль в руках удержать было трудно. А тут еще

и молодые бычки, самые любопытные из всех животных, подходили по покрытому пучками травы лугу совсем близко к шоссе и, остановившись на обочине, кроткими глазами смотрели на проезжавшие машины.

«Просто не знаю, зачем я все это купила? — размышляла Флоренс после очередного такого визита. — Зачем я взяла все эти книги? Никто ведь меня силой не заставлял их брать. И с советами ко мне никто особенно не приставал». И она с удивлением смотрела на двести только что купленных китайских книжных закладок — ручная роспись на шелке. Аист — символ долголетия; цветущая слива — символ удачи. Флоренс подводила ее извечная слабость — любовь к красоте. Просто представить себе было невозможно, чтобы кому-то из жителей Хардборо захотелось купить такую закладку. Но Кристина постаралась ее утешить: ничего, отпускники все раскупят — вот приедут летом и раскупят; им все равно здесь больше не на что свои денежки потратить.

* * *

В июле почтальон принес письмо, судя по штемпелю, отправленное из Бери-Сент-Эдмундса; а судя по толщине конверта, легко можно было

догадаться, что там не просто заказ.

«Дорогая мадам!

Вам, возможно, покажется забавным или интересным то, каким образом я узнал о вашем магазине. Кузен моей покойной жены (мне, наверное, следует называть его троюродным братом) благодаря своему второму браку связан родственными узами с одним весьма многообещающим молодым человеком, членом парламента от оппозиции, фракция *Longwash Division*, который как-то упомянул мне в разговоре, что на приеме у его тети (миссис Вайолет Гамар, с которой сам я лично не знаком) было мимоходом замечено, что в Хардборо наконец-то появится книжный магазин…»

«Что же в этой информации забавного?» — подумала Флоренс. Но решила, что не должна быть столь немилосердной.

«Возможно, еще более забавным покажется Вам то, что я пишу Вам отнюдь не по поводу книг!..»

И далее из письма, написанного на нескольких листах тонкой бумаги, Флоренс стало ясно, что имя его автора — Теодор Гил, что живет он где-то возле Ярмута и является художником-акварелистом, «стойким приверженцем того чудесного стиля, который господствовал на границе веков»,

а также что он хотел бы организовать в «Старом Доме» — точнее, чтобы ему ее организовали, — небольшую выставку своих работ. При этом он выражал уверенность, что имя миссис Гамар и ее выдающегося племянника послужит для этого вполне достаточной рекомендацией.

Флоренс окинула взглядом полки с книгами, между которыми можно было лишь с трудом отыскать в лучшем случае фут свободной стены. Разумеется, имелся еще пресловутый сарай для разведения устриц, но даже сейчас, в разгар лета, там стояла ужасная сырость. Флоренс сунула письмо в один из ящиков, где уже лежало несколько других писем примерно того же содержания. Для многих представителей верхушки среднего класса Восточного Саффолка так называемый кризис среднего возраста выразился в том, что они взяли в руки кисти и акварельные краски и принялись писать пейзажи. На это можно было бы не обращать особого внимания, если бы их пейзажи были никуда не годными, но дело в том, что почти все они писали очень даже неплохо. Вот только их картины были удивительно похожи одна на другую. Заключенные в рамы, эти картины вывешивались в гостиных, где за окнами простирался совсем иной пейзаж — пу-

стынный, неприбранный, невыразительный, сливающийся на горизонте с бесцветным прозрачным небом.

Кризис среднего возраста сопровождался у всех этих художников желанием непременно выставиться где-нибудь в более достойном месте, чем крошечный зал приходской церкви, и Флоренс отнесла письмо Теодора Гила к разряду тех посланий, которые она уже не раз получала от «местных авторов». Картины местных акварелистов обычно носили название «Закат над Лейз», а свои «литературные шедевры» местные писатели чаще всего называли «Пешком через Болота» или «На велосипеде через Восточную Англию». Казалось, что еще можно делать с этим на редкость плоским пространством, как не пересекать его пешком или на велосипеде? Короче, Флоренс понятия не имела, куда ей деть всех этих «местных авторов», если они вдруг заявятся сюда, чтобы, как они предлагали ей в письмах, «подписывать для благодарных читателей экземпляры своих книг». Хотя, если убрать из-под лестницы часть книг и поставить там маленький столик… И она живо представила себе, сколь велико будет их разочарование, когда они, сидя за этим столиком, заваленным стопками книг, и держа наготове

ручку, будут час за часом тщетно ожидать появления «благодарных читателей», но ни один из них так и не придет. «Знаете, во вторник у нас в Хардборо всегда затишье, мистер… Особенно когда погода стоит хорошая. А понедельник я вам даже и предлагать не стала, потому что по понедельникам у нас и вовсе полная тишина. В среду тоже довольно тихо, хотя по средам у нас бывает рынок. Ну а в четверг мы всегда закрываемся очень рано. Ничего, читатели, конечно же, вскоре появятся и попросят вашу книжку — ведь они, разумеется, о вас слышали, вы же наш, местный, автор. О да, им, безусловно, захочется получить автограф! Не беспокойтесь, они придут — придут пешком через болота, приедут на велосипедах…» Флоренс даже думать не хотелось о том, сколько это принесет страданий и разочарований; но она, по крайней мере, находилась в таком положении, когда могла сама позаботиться о том, чтобы здесь ничего подобного не случилось. Вот почему она так решительно сунула письмо мистера Гила в ящик.

Все это время она была настолько занята, что даже не сразу осознала, что уже наступил сезон отпусков. И догадалась об этом только потому, что стала замечать вывешенные на просушку

купальные полотенца, хлопавшие на ветру в окнах каждого дома, стоявшего на морском берегу. Перевозчик несколько раз в день мотался через Лейз туда и обратно, доставляя пассажиров; новое кафе «Фиш-энд-чипс» значительно расширило свое пространство за счет навеса из листов гофрированного железа, принесенных с заброшенного аэродрома. В книжный магазин заглянул Уолли и спросил, не хочет ли Кристина пойти вместе со скаутами в поход. Флоренс даже показалось, что Уолли стал слишком часто болтаться возле магазина, причем явно «выпендриваясь», как выражалась Кристина, которая, впрочем, с достоинством его приглашение отвергла, явно подражая манерам своих старших сестер.

— Между прочим, — сообщила она Флоренс, — этот Уолли за вашей стиральной доской охотится. Она им для выступления какой-то вокально-инструментальной группы нужна. Я сама видела, как он к ней в заднем коридоре принюхивался.

— Ну так пусть он ее и забирает, — сказала Флоренс. — Я все равно с ней толком обращаться не умею. А заодно, если хочет, пусть и каток для белья берет.

«Надо все-таки наконец сходить на пляж, — решила она. — Сегодня как раз четверг, магазин мы

закрыли рано, и это просто безобразие — жить так близко от моря и ни разу за целую неделю даже не взглянуть на него». Хотя, если честно, Флоренс больше нравилось гулять по берегу моря зимой. Но на пляж она все-таки спустилась и даже выкупалась, продолжая себя упрекать, и даже немного постояла на солнце, отойдя подальше, на самый конец длинной косы, усыпанной разноцветной галькой. Дети, присев на корточки, выбирали самые красивые камешки и складывали их в игрушечные ведерки; взрослые мужчины резвились как дети, пытаясь кого-то поймать и бросить в море. Купленные ими газеты ветер разнес по всему пляжу. Женщины, в основном матери игравших у воды детишек, прятались от пронзительного ветра в пляжных домиках, веселой группкой стоявших поодаль и отвернутых от холодного дыхания Северного моря. Флоренс прошла по косе еще чуть дальше на север; здесь валялись выброшенные морем на берег всякие малоприятные вещи: кости — то ли людей, то ли животных, — покрытые морской пеной; обломки корабельного мусора, куски плавника. Она заметила также гниющие останки тюленя.

На пляже жители Хардборо бесстрашно смешивались с приезжими. Флоренс заметила, напри-

мер, управляющего банком, который выглядел каким-то совершенно незнакомым в полосатых купальных трусах; рядом с ним были его жена и старший кассир. Мистер Кибл что-то крикнул Флоренс, и она даже ухитрилась понять — хотя из-за порывов ветра слышала его слова лишь урывками, — что если все время только работать, то совсем отупеешь, и что в этом году у него впервые возникла возможность посетить пляж. Отвечать ему не требовалось, и она пошла дальше, но вскоре услышала еще чей-то знакомый голос, на этот раз доносившийся откуда-то с суши. Оказалось, что это Рэвен, проезжая мимо на своем новом грузовичке, решил остановиться и сообщить ей, что все идет как надо, а на следующей неделе он собирается везти кое-кого из морских скаутов в Лондон на ежегодный праздник. Там они хотят заодно проверить, как продвигается строительство нового Баден-Пауэлл-хауса, а потом — и это было решено единогласно — съездить на вокзал Ливерпуль-стрит[21] и посмотреть, как поезда выныривают из-под земли.

Флоренс еще немного прошла по косе, однако идти становилось все труднее — теперь это

[21] Сноски: 21

Большой вокзал в центральной части Лондона, конечная станция Восточного района (*Eastern Region*), а также пересадочный узел метро.

напоминало скорее прогулку по вязкому болоту. С каждым шагом ноги Флоренс все глубже проваливались в смесь мокрого песка и гальки; казалось, косе больше не под силу выдерживать даже ее небольшой вес, и теперь она оставляла за собой глубокие следы, которые тут же наполнялись сверкающей на солнце водой. Флоренс, впрочем, находила восхитительным, что может оставить после себя хотя бы такой след. Повернув назад, она снова прошла мимо останков мертвого тюленя, миновала полоску камней, где восемьдесят лет назад один человек якобы нашел огромный кусок янтаря «величиной с собственную голову» — правда, с тех пор никто вообще никакого янтаря там не находил, — и наконец выбралась на заброшенную дорогу, куда отдыхающие обычно ходить не решались. Неровная, плохо утоптанная тропа вела от дороги вверх, на муниципальный луг, на противоположном краю которого несколько человек, в одиночку и парами, возились со своими собаками. Флоренс с удивлением отметила, что знает теперь почти всех этих людей, поскольку все они время от времени заглядывали в ее магазин. Собачники приветливо помахали ей издали, и она двинулась к ним, но, поскольку луг был совсем плоским и

переход через него занимал довольно много времени, им пришлось снова призывно махать ей, приберегая приветственные улыбки до самого последнего мгновения. Продолжая одаривать ее улыбками, собачники с удовольствием прервали свои тренировки и принялись наперебой задавать ей один и тот же вопрос: когда же наконец она снова откроет свою библиотеку? Они все так давно этого ждут! Собаки были забыты; их взяли на поводок, и теперь они, презрительно отворачивая морды в сторону, плелись рядом с хозяевами. Флоренс, к своему удивлению, щедро раздавала обещания, хотя и чувствовала себя несколько неуверенно и очень жалела, что не надела туфли, когда вышла на луг, потому что теперь вынуждена была разговаривать с этими людьми босая.

В дождливые дни, когда с моря дул тяжелый влажный ветер, магазин «Старый Дом» заполняли беспорядочно сменявшие друг друга группы приунывших отпускников. Кристина, постоянно твердившая, что «эти отдыхающие только песок таскают», была с ними сурова и все советовала им поскорее определиться, что именно они хотели бы купить.

— Разрешать посетителям пролистывать или

даже читать книги — одна из традиций наших книжных магазинов, — убеждала ее Флоренс. — Ты должна позволить им сколько угодно стоять возле полок и все подробно рассматривать.

Кристина парировала вопросом о том, как поступил бы, например, Дибн, если бы каждый покупатель вот так копался в его свежей рыбе. Она не раз замечала, что посетители оставляют отпечатки своих грязных пальцев на ее любимых открытках.

Айви Уэлфорд явилась с очередной ревизией бухгалтерских книг немного раньше назначенного дня. Однако ее несколько назойливое любопытство можно было счесть мерилом успеха магазина, популярность которого постоянно росла и в Хардборо, и за его пределами.

— Где вы фиксируете непроданный товар, подлежащий возврату?

— А его нет, — отвечала Флоренс. — Издатели ничего не хотят брать назад. Они не любят заключать договоры, в которых возврат товара как-то оговаривается.

— Но вот ведь у вас зафиксировано определенное количество возвращенных вам книг. Как это возможно?

— Ну, иногда покупатели заявляют, что им не

понравилась уже купленная книга. Что их, скажем, сюжет шокировал. Или они обнаружили в произведении «заметный налет “социализма”».

— В таком случае стоимость этих книг должна быть записана на ваш личный счет в дебет, в графу «возврат». — Это звучало как очередное обвинение в проявленной Флоренс слабости. — Ну что ж, теперь заглянем в книгу закупок. Сто пятьдесят китайских книжных закладок из натурального шелка? По пять шиллингов каждая? Неужели это действительно так?

— Ну да. Но они все совершенно разные! И на каждой такие чудесные птицы, бабочки… Там даже рисовый трупиал есть. Они были такие красивые, вот я и не удержалась.

— Я не спрашиваю, *почему* вы их купили. Не мое дело — выяснять, как вы ведете свой бизнес. Меня заботит то, что здесь обозначена *продажная* цена на эти закладки — всего пять центов за каждую! Как вы можете это объяснить? Как вы вообще считаете?

— А это просто Кристина ошиблась. Ей показалось, что закладки сделаны из бумаги, и она просто неправильно прочла их стоимость. Вот она и продавала их по такой цене. Согласитесь, вряд ли можно ожидать, что десятилетний ребе-

нок будет способен оценить тонкости восточного искусства, насчитывающего не одно столетие.

— От десятилетнего ребенка этого действительно ждать не стоит, но вы-то как могли упустить из виду неучтенный расход в четыре шиллинга семь пенсов за каждую проданную закладку? И как мне теперь, по-вашему, баланс подводить? Хотя бы и предварительный?

— А нельзя ли отнести это к статье «Непредвиденные расходы»? — умоляющим тоном спросила Флоренс.

— К данной статье следует относить лишь совсем незначительные суммы. Мне, кстати, хотелось спросить: какие, собственно, расходы вы причисляете к этой статье? Вот, например, что означает эта выплата в двенадцать шиллингов одиннадцать пенсов?

— Это, осмелюсь заметить, деньги за молоко.

— Вы абсолютно уверены? Вы что, держите кошку?

К сентябрю отдыхающие, точно перелетные птицы, начали проявлять беспокойство, сознавая неизбежность отъезда. Возобновились занятия в начальной школе, и теперь Флоренс большую часть дня торчала в магазине одна.

Как-то раз зашел Майлоу и сказал, что хотел

бы купить что-нибудь Кэтти в подарок на день рождения. Он выбрал иллюстрированную книгу о библейских странах, и Флоренс сочла это полнейшим притворством.

— Значит, на этот раз у Вайолет уже не получится сделать по-своему, — как бы невзначай обронил Майлоу и тут же спросил: — Она, кстати, у вас уже побывала?

— Нет, но мы ведь не так давно открылись.

— Допустим, открылись вы уже полгода назад. Но она наверняка к вам зайдет. Она слишком сильно себя уважает, чтобы этого не сделать.

С одной стороны, Флоренс испытала облегчение, а с другой — почувствовала себя оскорбленной.

— Я надеюсь в скором времени вновь открыть библиотеку и буду выдавать книги на дом, — сказала она, — так что, может быть, миссис Гамар…

— А вы хоть какой-то доход с этой библиотеки имеете? — спросил Майлоу. — А с магазина? — Кстати, в магазине было все два-три покупателя, и один из них, юный морской скаут, каждый день приходил сюда после школы, чтобы прямо у полки прочесть очередную главу из книги «Я

летал для фюрера»[22]. Нужное место он закладывал обрывком шнурка с прилепленным для веса леденцом.

— На самом деле вам нужно что-нибудь в этом роде, — сказал Майлоу, но без особой настойчивости. Из-под мышки у него торчала тощенькая книжонка в травянисто-зеленой суперобложке издательства «Олимпия Пресс». — Это том первый.

— А что, есть еще и том второй?

— Есть, но я его кому-то одолжил, а может, где-то оставил.

— Если это собрание сочинений, то такие книги следует держать вместе, — наставительно заметила Флоренс. Затем прочла название — «Лолита» — и сказала: — Я, знаете ли, стараюсь заказывать только очень хорошие романы. Да и они не слишком быстро распродаются. А это хорошая книга?

— Да на ней вы, Флоренс, попросту разбогатеете!

— Но она хорошая?

— Да.

— Ну что ж, спасибо за совет. Мне иной раз

---

[22] Сноски: 22
Дневник офицера люфтваффе Хайнца Кноке (1939–1945).

просто необходим хороший совет. Вы, право, очень добры.

— Не очень, — тут же откликнулся Майлоу, — так что вы снова ошиблись.

Дело в том, что полученное воспитание просто не позволяло Флоренс Грин понять природу такого человека, как Майлоу. Она, например, и до сих пор была уверена, что сила притяжения — это такая сила, которая просто притягивает к себе вещи и никак не связана с силой сопротивления; точно так же она была уверена, что характер человека — это борьба между его хорошими и плохими намерениями. И ей было бы трудно поверить, что Майлоу совершает тот или иной поступок просто потому, что это, как ему кажется, принесет куда меньше хлопот, чем что-либо другое.

Однако Флоренс записала и название книги, «Лолита», и имя автора — Владимир Набоков. Имя звучало по-иностранному — он, наверное, русский, решила Флоренс.

Глава шестая

Кристина очень любила под конец дня все прибрать и запереть магазин. Она считала, что в свои десять с половиной лет прекрасно знает — возможно, это было единственное, в чем она была абсолютно уверена, — как именно все здесь следует делать. В этом году Кристина оканчивала начальную школу, и перед ней уже маячила мрачная тень экзамена *eleven-plus*, который должен был состояться в конце грядущего лета. Наверное, ей и впрямь пора было отказаться от работы в магазине и сосредоточиться на занятиях, но Флоренс — опасаясь, что девочка не так ее поймет, — никак не могла начать этот разговор и выложить своей юной помощнице массу доводов в пользу того, почему сейчас ей, пожалуй, стоило бы временно с работой расстаться. Надо сказать, в последние месяцы их влияние друг на друга стало особенно ощутимым. И если Флоренс стала более жизнерадостной, то Кристина — более чувствительной и восприимчивой.

В первый вечер сентября, который, честно говоря, выдался по-настоящему холодным, они

закрыли ставни и удобно устроились в гостиной на двух креслах, как настоящие леди. Через некоторое время Кристина встала и пошла на кухню, чтобы поставить чайник; Флоренс было слышно, как из крана с шумом лилась вода, как затем звякнула крышка вытащенной из буфета красной жестяной коробки с печеньем, на которой был изображен экспресс «Коронейшн»[23].

— У нас дома тоже такая коробка есть, только синяя, — сказала Кристина. — И на ней Вестминстерское аббатство. А на боковой стенке процессия, которая всю коробку как бы по кругу обходит.

— Я, пожалуй, обогреватель включу. — И Флоренс встала — ее тяготило безделье.

— А моя мама считает, что парафиновые обогреватели вовсе не безопасны.

— Да нет, если с ними обращаться осторожно и правильно их чистить, то никакой опасности я тут не вижу; ну и, конечно, не стоит допускать, чтобы по комнате сквозняки свободно гуляли, — сказала Флоренс, покрепче закручивая крышку контейнера. Ей просто необходимо было хоть иногда почувствовать себя правой.

---

[23] Сноски: 23

Coronation — железнодорожный экспресс Лондон — Эдинбург, названный так в 1937 г. в ознаменование коронации Георга VI.

Но нагреватель в тот вечер был, похоже, не в себе, хотя никакого сквозняка в комнате не было. Да и ветра, пожалуй, тоже почти не было — если в условиях Хардборо вообще можно говорить об отсутствии ветра. Однако голубоватое пламя то вдруг резко вспыхивало, словно пытаясь до чего-то дотянуться, то снова резко опадало. Обогреватель носил несколько экстравагантное название «Неверколд»[24]. Флоренс как раз удалось наладить его работу, когда Кристина торжественно внесла в гостиную большой черный с золотом поднос, на котором было все для чаепития.

— Очень мне этот ваш старый поднос нравится, — сказала она. — Можете его мне в завещании отписать.

— Знаешь, Кристина, мне что-то пока не хочется о завещании думать. Наоборот, я чувствую себя настоящей бизнесвумен в самом расцвете сил.

— А его что, из Японии привезли?

На подносе были изображены два старика, мирно удивившие рыбу при лунном свете.

— Нет, это китайский лак. Мой дед привез его из Нанкина. Дед был великим путешественником.

---

[24] Сноски: 24
Nevercold (*англ.*) — «незамерзайка», «неостывающий».

Но я совсем не уверена, умеют ли китайцы и в наши дни изготовлять такой лак.

Обогреватель «Неверколд» горел теперь более равномерно. Возле него пристроился, сохраняя тепло, чайник в корзинке под колпаком, и комнатное пространство словно сомкнулось вокруг этих уютных предметов, а разница в возрасте между Кристиной и Флоренс стала казаться совсем небольшой — они как бы воплощали собой две стадии жизни одной и той же женщины. В Хардборо такие вечера, когда моря почти не слышно, считаются очень тихими. Тишина и тепло окутывали обеих, и Кристина некоторое время сидела, вольно откинувшись на спинку кресла и разбросав в стороны руки и ноги, точно тряпичная кукла, но вскоре снова беспокойно заерзала. Впрочем, вряд ли можно было ожидать от ребенка ее возраста, что он долго просидит в полной неподвижности.

В конце концов она вскочила и сказала, что сходит проверить, заперта ли задняя дверь. И Флоренс вдруг захотелось остановить ее, не дать ей выйти из комнаты. Это был довольно странный импульс, поскольку девочка почти сразу же вернулась обратно. Но теперь уже они обе отчетливо слышали и негромкий шепот, и

слабое царапанье, и странное постукивание, доносившиеся из верхнего коридора; иной раз казалось, что кто-то взад-вперед таскает там на веревочке тяжелую игрушку, словно играя с ОЧЕНЬ БОЛЬШИМ котенком. И Флоренс больше уже не пыталась притворяться перед самой собой, как это было раньше, что у нее в доме ничего не происходит.

— Ты ведь уютно себя здесь чувствуешь, да, Кристина?

Девочка ответила, что да, конечно, безотчетно пользуясь «самым лучшим» своим голосом — на том, чтобы девочки говорили именно таким голосом, настаивала их классная наставница, прежде всего имея в виду тех, кому в школьном спектакле предстояло играть роль Флоренс Найтингейл[25] или Девы Марии. Однако и Кристина все время сосредоточенно прислушивалась и, казалось, даже настороженно прядала ушами, как лошадь.

— Я все думала, не могу ли я как-то помочь тебе подготовиться к экзамену *eleven-plus*, — как бы между прочим произнесла Флоренс. — Ну, напри-

[25] Сноски: 25

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра, организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853–1856 гг. Международный Красный Крест в 1912 г. учредил медаль имени Найтингейл.

мер, мы могли бы что-то почитать вместе…

— Да там ничего читать и не нужно. Тебе просто дают несколько картинок, и нужно сказать, какая из них лишняя, потому что не подходит. Или назовут несколько чисел — например, 8, 5, 12, 9, 22, 16, — и ты должен назвать следующее число.

И Флоренс снова испытала то же чувство, что и при разговоре с Майлоу Нортом, которого так и не смогла до конца понять; вот и сейчас она оказалась не в состоянии назвать следующее число. Наверное, она все-таки родилась слишком давно. Ей вдруг показалось, что, несмотря на вовсю работающий обогреватель, температура в комнате ощутимо падает. Она поставила регулятор на максимум и спросила:

— Ты не замерзла, Кристина?

— Нет. Просто я всегда бледная, — несколько надменно ответила девочка. — И совершенно не нужно ради меня увеличивать мощность этой штуковины. — Флоренс заметила, что Кристина вся дрожит. — И мой младший братишка тоже всегда очень бледный. Мы с ним вообще похожи.

Ни та, ни другая не были готовы признаться, что просто хотят защитить друг друга. Ибо подобное признание означало бы, что они сами впустят в свою уютную гостиную страх. Страх

показался бы, наверное, более естественным, если бы в комнате сейчас было темно, но там не только горели светильники, но и почти в каждый угол проникал дополнительный свет от яркой вывески над входом в магазин.

Тем временем относительно негромкие шумы наверху сменились полнейшим хаосом.

— Оно шумит все громче, миссис Грин, — дрогнувшим голоском промолвила Кристина, напрочь забыв о «красивом» голосе Флоренс Найтингейл. Миссис Грин крепко сжала левую руку девочки — левая была к ней ближе — и почувствовала, как эта ледяная ручонка дрожит, словно сквозь нее пропущен электрический ток, обладающий способностью превращаться в лед.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь? Не замерзла?

Ручонка Кристины, невесомая и неподвижная, по-прежнему лежала в руке Флоренс. Возможно, тормошить ребенка сейчас было опасно, и все же Флоренс хотелось во что бы то ни стало заставить девочку что-нибудь сказать; она понимала, что они обе должны наконец признаться себе в чем-то.

— У меня такое ощущение, будто что-то движется вверх по моей руке — словно кто-то пальцы вот

так переставляет, идет, идет и останавливается у меня на макушке, — медленно проговорила Кристина. — И я чувствую, как у меня там волосы дыбом встают.

Ну что ж, это было уже признание. То ли застыв от ужаса, то ли погрузившись в некий странный полусон, Кристина в совершенно неестественной позе раскачивалась в кресле взад-вперед. Шум наверху вдруг стих, а потом снова разразился с удвоенной силой — но на этот раз уже внизу, снаружи, под самым окном, которое теперь яростно содрогалось. Казалось, оконное стекло вот-вот расколется и этот шум ворвется внутрь. Чайные чашки сами собой со звоном вращались на блюдцах. А за окном то и дело раздавался яростный стук, словно какой-то балбес горстями швырял гравий прямо в стекло.

— Это он, «постукач». Моя мама говорит, что он всегда в этом старом доме жил. Только она думала, что из-за меня он пробудиться не должен, потому что у меня еще месячные не начались.

Стук в окно прекратился, сменившись почти неслышным шипением; затем, будто собравшись с силами, полтергейст ожил снова, и теперь по всему дому раздавался протяжный звериный вой, звучавший то тише, то громче.

— Не обращай на него внимания, Кристина, — громко сказала Флоренс, чувствуя неожиданный прилив сил. — Мы же знаем, чего он сделать никак не может.

— Оно не хочет, чтобы мы уходили, — пробормотала Кристина. — Оно хочет, чтобы мы остались тут, и тогда оно сможет нас мучить.

Обе и впрямь чувствовали себя осажденными со всех сторон. Осада, правда, длилась всего чуть больше десяти минут, однако за это время в комнате стало так холодно, что Флоренс практически не чувствовала ни собственных пальцев, которыми по-прежнему сжимала руку девочки, ни ее ледяной ручонки. Но через десять минут все это кончилось, и Кристина мгновенно уснула.

Флоренс никак не ожидала, что ее маленькая помощница решится сюда вернуться; но уже на следующий день Кристина пришла, как всегда, и предложила, если снова возникнут подобные неприятности, сразу опуститься на колени и вместе помолиться. Так посоветовала ей мать, прибавив, что обсуждать подобные вещи с викарием не стоит, это пустая трата времени. Семейство Гиппингов принадлежало к неангликанской церкви, и в собор Сент-Эдмундз они не ходили; впрочем, миссис Гиппинг считала, что и к своему

священнику им обращаться бессмысленно; если привидение и можно изгнать чтением молитв, то на полтергейст, как и на кобольдов, молитвы не действуют. «Однако, — подумала Флоренс, — и впрямь пора мне навести в Старом Доме чистоту, хотя бы перестирать все грязные тряпки и половики, правда, это может показаться проявлением неуважения к всемилостивой церкви, а мне бы этого не хотелось».

Колокольня собора возвышалась над болотами, словно защищая их, а подход к знаменитому южному порталу между двумя наклонными контрфорсами был по приказу одного далекого предка мистера Брандиша выложен красивыми кремневыми плитками, серебристо-серыми и темно-серыми, расположенными в шахматном порядке. «Жаль, — думала Флоренс, — что мои разговоры с викарием всегда сводятся к теме денег». Она, например, даже рада была бы пожертвовать часть своих книг на праздник урожая, но все же сомневалась, что стопка романов и популярное руководство «Каждый — сам себе механик» могут сойти за «плоды земли и моря». Как, должно быть, тяжело нашему канонику — а она очень хорошо каноника понимала, — быть обязанным без конца собирать средства на те

или иные нужды. Сама она очень хотела бы при очередном разговоре с каноником задать ему только один вопрос: был ли Уильям Блейк прав, говоря, что все то, во что можно верить, является всего лишь отражением наших представлений об Истине? А что, если найдется нечто такое, во что верить нельзя? Интересно, верил ли Блейк в существование полтергейста? Флоренс сходила к заутрене и заметила, выходя из собора, что на следующей неделе ее очередь приносить цветы. Список висел у центрального портала: миссис Друэри, миссис Грин, миссис Торнтон, миссис Гамар (две недели подряд, потому что у нее сад значительно больше, чем у других).

Миссис Гиппинг, чей дом находился как раз между старым вокзалом и церковью, возилась в огороде — ставила подпорки к гороху. Заметив шедшую с ранней службы миссис Грин, она помахала ей, приглашая зайти. Мистер Гиппинг тоже мелькал в зарослях зеленых растений — он обихаживал грядки с ранним сельдереем, который будет хорош вплоть до самого Рождества.

Они вошли в дом с черного хода и оказались во влажном тепле кухни, завешанной выстиранным бельем. Миссис Гиппинг сразу принялась успокаивать Флоренс и звучала очень убедитель-

но. Она уже слышала об атаке полтергейста, но считала, что в каждой работе свои недостатки.

— Надеюсь, вы не откажетесь чего-нибудь выпить, прежде чем за работу приняться? — сказала она, и Флоренс уже решила, что сейчас ей предложат что-нибудь вроде «Нескафе», к которому она уже стала понемногу привыкать, но миссис Гиппинг подвела ее к огромному кабачку, висевшему над раковиной. Из блестящего округлого бока кабачка, словно расписанного яркими зелеными и желтыми полосами, торчал деревянный краник. Под кабачок был подставлен подносик с чашками и стаканами. Миссис Гиппинг повернула краник, и в ближайшую чашку начали падать крупные тяжелые капли мутной жидкости. Миссис Гиппинг сказала, что этот кабачок висит совсем недавно и его сок еще не слишком «в голову шибает», но она собственными глазами видела, как «здоровенный мужик» хлебнул тут у них из четырехнедельного кабачка и ему так «в голову взошло», что он замертво рухнул прямо на каменный пол, «морду себе расквасил» и все вокруг кровью забрызгал.

— Может быть, дадите мне рецепт? — вежливо спросила Флоренс, но миссис Гиппинг ответила, что никогда его не дает, потому что «Женский ин-

ститут»[26], на который она была явно обижена, тут же включит этот рецепт в свою коллекцию «Старых народных рецептов», а о ней и не вспомнит.

Каждое утро, открывая магазин, Флоренс испытывала одно и то же чувство: надежды на благоприятные возможности. Ее книги стояли аккуратными рядами, в точности как растения в огороде у Гиппингов, готовые к приходу любого покупателя.

Где-то после полудня заглянул Майлоу.

— Ну что, собрались «Лолиту» заказывать?

— Я еще не решила. Пока что заказала пробный экземпляр. Меня несколько смущает то, что американские газеты пишут об этом романе. Один обозреватель заявил, например, что это тупая, претенциозная и отталкивающая книга, написанная к тому же напыщенным стилем, и все это очень плохо как для читателей, так и для книготорговцев. Но, с другой стороны, я прочла статью Грэма Грина, и он утверждает, что «Лолита» — это бесспорный шедевр.

— Меня вы даже не спросили, что я на сей счет думаю.

---

[26] Сноски: 26

Организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности, в рамках которой действуют различные кружки.

— А какой смысл вас спрашивать? Вы же второй том то ли потеряли, то ли где-то оставили. Вы хоть до конца-то роман дочитали?

— Не могу припомнить. Ну а собственной оценке вы совсем не доверяете, моя дорогая?

Флоренс слегка задумалась.

— Пожалуй, все же доверяю. Во всяком случае, с точки зрения морали — безусловно. Но я ведь всего лишь продаю книги, и у меня попросту не хватает образования, чтобы должным образом разбираться в литературе и искусстве, а потому я вряд ли могу судить, является та или иная книга шедевром или нет.

— Ну а как с точки зрения вашей морали вы оцениваете, скажем, меня?

— На это мне ответить нетрудно, — сказала Флоренс. — Согласно моим представлениям, вам следовало бы поскорее жениться на Кэтти, думать не только о себе и побольше работать.

— А насчет «Лолиты» вы, значит, не уверены? Или боитесь, что ее случайно прочтет эта ваша малышка из семейства Гиппинг?

— Кристина? Нет, о ней я вовсе не беспокоюсь. Да она и книг-то никогда не читает. В этом смысле она просто идеальная помощница. Из печатной

литературы ее интересует только «Банти»[27].

— А вас не смущает, что это может не понравиться Гамарам? По-моему, Вайолет к вам так ни разу и не зашла, верно?

И Майлоу прибавил, что Генерал успел сообщить ему, когда их машины встретились в пробке на эстакаде во Флинтмаркете, что, по мнению его жены, «Лолиту» вряд ли кто-то станет покупать в их милом сонном Хардборо.

— Я совершенно не собираюсь принимать во внимание подобные высказывания. Если «Лолита» — действительно хорошая книга, то я непременно буду ее у себя продавать.

— И, по крайней мере, неплохо заработаете, знаете ли.

— Заработать — не главная моя цель, — отвечала Флоренс, и это, по крайней мере, была чистая правда. «Интересно, почему вновь и вновь возникает это “по крайней мере”»? — вдруг подумала она. Вот и Рэвен всего несколько дней назад, показав ей на болотах какие-то сочные зеленые растения, объяснил, что в Лондоне это считается деликатесом и стоит очень дорого. Поставка туда этой зелени могла бы принести отличный

---

[27] Сноски: 27
Еженедельный комикс для девочек школьного возраста.

доход. «По крайней мере, это может вам помочь, миссис Грин, если у вас с магазином что не так пойдет», — сказал он.

— Вообще-то дела у нас идут совсем неплохо, — сказала она Майлоу. — Но вашим добрым советом насчет «Лолиты» я непременно в свое время воспользуюсь.

Похоже, ее ответ несколько разочаровал Майлоу.

— Я бы, пожалуй, тоже хотел почитать «Банти», — выдал он вдруг, и Флоренс объяснила ему, что в задней части дома в кладовой лежит огромная стопка этих комиксов, но дать ему хотя бы один из них без разрешения Кристины она никак не может, а занятия в школе закончатся не раньше половины четвертого.

После шести месяцев торговли, по расчетам Флоренс, у нее имелось нераспроданных книг на 2500 фунтов; по неоплаченным счетам ей были должны около 80 фунтов; а текущий баланс в банке у мистера Кибла составлял всего чуть больше 400 фунтов — то есть ее *рабочий капитал* был равен примерно 3000 фунтов. Питалась Флоренс в основном чаем, печеньем и селедкой и почти ничего не тратила на рекламу, разве что повесила объявление в приходском мага-

зине — исключительно из уважения к викарию. Себе она по-прежнему платила двенадцать шиллингов шесть пенсов в неделю, по праздникам прибавляя еще тридцать шиллингов. Никому из покупателей она скидок не делала; скидки допускались только в случае приобретения книг для начальной школы. Развозка и рассылка тоже осуществлялись совсем не так, как в магазине Мюллера. Собственно, жители Хардборо привыкли прихватывать с собой посылки, отправляясь куда-либо на автомобиле или велосипеде, и как-то само собой получалось, что почти любой, а не только услужливый Уолли мог стать для Флоренс потенциальным курьером. А сегодня она и сама, поскольку магазин закрывался рано, была намерена выполнить эту функцию — с помощью перевозчика перебраться на тот берег Лейз и вручить тридцать экземпляров «Краткого определителя диких растений» представительницам «Женского института». Вспомнив об этом, Флоренс взяла самую верхнюю книжку в стопке новеньких справочников и поискала среди иллюстраций то сочное растение, которое показывал ей Рэвен на болотах. Однако о нем в этом справочнике даже не упоминалось.

Глава седьмая

А миссис Гамар вскоре действительно заглянула в книжный магазин. Это произошло недели через две после того, как Флоренс вновь открыла свою библиотеку. Ее открытие на сей раз, к счастью, сопровождалось куда меньшим ажиотажем — казалось, подписчики научились хоть как-то себя сдерживать; чем дальше, тем спокойнее становилась и сама атмосфера выдачи книг.

Кристина очень быстро усвоила всю нехитрую библиотечную премудрость и даже успела выучить имена всех подписчиков, даже тех, что в Хардборо не проживали и ранее были ей не знакомы. Она классифицировала их по характерным признакам — миссис Родимое Пятно, майор Апчхи и так далее; примерно так же определял своих животных и Рэвен, который никогда бы не спутал «родных» коров с приблудными. Впрочем, Кристина отлично помнила и «правильные» имена подписчиков, а также названия тех книг, которые они заказывали; прекрасно знала она и то, что им действительно могли в данный момент предложить в библиотеке, — во всех

этих делах маленькая помощница Флоренс была просто непогрешима. Вот только желание всегда быть справедливой и беспристрастной делало ее, пожалуй, излишне суровой. Теперь библиотека начинала работать только после того, как у Кристины заканчивались занятия в школе; она к тому же ввела некие дополнительные строгие нормы поведения: в частности, разрешалось *только смотреть издали*, какие книги выбрал себе тот или иной человек.

Погода поздней осенью стояла отвратительная, и поход в библиотеку превращался для местных пенсионеров в единственно возможную прогулку — как для тех, кто приходил пешком, так и для приезжавших на велосипеде или автомобиле; охотно посещали библиотеку и те, кто либо работал неполный день, либо вообще вынужденно бездельничал. Эти, похоже, были готовы без особых жалоб и возражений брать книги категории B и даже C.

Миссис Гамар пришла в книжный магазин днем, в самом конце октября. Входила она с парадного входа, так что солнце светило ей прямо в спину, и тень посетительницы успела подняться на крыльцо раньше ее самой. На ней был дорогой, из чистой верблюжьей шерсти, труакар

фирмы «Джейгер». Увидев миссис Гамар, Флоренс подумала, что, возможно, в ее судьбе наступил переломный момент. В последнее время она была слишком занята, чтобы думать о том давлении, которое пытались оказать на нее полгода назад, вынуждая покинуть Старый Дом, хотя, честно говоря, она сама старалась настолько загрузить себя работой, что попросту не позволяла подобным мыслям возвращаться и снова ее терзать. Но сейчас эти мысли явились вновь. Собственный магазин казался ей безмолвным полем боя, где сражение лишь на время было приостановлено, поскольку стороны пребывали в состоянии условного перемирия. Впрочем, Флоренс чувствовала себя здесь полноправной хозяйкой и, безусловно, находилась на своей территории, да к тому же у нее имелась определенная поддержка в лице Кристины, поскольку та уже успела прийти из школы и как раз пристраивала в заднем коридоре свои «веллингтоны» и кардиган. Однако следовало учесть, что миссис Гамар явилась сюда в качестве покупательницы, и с ней следовало обращаться с должным почтением; кроме того, будучи покровительницей всех культурных начинаний в Хардборо, миссис Гамар чувствовала себя абсолютно недосягаемой, так что в данный

момент на лице у нее царило выражение христианского всепрощения. Она же сделала «этой особе» предложение «от имени Искусства», но получила отказ, и в Старом Доме по-прежнему был книжный магазин, а значит, ей оставалось лишь сиять милостивой улыбкой и держаться с достоинством.

В библиотечном отделе было полно изнывающих от безделья подписчиков. Впрочем, и в передней части магазина покупатели имелись.

— Насколько я вижу, вы сейчас очень заняты, — сказала миссис Гамар. — Прошу вас, не отвлекайтесь ради меня от работы. На самом деле я зашла всего лишь взглянуть на вашу библиотеку; мне хотелось понять, как она работает. Я, собственно, давно собиралась это сделать.

Кристина, по договоренности с Флоренс, часто занималась выдачей книг и заполнением читательских формуляров, что было очень кстати, когда образовывалась очередь из нескольких человек. В такие моменты чувство собственной незаменимости было Кристине особенно приятно. Вот и сейчас она поспешно, безжалостно дергая расческу, причесала свои слегка спутанные светлые волосы, более-менее привела себя в порядок и тут же выскочила из дальнего кори-

дора, бросившись исполнять свои обязанности с энтузиазмом терьера, которому на один день разрешили побыть овчаркой. Быстро и ловко перебирая тонкими пальцами розовые формуляры, она тараторила: «Одну секундочку, миссис Кибл. Я быстренько всех обслужу, но только по очереди». Полагая, что это, возможно, не самая подходящая картинка для первого визита миссис Гамар, Флоренс решила на время оставить кассу и лично сопроводить столь важную персону, а заодно и объяснить ей, какова система выдачи книг у них в библиотеке. Она как раз направлялась к миссис Гамар, когда кто-то с силой схватил ее за локоть и что-то острое больно ткнулось ей прямо в поясницу.

Оказалось, что это угол картины в тяжелой раме. А вцепившаяся ей в локоть настойчивая рука принадлежала незнакомому мужчине, не слишком молодому, одетому в вельветовую куртку. Улыбкой и всем выражением лица этот тип более всего напоминал жабу. Во всяком случае, судя по этой улыбке, можно было точно сказать, что этот господин «немного не в себе». Эту большую картину в раме он явно только что втащил в магазин, а из-под мышки у него торчало еще несколько картин поменьше.

— Вы, я надеюсь, помните мое письмо? Рад представиться: Теодор Гил, художник-акварелист, к вашим услугам. Возможность выставки… хотя бы для небольшой части моих произведений… ничего особенного, мадам, но все это оригиналы…

— Но ведь я на ваше письмо даже не ответила.

Флоренс огляделась: повсюду были картины в рамах и без. Интересно, как это они ухитрились так быстро заполонить весь магазин?

— Как известно, мадам, молчание означает согласие. Здесь, правда, не так много места, как мне представлялось, но я могу договориться с одним моим добрым приятелем и позаимствовать у него несколько дополнительных стоек. Он, кстати, тоже весьма известный акварелист.

— А он, я надеюсь, не имеет намерения здесь выставляться?

— Имеет, но несколько позже — о, как быстро вы меня поняли! Нет-нет, его выставка пока еще не готова.

— Мистер Гил, сейчас, право, не самое подходящее время для подобной дискуссии. Мой магазин открыт для всех, но в данный момент я занята, да и вам теперь, поскольку вы уже успели осмотреть помещение, должно быть ясно, что здесь совсем нет места ни для вашей выставки, ни для чьей бы

то ни было еще.

— А это «Закат солнца. Вид на муниципальный луг Хардборо с противоположного берега реки Лейз», — старательно повышая голос, прервал ее мистер Гил. — Послушайте, это в ваших же интересах! Посмотрите, как сочны краски луга в закатных лучах!

И тут где-то на периферии внимания Флоренс, в данный момент насильственно оккупированного мистером Гилом, возник возмущенный ропот, а из дальнего конца помещения донеслись, пожалуй, даже крики. Флоренс попыталась несколько недостойным образом помешать мистеру Гилу протащить в глубь магазина пейзаж с закатом и только тут впервые заметила, что первые ряды ее обороны сломлены, враг наступает по всем фронтам, а подозрительно раскрасневшаяся миссис Гамар, как-то странно сжимая одной рукой другую, быстро идет через магазин к выходу, и на лице ее отражается целая буря не самых приятных эмоций. Она вышла из магазина, так и не сказав Флоренс ни слова, и та встревожилась:

— Что такое? Что случилось?

Появилась Кристина, раскрасневшаяся еще сильнее, чем миссис Гамар, и по ее пылающим щекам уже пролегли дорожки слез.

— Эта миссис Гамар из Имения… она не захотела дождаться своей очереди и стала хватать те книги, которые уже выбрали другие люди. Она просто брала их и листала, словно они ей принадлежат! Если бы это был ее магазин и ее книги, она бы небось другим такого не позволила! И потом, она перепутала все мои розовые билетики!

— И что же ты сделала, Кристина?

— Это вы мне велели так делать! Я взяла линейку и хорошенько стукнула ее по пальцам.

В руках девочка по-прежнему сжимала школьную линейку, украшенную изображениями утенка Дональда Дака. Во время возникшего замешательства мистер Гил ухитрился повесить несколько своих небольших набросков. Подписчики шумели, недовольные тем, что Флоренс выказывает столь малое осуждение в отношении «этой девчонки». Они, мол, всегда считали сущим безумием давать столько воли десятилетнему ребенку. Посмотрите-ка, она еще и плачет! А ведь миссис Гамар подвергли самому настоящему физическому насилию! В итоге один из покупателей попытался улизнуть, не оплатив стоимость конверта с открыткой, а в свое оправдание еще и заявил, что, дескать, отчаялся получить должное внимание. Флоренс заставила его уплатить 6 ¾

пенса и пробила чек; это была вся ее выручка за сегодняшний день.

Если бы она в ту же минуту выбежала из магазина, отправилась на Хай-стрит и извинилась, ситуацию еще можно было бы исправить. Но ей показалось, что в данный момент куда важнее утешить Кристину. Разумеется, посетители библиотеки правы: девочке было дано слишком много власти, и это, как и всякое излишество, оказалось для нее сущим ядом. Однако сейчас, как считала Флоренс, единственное противоядие — это дать ей почувствовать, что она по-прежнему важна и нужна здесь.

— Все. Хватит даже думать об этом, — сказала она. Но Кристина все продолжала огорченно бормотать, что все подписчики «ушли вместе со своими розовыми билетиками и никаких книг не взяли». Она искренне оплакивала крушение всей их библиотечной системы.

— Ничего, — бодрым тоном добавила Флоренс, — у меня там отложена одна книжка — специально для мистера Брандиша. Он будет ждать, и я надеюсь, что ты, как всегда, ему ее отнесешь.

Кристина тут же надела свой кардиган и куртку-анорак.

— Я оставлю ее там же, где и всегда, — сказала

она, — на куче возле молочных бутылок. А что вы собираетесь делать со всеми этими старыми картинками?

Мистер Гил тем временем решил выпить чаю и отправился на поиски подходящего места; впрочем, ничего ближе, чем кафе «На переправе», он бы не нашел, однако и это кафе в октябре вполне могло быть уже закрыто. В таком случае его, видимо, ждет сильное разочарование, которое станет очередным звеном в той бесконечной цепи разочарований, которыми полна вся его жизнь. Флоренс понимала, что ей придется все-таки найти время и подумать о мистере Гиле, о его картинах, а также о множестве других вещей; но в данный момент ей хотелось одного: придумать что-нибудь такое, отчего поручение, которое она только что дала Кристине, обретет куда больший смысл и вес.

— Погоди-ка минутку. Мне бы хотелось, чтобы ты передала мистеру Брандишу одно очень важное письмо. Не волнуйся, я быстро его напишу.

В то утро ей как раз прислали пробный экземпляр «Лолиты». Она сняла с книги суперобложку, посмотрела на черный переплет с серебряным тиснением и быстро написала:

«Дорогой мистер Брандиш!

Вы очень поддержали меня своим письмом, присланным сразу после открытия книжного магазина, только поэтому я и осмелилась сейчас просить у Вас совета. Ведь, в конце концов, Ваша семья живет в Хардборо с давних пор, намного дольше, чем кто бы то ни было другой. Не знаю, слышали ли Вы о романе, который Кристина Гиппинг передаст Вам вместе с моей запиской. Это «Лолита» Владимира Набокова. Некоторые критики называют этот роман претенциозным, тупым, даже отталкивающим или, по крайней мере, чересчур цветистым; зато другие считают его настоящим шедевром. Не будете ли вы так добры прочесть эту книгу и дать мне знать, правильно ли я поступлю, если закажу ее и буду рекомендовать покупателям?

Искренне Ваша,
Флоренс Грин».

— А ответа ждать? — с некоторым сомнением спросила Кристина.

— Нет, сегодня не нужно. Но через несколько

дней или, может, через неделю ответ наверняка будет.

На следующей неделе библиотека продолжала работать, но как-то тихо. Теодор Гил со своими акварелями — их запас был, похоже, неисчерпаем — из магазина был благополучно эвакуирован. Со стороны Флоренс это был решительный и смелый ход. Соседствующее с магазином ателье «Рода» размещалось, конечно, не в таком старом доме, да и стены там, к сожалению, были из галечно-бетонных плит, а оконные рамы выкрашены коричневой краской, зато там имелся просторный и хорошо освещенный зал.

— У вас такие чудесные гладкие стены, Джесси, — дипломатично начала Флоренс. — Не знаю, но, по-моему, сюда прямо-таки просятся несколько картин, вам не кажется?

— Можно устроить, например, полупостоянную выставку, — тут же вставил мистер Гил, как обычно слонявшийся поблизости. Этот человек, с раздражением подумала Флоренс, способен все, что угодно, испортить! И поспешила заверить Джесси:

— Нет-нет, можно просто попробовать. Например, повесить тут на время несколько акварелей. Скажем, по одной или по две с каждой стороны

от ваших часов с календарем, а? — Собственно, именно она и помогла Джесси купить эти часы по себестоимости.

Но Джесси Уэлфорд отчего-то ей отвечать не стала, а повернулась к художнику и сказала:

— Вообще-то я никогда не задумывалась о том, что эту стену стоило бы чем-то украсить. Впрочем, я готова помочь вам, раз уж вы попали в затруднительное положение.

Весь день мистер Гил стучал и гремел в ателье, вешая картины, и этот шум вызывал у Флоренс почти такое же раздражение, как пресловутый полтергейст. Но еще больше ее раздражал отлично слышимый в магазине издевательский смех Джесси. В витрине ателье появилось объявление об открытии выставки картин. А Джесси, продолжая смеяться, всем говорила, что хоть у нее раньше ничего такого с художниками не было, но, как известно, все когда-нибудь случается в первый раз.

Флоренс как-то не задумывалась над тем, как именно ей будет доставлен ответ на ее письмо. Во всяком случае, она уж точно не ожидала, что этот ответ ей передаст миссис Гиппинг. Однако именно она на следующий день остановилась рядом с Флоренс, зашедшей в бакалейную лавку,

и начала во весь голос рассказывать, что мистер Брандиш попросил ее купить фунт фруктовой смеси и испечь для него кекс к воскресному чаю, поскольку у него возникло вполне определенное желание, о котором она, миссис Гиппинг, прямо сейчас Флоренс и сообщит, тем самым избавив достойного пожилого джентльмена от излишнего беспокойства. Короче, мистер Брандиш просил ее передать Флоренс, что он «что-то там решил» и приглашает ее в воскресенье на чай. Так неудачно закончилась попытка мистера Брандиша передать Флоренс вполне конфиденциальную информацию, которая теперь стала достоянием всего Хардборо, жителям которого происходящее казалось просто невероятным и даже пугало. Такого приглашения никогда и никто от мистера Брандиша не получал — у него лишь изредка гостили таинственные старые друзья из Кембриджа или из Лондона. Несомненно, именно поэтому миссис Гиппинг и не захотела *зря тратить* столь сногсшибательную новость на аудиторию из нескольких человек, решив сообщить ее сразу всем.

Визит в Холт-хаус для Флоренс означал бы новое усиление разногласий с миссис Гамар, которую там по-прежнему упорно признавать

не желали. Но пойти Флоренс хотелось — пусть даже из тщеславных соображений. И, с другой стороны, кому какое дело, куда она ходит? Однако некий инстинкт — наверное, это был инстинкт владелицы книжного магазина — подсказывал ей, что визит в Холт-хаус будет иметь для нее огромное значение. И все же она продолжала колебаться. Но вскоре Уолли привез ей от мистера Брандиша вполне официальное, хотя и несколько странное по форме приглашение, в котором тот просил оказать ему честь и называл вполне удобное время — ровно в четверть пятого в воскресенье. Это-то письмо и заставило Флоренс окончательно решиться. Тем более что мистер Брандиш написал, что тщательно обдумал то, о чем она его просила, и надеется, что она будет удовлетворена его советом.

Начало ноября в Хардборо — один из тех кратких и немногочисленных в течение всего года периодов, когда ветры почти совсем не дуют. Вечером 5 ноября[28] в эстуарии неподалеку от бывшего причала на площадке из песчаника был разожжен гигантский костер. Уже за несколько

[28] Сноски: 28

Вечером 5 ноября по традиции отмечают раскрытие «Порохового заговора» Гая Фокса, устроенного в 1605 г. с целью убийства короля Якова I. Этот праздник называют также «Ночь Гая Фокса» или «Ночь костров».

дней до праздника там приготовили огромную груду топлива, похожую на гнездо гигантской цапли. К «Ночи костров» всегда готовились совместными усилиями, и каждый родитель в Хардборо был готов дать совет, как и кому следует разжигать праздничный костер. Для растопки использовали дизельное топливо, хотя было известно, что в прошлом году из-за этого кто-то начисто спалил себе брови, и они так больше и не выросли. Первыми, конечно, занимались более тонкие ветки. Собранные по всему берегу и покрытые слоем морской соли, эти ветки даже не загорались, а взрывались язычками ярко-голубого пламени. Выдры и водяные крысы спешили удрать подальше и разбегались по плотинам и сточным канавам; а дети, наоборот, старались подойти к костру как можно ближе, сбегаясь со всех концов муниципального луга. В костре для них пекли картошку, выкатывая ее жердями из жарких углей. У печеной картошки, покрытой толстой обуглившейся коркой, был отчетливый привкус дизельного топлива. Когда костер окончательно разгорался, организаторы праздника потихоньку отходили подальше от пламени и начинали обсуждать насущные проблемы. И буквально все — даже директор технической

школы, которому полуофициально было поручено присматривать за костром, даже миссис Трейл из начальной школы, даже вечно унылая миссис Дибн — знали, куда Флоренс приглашена в воскресенье на чай.

А она не уверена была даже, что сумеет попасть внутрь Холт-хауса. Кажется, там справа от парадной двери есть металлическая цепочка, и за нее нужно потянуть, чтобы внутри прозвонил звонок, успокаивала она себя, собираясь в путь. Раньше она довольно часто обращала внимание на эту цепочку. Цепочка была довольно тяжелая, украшенная резьбой, но почему-то казалось, что она сразу же оторвется, стоит за нее потянуть, а ты так и будешь стоять с цепочкой в руках у закрытой двери, как последний дурак.

Но парадные двери Холт-хауса оказались не заперты, и Флоренс спокойно вошла. Перед ней сразу открылся просторный, но довольно сумрачный холл — дневной свет проникал туда через стеклянный купол, находившийся тремя этажами выше, и отражался в старом венецианском зеркале, висевшем на стене с темно-красными обоями и бордюром еще более темного оттенка. А прямо напротив дверей стояла бронзовая статуя фокстерьера, размерами значительно превос-

ходившая реальную величину собаки, и этот фокстерьер, сидя на полу с поводком в зубах, явно выпрашивал у хозяина прогулку. Поводок был из настоящей кожи. В холле слева стоял большой старинный сундук, на крышке которого разместились фарфоровые кувшины и большая чаша с клубками бечевок и множеством пожелтевших визитных карточек. Флоренс показалось, что от сундука исходит сильный запах камфоры.

— Там раньше хранился набор для игры в крокет, — донесся откуда-то из мрака голос хозяина дома, — но теперь у меня не так-то много возможностей в него поиграть.

Выйдя навстречу гостье, мистер Брандиш окинул холл критическим взглядом, словно это была дальняя провинция его владений, которую он посещал редко. Он неторопливо и с некоторой подозрительностью поворачивал в разные стороны голову на короткой шее, почти утонувшую в плечах. В полумраке холла Флоренс сумела разглядеть лишь его чистую белую рубашку, воротник которой выглядел точно вход в нору, куда, будто прячась, то и дело ныряло смуглое лицо мистера Брандиша; однако он не сводил с гостьи живых темных глаз, с некоторым волнением наблюдая за нею.

— Пойдемте в столовую.

В столовую они прошли прямо из холла. За плотно закрытыми французскими окнами виднелся сад, но прекрасный вид, который, должно быть, когда-то открывался из этих окон, застилали заросли буков. Видимо, некогда эти буки посадили здесь в качестве зеленой изгороди, но с тех пор они чудовищно разрослись; на ветвях у них еще кое-где висели коричневые листья, тяжелые от ноябрьской влаги. Гигантский обеденный стол красного дерева простирался от одного конца комнаты до другого, и Флоренс даже загрустила, представив себе, как кто-то в полном одиночестве садится за такой стол обедать. Стол был накрыт — явно к приходу гостьи, — и разнообразные тяжелые фаянсовые блюда с бело-синим рисунком напомнили ей те призы, что обычно выставляют на ярмарочной площади. Между тяжеловесными предметами этой странной сервировки совершенно затерялось немудреное угощение: фруктовый кекс, бутылка молока и консервированная ветчина неприятного розового оттенка, которую даже из жестяной коробки вынуть не потрудились.

— Наверное, следовало бы накрыть стол скатертью, — сказал мистер Брандиш и тут же

вытащил из буфета белую, сильно накрахмаленную льняную скатерть. Затем он попытался одним махом сдвинуть в сторону гигантские блюда, но Флоренс решительно этому воспротивилась и без приглашения уселась за стол. Хозяин дома, похоже, обрадовался и тоже моментально устроился в разлапистом кресле, чуть нахохлившись и аккуратно положив свои большие волосатые руки по обе стороны от тарелки. Вид у него был довольно потрепанный, даже, можно сказать, почти непрезентабельный, однако он, несомненно, принадлежал к тому типу людей, которые в любом обличье умудряются сохранить врожденное достоинство. И теперь он ждал — с некой уверенной покорностью, — когда Флоренс начнет разливать чай. Серебряный чайник был размером с небольшую купель — она и подняла-то его с трудом, — и к тому же оказалось, что чай почти совсем холодный. На крышке чайника был выгравирован девиз: «Не обретя успеха хотя бы в чем-то, не обретешь его ни в чем».

К счастью, поскольку на столе был только один нож, а о вилках вообще забыли, мистер Брандиш не сделал ни малейшей попытки попотчевать свою гостью кексом или ветчиной. Холодный чай он тоже пить не стал. Флоренс показалось,

что вряд ли его здесь вообще кормят нормально и своевременно. Ему явно хотелось проявить по отношению к ней гостеприимство, но он так привык выглядеть грозным и неприступным, что испытывал определенные затруднения при попытках столь резко сменить манеру поведения. У нее это вызывало скорее симпатию. И даже затянувшееся молчание ничуть ее не смущало — было совершенно очевидно, что старик слишком привык к нему. Наконец мистер Брандиш промолвил:

— Вы задали мне некий вопрос…

— Да, задала. Меня интересовало ваше мнение об одном новом романе.

— Вы оказали мне честь, задав столь серьезный вопрос, — тяжело роняя слова, продолжал мистер Брандиш. — Вы полагали, что я могу стать беспристрастным судьей. И вам наверняка казалось, что я в этом мире совершенно одинок. Но, как ни странно, это совсем не так. Иначе я мог бы стать весьма интересным экземпляром для тех, кто пытается установить, существуют ли на свете такие действия, которые наносят вред исключительно самому деятелю. В молодости меня всегда интересовали подобные проблемы. Но, как я уже сказал, я отнюдь не одинок. Я вдовец, однако еще

живы мои братья и даже одна сестра. У меня также имеется масса других родственников, среди которых есть и мои прямые потомки, только все они разбросаны по всему земному шару, и порой, разумеется, подобное положение вещей несколько надоедает. Вас, по-моему, несколько удивляет, что этот чай недостаточно горячий, не так ли?

Флоренс тут же храбро отпила из своей чашки и спросила:

— Вы, должно быть, скучаете по внукам?

Мистер Брандиш задумался, а потом задал встречный вопрос:

— То есть люблю ли я детей?

И она догадалась, что подобная странная форма беседы связана просто с отсутствием практики. Мистер Брандиш в последнее время так редко разговаривал с людьми, что успел несколько подзабыть общепринятые нормы.

— Мне не следовало бы предполагать это, — сказала она, — но я думаю, что да, любите.

— Насколько я знаю, вам помогает в магазине одна из девочек Гиппинг, третья, кажется. И других помощников у вас нет.

— Ну, ко мне время от времени приходит бухгалтер; а еще у меня есть адвокат…

— Солиситор Том Торнтон. От него вам особого

проку не будет. Я, например, ни разу не слышал, чтобы он за двадцать пять лет практики довел хотя бы одно взятое им дело до коллегии адвокатов или до суда. Он всегда улаживает только свои дела. И никогда чужие!

— Но в данном случае и речи не идет о каком бы то ни было судебном разбирательстве. Я ведь совсем не об этом вас спросить хотела.

— Осмелюсь заметить, Торнтон в любом случае к вам в дом идти откажется. В вашем доме водятся привидения, а уж с этим-то он наверняка не захочет возиться. Между прочим, если вы хотите помыть руки, то туалетная комната справа от холла. Там имеется достаточное количество унитазов и раковин — это было чрезвычайно удобно во времена моего отца, когда здесь собирались большие охотничьи компании.

Флоренс наклонилась чуть ближе к нему и сказала:

— Знаете, мистер Брандиш, когда становишься хозяйкой книжного магазина, то берешь на себя определенную ответственность.

— Да, мне тоже так кажется. Но, видите ли, далеко не все относятся к этому одобрительно. И, по-моему, есть даже такие, кто этого совсем не одобряет. Я имею в виду Вайолет Гамар. У нее

имелись в отношении Старого Дома собственные планы, а теперь она еще и, по-моему, чувствует себя до некоторой степени оскорбленной.

— Но она, конечно же, должна понимать, что та маленькая неувязка была чистой случайностью. — Флоренс было трудно говорить здесь, в Холт-хаусе, что-либо кроме правды, и все же она неуверенно прибавила: — И я не сомневаюсь, что в целом она желает мне добра.

— Желает вам добра? Господи, да пораскиньте вы мозгами! — Старик сердито пристукнул по столу увесистой чайной ложкой. — Она хочет создать «Центр искусств». Как могут искусства иметь какой-то центр? Но она считает, что могут, и мечтает вас выселить.

— Даже если она об этом и мечтает, — сказала Флоренс, — то меня ее мечты совершенно не интересуют; тут у нее ничего не выйдет.

— Вы, по-моему, путаете такие понятия, как «сила» и «могущество». Миссис Гамар благодаря своим многочисленным связям и знакомствам — женщина весьма могущественная. Неужели вас это не тревожит?

— Нет.

Мистер Брандиш не считал нужным следовать определенным правилам вежливости, а

может, его этим правилам никогда и не учили; не говорили ему, например, что пялить глаза на собеседника недопустимо. Так что он весьма откровенно *пялил на Флоренс глаза*, словно удивляясь тому, что она вообще сидит перед ним; но ее, как ни странно, скорее приободрили и его прямодушие, и его удивленно-сосредоточенный взгляд.

— Можно, я вернусь к своему первому вопросу, мистер Брандиш? Я подумываю для начала заказать двести пятьдесят экземпляров «Лолиты»; это, безусловно, немалый риск для меня; но с вами я, разумеется, хотела в первую очередь посоветоваться не по поводу ведения дел — это было бы совершенно неправильно, — а просто, прежде чем делать подобный заказ, узнать, считаете ли вы эту книгу хорошей и правильно ли я поступлю, начав продавать ее в Хардборо.

— Осмелюсь заметить, что я — в отличие от вас — не придаю столь большого значения таким понятиям, как «правильно» или «неправильно». Вы просили прочесть «Лолиту», и я ее прочел. Это, безусловно, хорошая книга, а значит, вам следует попытаться продавать ее в Хардборо. Обитатели нашего города ее не поймут, но это даже к лучшему. Легкость понимания делает мозг и душу

ленивыми.

Флоренс вздохнула с облегчением, услышав это и понимая, что решение принято, причем без ее участия. Затем, словно желая окончательно убедить себя в собственной независимости, она взяла единственный имевшийся на столе нож, отрезала два куска кекса и предложила один мистеру Брандишу. Он, казалось, был глубоко погружен в собственные мысли и положил ломтик кекса на свою тарелку с такой осторожностью, будто опускал тяжелую крышку. Флоренс чувствовала, что ему хочется сказать ей что-то еще, что-то более важное, связанное с этим неожиданным приглашением, с *просьбой* посетить его дом, а все то, о чем они говорили раньше, кажется ему вовсе не обязательным.

— Ну что ж, — помолчав, сказал мистер Брандиш, — свое мнение я вам высказал. Но почему вы решили, что мужчина способен быть лучшим судьей в таких вещах, чем женщина?

С этим вопросом в их беседу проникла иная стихия, столь же ощутимая, как перемена ветра. И мистер Брандиш не сделал ни малейшей попытки как-то сдержать эту стихию; как раз наоборот, он, похоже, испытывал облегчение, почувствовав, что ему все же удалось достигнуть

цели, которую он заранее перед собой поставил.

— Я не знаю, способен ли мужчина быть лучшим судьей, чем женщина, — сказала Флоренс, — но мужчины всегда гораздо меньше времени тратят на сожаления о принятых решениях.

— Времени, чтобы принять вполне определенное решение, у меня было с избытком. Но я никогда в жизни трудностей с принятием решений не испытывал. Позвольте мне сказать вам, какое свойство я более всего ценю в людях. Превыше всего для меня та единственная добродетель, которую они разделяют с богами и животными и которую именно поэтому не следовало бы называть добродетелью. Я имею в виду храбрость. Вы, миссис Грин, обладаете этим качеством в избытке.

Флоренс прекрасно понимала — созерцая в тусклом предвечернем свете выставленные перед ней нелепые плоские блюда и супницы, — что это разговор двух одиночеств, что мистер Брандиш взывает к ней. Он так медленно ронял каждое слово, словно ему хотелось дать ей возможность что-то вставить между ними, чем-то ему ответить. Но эти мгновенные паузы так и остались незаполненными; Флоренс никак не удавалось придать хоть какой-то порядок тому,

что она чувствовала и о чем наполовину догадывалась. В итоге мистер Брандиш тяжко вздохнул. Возможно, он счел ее непонятливой или даже в некоторой степени придурковатой. Во всяком случае, он перестал так пристально смотреть на нее и уставился в свою тарелку. Однако возникла необходимость как-то продолжать светскую беседу, и он заметил:

— Между прочим, для моей сестры этот кекс был бы сущим ядом.

Вскоре после этого Флоренс откланялась, не осмелившись даже предложить ему свои услуги, чтобы убрать со стола и помыть посуду. Мистер Брандиш проводил ее через холл к парадным дверям. Уже совсем стемнело, и она подумала: неужели он так и будет сидеть один в темноте или все же включит свет? Старик, как всегда, пожелал ей успеха в делах, и она сказала в ответ:

— Я не должна позволять себе тревожиться о будущем. Пока есть жизнь, есть надежда.

— Какая поистине ужасающая идея, — пробормотал мистер Брандиш.

Железнодорожная компания «Бритиш рейлуэйз» доставила заказанные Флоренс экземпляры «Лолиты» в городок Флинтмаркет, находившийся в двадцати пяти милях от Хардборо. Когда

прибывал очередной грузовичок с товаром для книжного магазина, это обычно вызывало оживленные споры зевак. Однако в последнее время в Хардборо творилось явно что-то небывалое. Книги возили и возили; чуть ли не перед каждой пивной теперь лежали привезенные пачки, и Рэвен, желая сэкономить бензин, каждый раз просил водителя грузовичка на обратном пути подвезти его до верхних болот.

Кристина пришла в ужас, увидев, какое невероятное количество экземпляров «Лолиты» заказала Флоренс. За все это время им не удалось продать в таком количестве ни одну из имеющихся у них книг, даже очень популярную «Построй сам собственную гоночную шлюпку». А эта «Лолита» была к тому же страшно толстая — целых четыреста страниц! И все же Кристина не могла не восхищаться целостностью характера и кажущейся неумеренностью своей хозяйки. Тем более Флоренс сказала ей, что эта книга уже успела стать знаменитой.

— Все рано или поздно о ней узнают. Но, возможно, не каждому придет в голову, что ее можно будет купить прямо здесь, в Хардборо.

— Да уж, никому точно и в голову не придет, что ее здесь целых двести пятьдесят экземпляров! —

ворчливым тоном откликнулась Кристина. — Вы из-за этой книги, похоже, совсем разум потеряли.

Они даже закрылись раньше обычного, решив переоборудовать витрину; опустили ставни и принялись выкладывать «Лолиту» пирамидами — так в бакалее выкладывают банки с консервами. Все «успешные», то есть хорошо продающиеся, книги пришлось из витрины убрать и поставить на одну полку со «стайерами», то есть с теми, что продаются, но довольно медленно; а всякие иллюстрированные журналы и «пейпербэки» Флоренс без малейшего сожаления велела и вовсе рассовать где придется.

— А зачем вы столько наличности в кассе оставили? — спросила Кристина. — У вас тут «поплавок» аж из пятидесяти фунтов.

Но Флоренс заверила, что это специально, потому что она совершенно уверена, что уже на следующий день все эти деньги ей непременно понадобятся. Кассирша из банка смотрела на нее со сдержанным изумлением и думала: интересно, а что скажет на это мистер Кибл?

Глава восьмая

«4 декабря 1959 г.

Дорогая миссис Грин!

Мною получено уведомление от адвокатской конторы «Джон Друэри и К°» – они представляют свою давнюю клиентку миссис Вайолет Гамар из Имения – относительно того, что выставленный в витрине Вашего магазина товар вызывает чрезмерный интерес потенциальных и реальных покупателей, и это создает пусть временные, но все же непомерные с точки зрения их количества и продолжительности затруднения для тех, кто пользуется шоссе; представители упомянутой адвокатской конторы также сообщают, что их клиентка намерена юридически доказать нанесение ей определенного ущерба в том плане, что она, будучи мировым судьей и председателем многочисленных комиссий (список прилагается), вынуждена терять зря время при необходимости посетить те или

иные магазины. Кроме того, регулярные пользователи Вашей библиотеки – которые, как Вы всегда должны помнить, пользуются законным статусом приглашенных, – попадают в совершенно неприемлемую обстановку, где наблюдается чрезмерная скученность людей и даже порой настоящая давка; а в определенных случаях допускается и такое обращение к посетителям – причем со стороны людей, которые просто не имеют представления, кто есть кто в нашем районе, – как «дорогуша», «старый болтун», «старая квочка» и даже «старый псих». Гражданский иск по этому делу – разумеется, никак не связанный с каким бы то ни было вмешательством полиции для устранения упомянутых печальных недоразумений, – может в результате нанести нам весьма существенный ущерб.

С совершенным почтением,
Томас Торнтон,
солиситор и комиссар по приведению к присяге».

«5 декабря 1959 г.

Дорогой мистер Торнтон!

Вы в течение многих лет были моим адвокатом, и, насколько я понимаю, выражение «действовать от моего имени» должно означать «предпринимать активные действия в мою пользу». А Вы-то сами подходили к моему магазину, чтобы посмотреть, как там оформлена витрина? В настоящий момент мы действительно крайне заняты, поскольку в магазине очень много покупателей, но если бы Вы все же смогли преодолеть те 200 ярдов, что отделяют Вашу контору от нашего магазина, то имели бы полную возможность со мной встретиться и лично сообщить свое мнение об этой витрине.

Искренне Ваша,
Флоренс Грин».

«5 декабря 1959 г.

Дорогая миссис Грин!

В связи с получением Вашего письма от 5 декабря, тон которого меня, кстати, весьма удивил, я дважды, причем в разное время, предпринял попытку приблизиться к Вашей витрине, но оказалось, что сделать это невозможно. Покупатели, похоже, приезжают к Вам даже из Флинтмаркета. И нам, я полагаю, придется признать, что возникновение подобных помех уличному движению является неразумным и недопустимым – во всяком случае, в том, что касается непомерного количества людей и машин. А в отношении Ваших прочих замечаний я бы посоветовал Вам – и это было бы лучше и для Вас, и для меня – аккуратно записывать все, что между нами происходит.

С совершенным почтением,
Томас Торнтон,
солиситор и комиссар по приведению к присяге».

«6 декабря 1959 г.
Дорогой мистер Торнтон!

Итак, что конкретно Вы посоветуете?

Искренне Ваша,
Флоренс Грин».

«8 декабря 1959 г.
Дорогая миссис Грин!

Отвечаю на Ваше письмо от 6 декабря. По-моему, нам следовало бы, пока не поздно, ликвидировать созданные Вами уличные помехи – то есть устранить скопление людей в самой узкой части Хай-стрит, прежде чем будет поднят вопрос о предъявлении нам официального обвинения; я также полагаю, что нам следовало бы прекратить продажу романа В. Набокова, вызвавшего столько недовольства и жалоб и несправедливо названного «сенсацией». В данном случае мы никак не можем сослаться на указ Министерства труда по метрополии от 1863 г. касательно селения Херринг, поскольку в Хардборо толпа на улице собирается отнюдь не в связи с голодом или нехваткой иных жизненно необходимых вещей.

С совершенным почтением,
Томас Торнтон,
солиситор и комиссар по приведению к присяге».

«9 декабря 1959 г.
Дорогой мистер Торнтон!

Хорошая книга – это поистине драгоценный источник жизненной силы, созданный людьми выдающегося ума и хранимый от забвения как самая большая драгоценность во имя той жизни, что будет после нас, а потому хорошая книга, безусловно, является для человека предметом первой необходимости.

Искренне Ваша,
Флоренс Грин».

«10 декабря 1959 г.
Миссис Флоренс Грин, Хардборо.
Дорогая мадам!
Я могу лишь повторить мой предыдущий совет. Кроме того, с моей точки зрения – хотя дело это, безусловно, личное и, следовательно, не входит в круг моих полномочий, – Вам все же лучше было бы принести миссис Гамар официальное извинение.

С совершенным почтением,
Томас Торнтон,
солиситор и комиссар по приведению к присяге».

«11 декабря 1959 г.
Дорогой мистер Торнтон, Вы – трус!

Искренне Ваша,
Флоренс Грин».

Если Флоренс и была храброй, то ее храбрость была совсем иной, чем, скажем, у генерала Гамара, который вел себя совершенно одинаково и под огнем неприятеля, и в мирное время, или чем у мистера Брандиша, который бросал вызов этому миру, отказываясь допускать его на свою территорию, в свою нору. Собственно, храбрость Флоренс была вызвана всего лишь ее твердым намерением выжить во что бы то ни стало. В полиции, однако, никакого дела против нее не возбудили и даже не собирались этого делать. А после того, как Друэри посоветовал миссис Гамар приостановить поток обвинений за явной недостаточностью улик, она свою жалобу отозвала. Впрочем, и толпа покупателей несколько поредела и стала более управляемой. А доход магазина всего лишь за первую неделю декабря и только за счет «Лолиты» составил восемьдесят два фунта десять шиллингов и шесть пенсов! Причем многие новые клиенты стали приходить и приезжать снова и, готовясь к Рождеству, по-

купали в подарок книги и календари. Впервые в жизни Флоренс испытала несколько тревожное чувство собственного процветания.

Впрочем, она бы, наверное, тревожилась куда больше, если бы внимательнее относилась к ситуации среди своих бывших союзников. А между тем и Джесси Уэлфорд, и тот художник-акварелист, окончательно поселившийся в «Роде», были настроены по отношению к ней довольно враждебно. Кристина по этому поводу высказалась весьма безапелляционно: она, мол, скорее легла бы в постель с жабой, чем с этим мистером Гилом, и как это он ухитрился не наградить мисс Уэлфорд бородавками; впрочем, подобные комментарии, совершенно неуместные в устах десятилетней девочки, принимать во внимание, конечно, не следовало. Но факт есть факт: эти двое объединились и создали единый фронт. Никто из той толпы, что толклась возле книжного магазина на Хай-стрит, в ателье «Рода» даже не заглядывал и тем более не стремился купить акварели мистера Гила. Не интересовала этих людей и свежая рыба, которую предлагал мистер Дибн. Короче говоря, теперь все торговые люди были — в большей или меньшей степени — недовольны и Флоренс, и успехом ее книжного магазина «Старый Дом».

Было даже решено не предлагать ей вступить в местное окружное отделение Ротари-клуба[29].

Чем ближе было Рождество, тем более безрассудной становилась Флоренс. Совершенно не думая о последствиях, она забрала свои дела из дрожащих рук мистера Торнтона и передала их адвокатской конторе из Флинтмаркета. Через эту новую контору она заключила договор с Уилкинсом, который занимался не только прокладкой и ремонтом водопроводных труб, но и строительными работами, и потребовала, чтобы он как можно быстрее снес насквозь пропитанный влагой сарай для выращивания устриц — но работа эта, надо признать, продвигалась у него очень медленно. Флоренс утешала себя тем, что и попозже сможет придумать, как ей лучше поступить с освобождающимся участком земли. Затем, желая найти место для новых книжных поступлений и повинуясь внезапному импульсу, она выволокла из кладовой наружу заплесневелые кипы рекламных материалов, оставленные различными торговыми агентами. Среди них имелись, например, картонные фигуры Сталина и Рузвельта в полный рост, фигура Уинстона Чер-

[29] Сноски: 29

Клуб для бизнесменов и представителей свободных профессий; каждая профессия представлена там одним членом.

чилля еще большего размера, а также огромный фашистский танк, идущий в атаку; все это легко можно было собрать в триптих, всего лишь склеив по пунктирной линии. Там были также: Стэн Мэтьюз со своим футбольным мячом, которого можно было подвесить к потолку с помощью прилагавшегося шнурка; шестифутовые игральные карты, на рубашке которых были изображены отпечатки ног, полные крови; лошадь, запечатленная в прыжке через изгородь и способная двигать глазами, точно живая, — для этого нужна была всего лишь батарейка от карманного фонарика; и весьма грозного вида фотопортреты Сомерсета Моэма и Уилфреда Пиклза[30]. Все это Флоренс изгнала из дома и отдала на растерзание Кристине, которая собиралась использовать подходящие картинки для парада карнавальных костюмов, который должен был состояться на Рождество.

Парад был организован местным благотворительным обществом.

— Я вам так благодарна, миссис Грин, за эти картинки, — говорила Кристина, — ведь иначе

[30] Сноски: 30

Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) — знаменитый английский писатель; Уилфред Пиклз (1904–1978) — английский актер и радиоведущий.

мне пришлось бы обойтись пакетом из-под стирального порошка «Омо».

Впрочем, фирмы, производящие моющие средства, были готовы прислать для карнавала какое-то количество бесплатных масок и заготовок для костюмов, как и газеты «Дейли геральд» и «Дейли миррор», но всех в Хардборо уже тошнило и от этих масок, и от этих костюмов. Флоренс, правда, все пыталась понять, почему такая юная девушка не хочет одеться посимпатичнее — например, в костюм Пьеретты. Но идея с Пьереттой у Кристины восторга не вызвала; и она ухитрилась из груды нелепых, не обещавших ничего хорошего рекламных материалов всего лишь с помощью клея и ниток создать странноватый, но впечатляющий костюм под названием «Прощай, 1959-й». Завершающий штрих был обеспечен с помощью суперобложки от одной из «Лолит»; а Флоренс, ножка которой была того же размера, что и у ее маленькой помощницы, одолжила ей пару своих выходных туфель. Туфли были из крокодиловой кожи, даже пряжки на них были обтянуты крокодиловой кожей, и Кристина, которая никогда раньше этих туфель не видела, хотя много раз без спросу рылась в вещах Флоренс, хранившихся в спальне наверху, была потрясена

и даже спросила: неужели эти туфли от «Кристиана Диора»?

— А вы знаете, что предсказала Диору одна цыганка? — сказала она. — Что он целых десять лет подряд будет пользоваться невероятным успехом, а потом встретит собственную смерть! — Но Флоренс отчего-то не захотелось в столь легкомысленном тоне вести беседу о сверхъестественных вещах, и Кристина, скользя вокруг нее в туфлях из крокодиловой кожи, тут же поспешила ее утешить: — Да все это, конечно, полная ерунда! И цыганка была не настоящая, а французская!

Патронессой парада маскарадных костюмов была, естественно, миссис Гамар из Имения. А судьей — из уважения к его связям с Би-би-си, а стало быть, и с искусством — был назначен Майлоу Норт, который очень мило пытался протестовать, заявляя, что его вообще не следовало бы назначать на такой пост, поскольку он всемерно старается избегать определенных суждений по любому поводу. Это замечание было встречено дружным хохотом. Парад проводили в «Коронэшн-Холле», который так и не был закончен, хотя жители Хардборо твердо намеревались это сделать, так что крыша там была

по-прежнему из рифленого железа, и во время дождя в зале стоял невыносимый грохот; немного тише становилось, только если дождь сменялся моросью или мокрым снегом. Кристина Гиппинг, облачившись в невероятный костюм, везла перед собой свою сестренку Мелоди, усадив ее в детскую коляску, украшенную колючей проволокой, зачем-то присланной вместе с рекламой *Escape or Die*[31]. В итоге именно Кристина легко стала победительницей конкурса. Ее костюм сочли самым оригинальным, и никто по этому поводу даже не спорил.

Неделей позже в субботу состоялась инсценировка евангельской легенды о рождении Христа, но в тот день в книжном магазине было как-то особенно людно, и в этой предрождественской суете у Флоренс не оказалось ни малейшей возможности сходить на этот любительский спектакль. Ей, правда, подробно о нем рассказали — сперва Уолли и Рэвен, специально для этого заглянувшие в магазин, а затем и миссис Трейл,

---

[31] Сноски: 31

«Найди путь к спасению или умри» — представление, во время которого профессиональные *escape artists* совершают различные трюки: прыжки с парашютом, погружение на глубину, освобождение от замков и цепей, спасение из запертого ящика, сброшенного с высоты 15 000 футов, откуда нужно успеть выбраться и открыть парашют, и тому подобное.

которая зашла, чтобы выяснить, как обстоят дела с ее заказами на следующую четверть.

Спектакль все оценивали по-разному. Некоторые нашли его «чересчур реалистичным», особенно ту сцену, где фигурировала целая отара живых овец, приведенных Рэвеном с болот. Но как бы то ни было, никто из юных артистов свою роль не забыл и слов не перепутал, а танец Кристины и вовсе оказался гвоздем программы. После своего громкого успеха на параде маскарадных костюмов Кристина получила в награду роль Саломеи. Получить эту роль в рождественском спектакле мечтали все девочки. Для исполнения танца Саломеи Кристине пришлось надеть бикини старшей сестры и в таком виде появиться на сцене.

— Она же должна была танцевать полуобнаженной, чтобы заполучить голову Иоанна Крестителя, — пояснил Уолли.

— А под какую музыку она танцевала? — спросила Флоренс.

— Это была пластинка Лонни Донегана[32]. «Агония», «В стиле». Я и не знал, что вам так нравится эта пластинка, миссис Трейл, — сказал Уолли.

---

[32] Сноски: 32
Лонни Донеган (1931–2002) — британский музыкант, гитарист.

Миссис Трейл ответила, что после стольких лет работы в школе ко всему привыкаешь, и прибавила:

— Но мне показалось, что миссис Гамар, судя по ее виду, все это не одобряет.

— Даже если она это и не одобряет, то тут уж она ничего поделать не может, — заметил Рэвен. — Против Библии она бессильна. — От Рэвена исходило теплое сияние благодушия, поскольку по пути в Старый Дом он успел заглянуть в «Якорь» и пропустить пару кружек.

Но Флоренс куда больше, чем танец Саломеи, беспокоили перспективы Кристины в отношении экзамена *eleven-plus*.

— Она оказалась для меня такой замечательной маленькой помощницей, — сказала Флоренс, — что, на мой взгляд, если бы ей только удалось окончить грамматическую школу, она могла бы сделать отличную карьеру. У нее прямо-таки врожденная способность к классификации, а этому нельзя просто научить.

Миссис Трейл бросила на нее из-под очков такой взгляд, который явственно говорил: научить можно всему. И все же Флоренс чувствовала бремя своей ответственности перед девочкой. Ей казалось, что она должна была сделать для

Кристины значительно больше, даже зная, что девочка не любит ни читать — исключая, разумеется, комиксы «Банти», — ни слушать, когда ей читают вслух. «Есть же, наверное, и какие-то иные возможности?» — думала Флоренс. В итоге, когда Рэвен и миссис Трейл ушли, она попросила Уолли задержаться, сказав, что хотела бы послушать его мнение об этом спектакле, а потом спросила, бывал ли он сам, или его друзья, или Кристина хоть раз в настоящем театре? И тут же предложила съездить с ними в театр «Мэддермаркет»[33] в Нориджe, если там пойдет что-нибудь подходящее.

— Ну, там, конечно, никто из нас не был… — с некоторым сомнением протянул Уолли. — А вот в прошлом году мы ездили с классом во Флинтмаркет и смотрели спектакль какой-то странствующей труппы. Это было довольно интересно… И потом, нам удалось поглядеть, как они динамики устанавливают.

— А какую пьесу они играли? — спросила Флоренс.

— Когда мы там были, они показывали «Гензель и Гретель». В этом спектакле очень много пели.

---

[33] Сноски: 33

Сцена местного любительского драматического общества «Норидж плейерз».

Но не все время — например, когда эти парень с девушкой легли вместе и стали немного неприлично друг друга ласкать, остальные только бит отбивали. А потом появились ангелы и укрыли их листьями.

— Ты ничего не понял, Уолли. Ведь Гензель и Гретель — брат и сестра.

— Ну и что? Да и какая, в сущности, разница, миссис Грин?

Январь, как всегда, принес тот единственный в году день, когда люди начинают говорить, что «уже пахнет весной». Сквозь клочья рваных облаков просвечивало нежно-голубое небо; на болотах тысячи разнообразных трав и водорослей испускали слабый аромат предвесеннего возрождения.

Отправившись на прогулку, Флоренс выбрала такое направление, которого давно избегала, хотя и делала это почти бессознательно. Повернувшись спиной к эстуарию Лейз, она пересекла незапаханное поле на мысу и двинулась по тропе на север, хотя табличка на оплетенной проволокой калитке гласила: «Частное владение: территория фермы». Впрочем, Флоренс знала, что имеет полное право идти по этой тропе, считавшейся как бы полосой отчуждения. Вскоре

тропа резко свернула к самому краю нависшего над морем утеса; внизу, футах в сорока, лениво набегали на каменистый берег морские волны. Мощный слой дерна пружинил под ногами и был похож на густые зеленые волосы. С другой стороны к тому же краю утеса вела старая подъездная дорога, давно заброшенная и ставшая похожей на призрак; по обе стороны от этой дороги-призрака виднелись развалины домов — и одноэтажных дачных домиков, и вполне пристойных небольших вилл. Лет пять назад там выстроили целый квартал, но, увы, без какой бы то ни было оглядки на возможность морской эрозии. И еще до того, как в поселке появились первые жители, песчаный утес обвалился впервые; затем стали постепенно разрушаться и сами дома, а некоторые и вовсе сползли вниз. На стенах домов еще кое-где сохранились старые объявления: «Продается без обременения». Одна из маленьких вилл каким-то чудесным образом удержалась на самом краю обрыва, хотя половина ее фундамента и фронтальная стена все же обрушились, и теперь доступ в гостиную был открыт для всех птиц на свете; на стенах гостиной, буквально повисшей над пропастью, трепетали на ветру остатки обоев.

Флоренс решила минут десять — ибо в воздухе и впрямь ощущалось дыхание весны — посидеть на заброшенном крылечке, где еще сохранился выложенный плиткой прихотливый орнамент. От Северного моря исходил мощный, какой-то звериный запах соленой воды, казавшийся одновременно и чистым, и гнилостным. Начинался отлив; море быстро отступало, чуть медля у полупогруженных в воду скал и разливаясь желтоватой пеной, словно решало, что стоит выбросить на берег в следующее мгновение, а что оставить пока при себе — сколько обломков кораблекрушений, сколько человеческих костей, сколько пластиковых бутылок. Флоренс, сердясь на себя, тщетно пыталась вспомнить — хотя слышала об этом достаточно часто, — какую часть побережья каждый год съедает эрозия. Вот Уолли наверняка сразу выдал бы ей точную цифру. Сколько церквей вместе с колокольнями и колоколами уже успели скрыться в этих безжалостных волнах, сколько участков так называемой «рискованной застройки»! Историки, правда, спорили с легендами о затонувших церковных колоколах и утверждали, что уж на спасение колоколов времени точно должно было хватить. Наверное, они просто не знали Хардборо. А сколько лет простоял

заброшенным Старый Дом, хотя все прекрасно понимали, что он буквально разваливается?

Майлоу и, видимо, Кэтти — во всяком случае, какая-то молодая девушка в ярко-красных колготках, так что, скорее всего, это была именно Кэтти, — брели по тропе, вьющейся по самому краю утеса. Когда они подошли ближе, Флоренс поняла, что это действительно Кэтти и у нее такое лицо, словно она только что плакала; похоже, их прогулка оказалась не слишком удачной.

— Что это вы так сиротливо сидите здесь на крылечке, Флоренс? — спросил Майлоу.

— Не знаю. Я не знаю даже, почему я вообще хожу на прогулки. Прогулки — это для пенсионеров, а я собираюсь продолжать работать.

— Не найдется ли у вас там и для меня местечко? — спросила Кэтти. Она держалась очень мило и явно старалась быть приветливой и расположить к себе Флоренс. То ли ей хотелось, чтобы Майлоу понял, как легко ей удается очаровывать других людей, то ли она демонстрировала ему, как добра она может быть по отношению к какой-то невзрачной немолодой особе всего лишь потому, что он, Майлоу, с этой женщиной знаком. Как бы то ни было, Флоренс тут же прониклась к Кэтти симпатией и подвинулась, охотно осво-

бождая ей место рядом с собой. Кэтти аккуратно уселась и одернула короткую юбку, стараясь прикрыть длинные ноги в красных колготках.

— Кэтти все не верила, что в Хардборо есть настоящие руины, вот я и привел ее сюда, чтобы она собственными глазами их увидела, — сказал Майлоу, возвышаясь над ними и глядя то на них, то на жалкие развалины вокруг. — А ведь столько людей были уже готовы в свои дома въехать! Интересно, водопровод они уже отключили? — Майлоу, перешагнув через груду камней, нырнул в тесноватое помещение — там, по всей видимости, размещалась кухня — и осторожно повернул кран. Оттуда с шумом вырвалась ржавая вода цвета крови. — Вот, пожалуйста! Ты, Кэтти, могла бы отлично здесь жить. Знаете, Флоренс, она все время твердит, что ей в нашем городе не нравится.

Но Флоренс, желая сменить тему, спросила у Кэтти, как ей работается на Би-би-си, и была весьма разочарована, узнав, что к телевидению Кэтти никакого отношения не имеет, а работа ее состоит в проверке расходных счетов для отдела записи программ, который она называла просто «архивом». Вряд ли это можно назвать престижной работой для такой интеллигентной девушки,

подумала Флоренс.

— Мы только что были на ланче у Вайолет Гамар, — как бы между прочим обронил Майлоу, беспечно балансируя на самом краю поросшего короткой травой обрыва. — Для нее это единственный шанс не выражать вслух свое неодобрительное к нам отношение.

— Почему вы никогда не можете хоть о ком-то сказать что-нибудь приятное? — спросила Флоренс. — Неужели она все еще хочет, чтобы именно вы руководили пресловутым культурным центром в Хардборо или, по крайней мере, выглядели бы так, словно им руководите?

— У нее это желание зависит от времени года. Оно усиливается каждое лето, когда главным событием становятся фестивали в Глайндборне[34] и Олдборо. А сейчас у нас январь, так что ее желание видеть меня в этой роли едва теплится.

— Миссис Гамар была очень добра, — сказала Кэтти, зябко обхватывая себя руками, как иногда делала и Кристина.

— Я не люблю добрых людей, — заметил Майлоу. — Исключение составляет одна Флоренс.

---

[34] Сноски: 34

Фестиваль в Глайндборне — ежегодный оперный фестиваль в имении близ городка Льюис (графство Восточный Сассекс), принадлежавшем известному меценату Джону Кристи (1882–1962).

— Ну, на меня ваша лесть впечатления не производит, — усмехнулась Флоренс. — Вы, по-моему, стали еще меньше работать. А ведь вы должны помнить, что Би-би-си — это акционерное общество, а зарплату вы получаете исключительно за счет собранных с населения налогов.

— Считать мои доходы и расходы — дело Кэтти, — пожал плечами Майлоу. — Всеми этими вопросами занимается только она. Вы не возражаете, если на обратном пути мы вам составим компанию?

— Спасибо, но я, пожалуй, еще немного побуду здесь.

— Прошу вас, пойдемте вместе с нами… — попросила Кэтти, и Флоренс показалось, что она тщетно пытается придумать для своей просьбы хоть какое-то обоснование. — А по дороге вы мне объясните, как это вам удается так аккуратно завертывать книги. Я, например, совершенно не умею обращаться с бумагой и бечевкой.

Во-первых, Флоренс всегда пользовалась бумажными пакетами, а во-вторых, никак не могла припомнить, чтобы хоть раз видела Кэтти у себя в магазине, однако она согласилась вернуться в Хардборо вместе с ними. По дороге Кэтти то и дело срывала какие-то растения и спрашивала

у Флоренс, что это такое. В итоге Флоренс была вынуждена признаться, что в растениях не разбирается и толком ни одного из них не знает, кроме тимьяна и подорожника, да и те она способна определить лишь после того, как у них появятся цветы, а это случится не раньше чем через пару месяцев.

Однажды, когда в выпускном классе начальной школы Хардборо был свободный урок — а в такую холодную погоду это означало, что дети в основном оставались сидеть в классе, любезно обмениваясь друг с другом новыми грязными выражениями, которые сумели узнать за последнее время, — в дверях классной комнаты возник незнакомый мужчина, который заявил:

— Можете не вставать, дети. Я — ваш инспектор.

— Нет, вы не наш инспектор, — смело возразил ему староста класса.

Миссис Трейл, сосредоточенно проверявшая журнал посещений, встрепенулась.

— По-моему, мы с вами не знакомы, — сказала она, глядя на неожиданного посетителя.

— Миссис Трейл? Моя фамилия Шепард. Может быть, вы соизволите взглянуть на мое удостоверение? Оно выписано соответствующим отделом

Министерства образования и дает мне право — согласно Закону 1950 года о режиме работы магазинов — посещать любую школу, если у меня имеются достаточные основания полагать, что учащиеся данной школы работают по найму в той или иной должности в одном из городских магазинов.

— Работают по найму? — вскричала миссис Трейл. — Да они, осмелюсь заметить, и рады были бы работать по найму! И хорошо, если бы вы назвали мне, какая работа для них имеется, кроме участия в семейном бизнесе, если он есть, или разноски газет. Впрочем, вы можете снова попытаться отыскать среди наших детей «работающих по найму», когда в Хардборо начнут картошку копать. Между прочим, я что-то не припомню, чтобы кто-то из подобных инспекторов раньше у нас в школе появлялся.

— В связи с нехваткой персонала мы посещаем школы не столь регулярно, как нам бы хотелось.

— Значит, на этот раз вам кто-то *посоветовал* заглянуть именно сюда? — спросила миссис Трейл, но ответа не получила и добавила: — У нас только Кристина Гиппинг работает после школы более-менее регулярно.

— И где же она работает? Адрес, пожалуйста.

— В книжном магазине «Старый Дом». Встань, Кристина.

Инспектор сверился со своей записной книжкой.

— Я полагаю, вам известно, что у меня есть право задать этой девочке ряд вопросов в полном соответствии с Законом о режиме работы магазинов?

Кое-кто из учеников многозначительно присвистнул, и инспектор, мрачно оглядев класс, сказал:

— Со мной прибыла также одна моя коллега. Она просто немного задержалась снаружи — решила проверить, хорошо ли заперт автомобиль.

— Значит, никаким криминалом не светит, — спокойно заметил староста класса.

А Кристина с невозмутимым видом последовала за женщиной-инспектором, которая торопливо вбежала в класс со двора и жестами указала девочке на дверь, ведущую в ту маленькую комнатку за пианино, где дети обычно сдавали деньги на обед.

«Миссис Флоренс Грин,
книжный магазин «Старый Дом».
Инспекторами Министерства образо-

вания была задана серия вопросов учащейся Кристине Гиппинг, которую перед этим попросили подписать заявление о том, что она в ответ на заданные вопросы будет говорить только правду. Несмотря на отсутствие у нас сведений о том, что Кристина посещает школу нерегулярно, нам все же стало известно, что в связи с поступлением в продажу книги-бестселлера девочке во время школьных каникул пришлось проработать в Вашем магазине более сорока четырех часов за одну лишь неделю. Кроме того, ее здоровью, безопасности и благополучию самым возмутительным образом угрожают некие сверхъестественные существа, посещающие Ваш дом. Это практически цитата из высказываний самой Кристины Гиппинг, которая заявила, что «теперь, правда, «постукач» уже не так сильно грохочет, но мы все равно никак не можем от него избавиться». Согласно полученным официальным указаниям, а также согласно соответствующим положениям Закона о режиме работы магазинов, сверхъестественные явления

считаются опасными и приравниваются к таким травматичным приспособлениям, как ножи для резки бекона и тому подобное, к которым лица столь юного возраста категорически не допускаются, ибо могут получить увечье».

«От миссис Флоренс Грин.

Закон о режиме работы магазинов, на который вы постоянно ссылаетесь, применим только к подросткам четырнадцати-шестнадцати лет. Кристине Гиппинг всего одиннадцать, а иначе что бы она делала в начальной школе?»

«Миссис Флоренс Грин,

книжный магазин «Старый Дом».

Если Кристине Гиппинг, как вы утверждаете, действительно одиннадцать лет, то ей по закону вообще не разрешается служить в каком бы то ни было торговом заведении; допустимо только участие в уличной торговле за временным прилавком или иным передвижным приспособлением (скажем, в виде доски на козлах), которое под конец дня убирается».

«От миссис Флоренс Грин.

На тротуаре Хай-стрит в Хардборо просто нет места для «передвижных приспособлений в виде доски на козлах», которые под конец дня убирались бы. Кристина, как и большая часть учеников начальной школы Саффолка – что вам, должно быть, хорошо известно, – просто помогает взрослым после уроков. Кстати, в июле она сдает экзамен eleven-plus*, и я надеюсь, что после этого она продолжит образование в грамматической школе Флинтмаркета, а стало быть, у нее просто не будет времени, чтобы после уроков помогать кому бы то ни было».*

Больше писем от инспекторов не приходило, да и сами они не появлялись, так что эта жалоба, кто бы ни был ее инициатором, заглохла, как и все прочие, поступавшие прежде. Наступила тишина. Зато от мистера Брандиша Флоренс получила коротенькое письмецо с поздравлением. Интересно, как он узнал об этой истории? Он, кстати, вспомнил в своем письме, что во времена его деда такой инспектор обычно являлся в школу с хорьком за пазухой, чтобы на всякий случай быть готовым принести пользу и помочь

избавиться от крыс.

Однако магазин «Старый Дом» был подобен пациенту, у которого, хоть кризис уже и миновал, все же не хватает сил, чтобы окончательно поправиться; во всяком случае, доходы его теперь были далеко не столь впечатляющими. Этого, собственно, и следовало ожидать: ведь Рождество давно миновало. Ничего, думала Флоренс, вот снесут наконец устричный сарай, и можно будет продать освободившийся участок, тогда и деньги появятся. Однако Уилкинс работал очень медленно. Впрочем, он и всегда-то был неторопливый. К тому же мешала холодная погода. И потом эти старые постройки всегда выглядят так, словно, стоит в них пальцем ткнуть, они и рухнут, а на самом деле они оказываются очень даже прочными. Флоренс была вынуждена без конца повторять это управляющему банком, который попросил ее заглянуть для короткого разговора, а затем спросил, заметила ли она, сколь сильно уменьшился в последнее время ее оборотный капитал.

— Вы превращаете устричный сарай из недвижимого имущества в движимое, то есть в деньги?

— В данный момент он ни то, ни другое, — от-

ветила Флоренс. — Уилкинс говорит, что там известь тверже кремня.

Мистер Кибл заметил, что сейчас, пожалуй, не самый благоприятный момент для продажи под застройку столь маленького участка, тем более всем известно, что этот участок постоянно затоплен. Флоренс ответила, что не припоминает, чтобы он упоминал о подобных особенностях этого участка, когда она впервые стала обсуждать с ним возможность взять в банке кредит.

— По-моему, дела у вас сейчас идут не слишком хорошо? — сказал мистер Кибл. — Впрочем, с определенной точки зрения это даже неплохо. Ведь в какой-то момент нам показалось, что вы совсем уж вознамерились вытряхнуть нас из привычной жизненной колеи. Однако всякий малый бизнес имеет свои подъемы и падения. И это еще одна вещь, которую значительно проще понять, оказавшись на моем месте, ибо мое положение обязывает иметь более широкий кругозор.

В конце той же весны племянник миссис Гамар, член парламента от оппозиции, человек молодой, блестящий, успешный, но довольно глупый, внес на рассмотрение частный законопроект, который уже успел пройти и первое, и второе слушание. С точки зрения карьеры этот

проект был поистине восхитителен, ибо все его пункты были приемлемы для любой партии. Это был проект в высшей степени гуманитарный и демократичный, да к тому же вносил весомый вклад в растущую проблему досуга, однако его вряд ли можно было осуществить на практике. Охарактеризованный как Билль о доступе к местам, имеющим образовательную ценность и представляющим интерес для широкой публики, этот законопроект давал возможность местным советам принудительно выкупать, предоставляя оговоренную компенсацию, любое строение, целиком или частично воздвигнутое ранее 1549 года и не используемое для проживания, но только в том случае, если в данной местности нет иного строения той же давности постройки. Приобретенные городскими советами здания должны были использоваться для культурного времяпрепровождения граждан. Флоренс прочла в «Таймс» небольшую заметку на эту тему, но знала, что ее это коснуться никак не может. Ни в совете Хардборо, ни в совете Флинмаркета попросту не было денег на осуществление подобных проектов; да и потом, ее Старый Дом, безусловно, использовался для проживания — она ведь именно там и «проживала»; однако само это

выражение — «не используемое для проживания» — заставило ее в очередной раз задуматься о весьма насущной проблеме: о содержании дома и необходимости его ремонта. Минувшая зима снова лишила крышу дома большого количества черепицы, а полоса сырости на потолке спальни становилась все шире — вот так и море дюйм за дюймом отгрызает куски побережья. Все более сыро становилось и в шкафу под лестницей, где Флоренс хранила запасы книг. И все-таки это был ее дом, он принадлежал ей и ее книгам, там они вместе и останутся жить.

Миссис Гамар не предлагала своему племяннику тему упомянутого законопроекта, но была польщена, когда за ланчем в ресторане лондонской биржи он рассказал ей, что эта идея пришла ему в голову как раз на том приеме, который она устраивала прошлой весной. А в качестве дополнительного источника энергии — впрочем, в таком месте, как Хардборо, всего, в том числе и энергии, требовалось немного, да и энергия-то расходовалась в основном на выражение недовольства и всевозможные жалобы, — миссис Гамар пришлось создать «круги на воде». И воздействие этих все расширяющихся «кругов» оказалось значительно сильнее первоначально-

го импульса, заданного рассмотрением самого законопроекта. И каждый раз, когда миссис Гамар удавалось убедиться в реальности этого воздействия, она испытывала большое удовлетворение, радуясь и за себя, и за других, ибо всегда поступала только так, как ей представлялось правильным и справедливым. Она и понятия не имела, что мораль редко служит безопасным руководством для человеческих поступков.

Сидя с племянником за ланчем, она улыбнулась ему через стол и сказала, что рыбу здесь есть не будет.

— Боюсь, жизнь в Хардборо нас совершенно испортила — по крайней мере, в отношении рыбы. Там мы едим ее всегда такой свежей, что во всех прочих местах мне рыба кажется лежалой и недостаточно хорошей. — Миссис Гамар была женщиной, безусловно, очаровательной и, между прочим, отлично сохранившейся, а в тот день она приехала в Лондон, чтобы подтолкнуть решение каких-то своих благотворительных планов, не имевших, кстати, ни малейшего отношения к книжному магазину «Старый Дом». Ее племянник, впрочем, никак не мог вспомнить, что это были за планы, однако ему об этом обязательно напомнили бы.

Глава девятая

В начальной школе Хардборо оценки за экзамен *eleven-plus* выставлялись не как обычно — то есть не самой классной наставницей после того, как дети разойдутся по домам, — экзаменационные листы отправляли на проверку в другую начальную школу, в Сэксфорд-Тай, полагая, что это дает определенную гарантию беспристрастности. Маленький Хардборо, пожалуй, даже чересчур пристально следил за тем, что происходило в школе, а сама миссис Трейл считала, что подобная процедура проверки, возможно, спасет ее от вполне реальной опасности оказаться разорванной на куски, когда результаты экзаменов будут наконец объявлены. Сама она к этим результатам относилась спокойно и была готова их сообщить. Тем более что извещения о тех, кто принят в грамматическую школу Флинтмаркета, приходили в белых конвертах квадратной формы, а извещения о принятых в техническую школу, или попросту Техничку, — в продолговатых темно-желтых конвертах. Так что, придя летним утром в школу, каждый ученик выпуск-

ного класса сразу видел на своей парте конверт и понимал, какая судьба его ждет. Разумеется, понимали это и все его одноклассники.

И впоследствии, даже прожив в Хардборо много лет, дети помнили этот момент, ибо не было в их жизни ничего столь же болезненного и убедительного, чем эти лежавшие на парте конверты. А снаружи сиял чудесный летний день, и муниципальный луг казался желтым из-за цветущего утесника. Лето успело вторгнуться даже в классную комнату, потому что для урока биологии детей попросили принести «какую-нибудь частицу живой природы», и весь класс был уставлен банками из-под варенья, в которых красовались букеты белого лихниса, ветки цветущего шиповника, пучки яркой липкой смолки, а несколько случайных былинок залетели даже на учительский стол. Ну а на подоконнике в большой стеклянной банке, чувствуя себя весьма неуютно, плавал живой угорь.

Собственно, сама финальная сцена заняла в тот день буквально одну минуту. Кристина вошла в класс одной из последних и сразу, увидев на парте длинный темно-желтый конверт, поняла, что свершилось именно то, чего она и ожидала.

Миссис Гиппинг сама проявила инициативу и

зашла в книжный магазин «Старый Дом» — этот поступок был, безусловно, достоин внимания, поскольку она, постоянно занятая, выходила из дому только в случае крайней необходимости. Но все же она решила сама поговорить с Флоренс и сообщить, что работать у нее Кристина больше не будет; впрочем, ей сразу же стало ясно, что Флоренс и так все знает и нет необходимости что-то там еще объяснять. В общем, они не стали обсуждать очевидное, а уютно устроились на кухне. Магазин был закрыт, и доносившиеся с пляжа громкие крики отпускников были здесь, в задней части дома, почти не слышны.

— Осмелюсь заметить, тот старый «постукач», видно, не рискует объявляться, пока я тут, — сказала миссис Гиппинг. — Понимает небось, что нечего ему в моем присутствии зря время терять.

— Да и я его в последнее время почти не слышу, — заметила Флоренс, а затем, вспомнив тот хмельной напиток из кабачка, предложила: — А не выпить ли нам по бокалу шерри-бренди, миссис Гиппинг? Я вообще-то не пью, тем более средь бела дня, но сегодня, пожалуй, можно себе позволить.

Она принесла два небольших бокала и бутыл-

ку, которая, как и многие бутылки с ликерами, имела довольно странную изогнутую форму, как бы прихотливо обуженную в талии и явно требующую, чтобы ее хранили для особых случаев.

— Вы это, наверно, в церковной лотерее выиграли? — предположила миссис Гиппинг. — Правда, в последние три года никто ни разу выигрышного билета не вытаскивал. Викарий, по-моему, просто не знает, как ему теперь и быть: второй-то такой бутылки у него нет.

Ну что ж, возможно, нам эта бутылка принесет удачу, подумала Флоренс. И обе женщины одновременно сделали по глотку ярко-красного, ужасающе приторного шерри.

— Говорят, принц Чарлз очень этот напиток любит.

— В его-то юном возрасте! — воскликнула Флоренс. Затем, понимая, что обязанность хозяйки требует все же выяснения цели данного визита, сказала: — Я очень огорчена новостью насчет Кристины.

— Да, она первая из нашей семьи, кто не будет учиться в грамматической школе. Для нас это просто смертный приговор. Нет, против самой Технички я ничего не имею; вот только теперь уж Кристине не удастся ни с приличным парнем

познакомиться, ни замуж выйти за какого-нибудь «белого воротничка». Теперь ей нечего даже и думать о ком-то выше простого рабочего, а то еще, не дай бог, какой безработный подвернется. И уж поверьте мне, миссис Грин, ей точно до конца жизни придется самой и стирать свое белье, и развешивать его на веревке!

Да, это правда, устало подумала Флоренс. Вот и Уолли, который уж год как учится в грамматической школе, успел завести себе новую подружку, тоже, разумеется, ученицу грамматической школы. Совсем недавно Уолли видели в обществе этой девочки: он учил ее плавать.

— Кристина у вас очень быстрая и ловкая, — сказала Флоренс, пытаясь приободрить миссис Гиппинг. — И очень музыкальная, — прибавила она, вспомнив танец Саломеи при дворе царя Ирода. — Она наверняка преуспеет в жизни, где бы ни оказалась.

— Вы только, пожалуйста, не думайте, будто мы что против вас имеем, — произнесла миссис Гиппинг. — Я ведь, собственно, именно об этом с вами поговорить хотела. Никто у нас в семье не верил, что Кристина вообще хоть как-то этот экзамен сдать сумеет. И дело вовсе не в том, что она у вас после школы работала. Как раз наобо-

рот, это для нее, пожалуй, даже полезно было. А впоследствии еще, может, и преимуществом окажется. Ведь опыт работы в книжном магазине тоже кое-чего стоит, не так ли? Все ребята, что школу кончают, твердят одно: никто нас брать не хочет, потому что у нас опыта нет, а где нам было его получить-то? А мы нашей Кристине сказали: если тебе какая рекомендация понадобится, то надо только к миссис Грин зайти.

— Конечно. Ей достаточно только попросить меня об этом.

— Она ведь не хочет совсем от подработки отказываться, пока в Техничке учиться будет.

— Ну, разумеется, не стоит.

— Мы тут немного осмотрелись и поняли, что неплохо было бы ей устроиться в тот новый книжный магазин, что в Сэксфорд-Тай открылся. Она там могла бы по субботам подрабатывать.

Миссис Гиппинг говорила со спокойной убежденностью в своей правоте. Затем сделала последний глоток шерри-бренди, демонстрируя свое умение сколь угодно долго тянуть напиток даже из самого крошечного бокала, и заметила:

— А все-таки чересчур сладко! Хотя, конечно, грех жаловаться — ведь вино-то церковное.

После ухода миссис Гиппинг Флоренс вывела

автомобиль из гаража, устроенного в пустующем лодочном сарае рядом с офисом береговой охраны, и поехала в Сэксфорд-Тай. Припарковавшись на главной улице, она не спеша прогулялась по окутанному сумерками городку. Все оказалось полной правдой. И место для нового книжного магазина было выбрано удачное — рядом с «Уошфорд армз», самым прелестным из тамошних старинных зданий.

Магазин открылся совсем недавно и вряд ли мог служить причиной упадка в торговых делах самой Флоренс. Она позволила себе вспомнить кое-какие цифры из очередного «предварительного баланса», грозно маячившего на пороге ее сознания. Ей казалось, что стройные ряды этих цифр — различных сумм в фунтах, шиллингах и пенсах — напоминают полки неприятеля, грозящие ей со всех сторон. Итак: стоимость закупок — 95 фунтов 10 шиллингов 6 пенсов (чересчур много!); выручка от продажи (наличными) — 62 фунта 10 шиллингов 11¾ пенса; ее зарплата — 12 шиллингов 6 пенсов; общие расходы — 2 фунта 8 шиллингов 2 пенса; новых заказов — ноль; возврат товара — 2 фунта 17 шиллингов 6 пенсов; имеющиеся наличные деньги — 102 фунта 0 шиллингов; стоимость книг, хранящихся на складе

(скажем, на 31 июля), — примерно 600 фунтов; мелочь на сдачу, как обычно, несчитана. Похоже, и у отпускников в этом году лишних денег не было, или они воздерживались тратить их на покупку книг. А на будущий год, если они, проезжая через Сэксфорд, остановятся там и зайдут в новый книжный магазин, то для магазина в Хардборо денег у них и вовсе почти не останется.

Флоренс, конечно, никак не могла этого знать, но книжный магазин «Сэксфорд-Тай» возник при совсем иных обстоятельствах, чем ее собственный; он был создан благодаря щедрым инвестициям со стороны туповатого лорда Госфилда после того, как более года назад лорд решился все же выбраться из своего окруженного болотами замка и прибыть на прием в Имение миссис Гамар. С тех пор большинство знакомых лорда Госфилда решили, похоже, сдавать отдыхающим имевшиеся у них свободные коттеджи, и лорд, узнав об этом, тоже, хотя и не сразу, захотел получать подобную прибыль (ведь именно он был владельцем большей части домов в Сэксфорде); но на практике идея оказалась неосуществимой — никто и никогда не стремился провести отпуск в этом городишке, так что сдать пустующий коттедж в аренду на лето

здесь было попросту невозможно. Утонувший между силосными башнями и грудами корнеплодов, Сэксфорд-Тай славился по всему Саффолку полным отсутствием каких бы то ни было достопримечательностей; там не имелось даже ни одной живописной церквушки, на которую можно было бы полюбоваться. Впрочем, церковь в Сэксфорде когда-то была, но ее еще в 1925 году по беспечности сожгли дотла во время всенародного ликования по случаю принятия закона о субсидировании производителей сахарной свеклы, который буквально спас население города, уже отчасти впавшее в летаргический сон, от полного исчезновения. Впрочем, замку «Госфилд армз» повезло: поскольку при нем имелось два хороших каретных двора, то строительство нового шоссе превратило его в удобную стоянку для отдыха автомобилистов, следующих в Хардборо или Ярмут, а прилегающие к замку частные дома оказалось нетрудно переоборудовать в магазины. Вот тут-то лорд Госфилд и вспомнил, что Вайолет Гамар, которую он, между прочим, считал женщиной умной, что-то говорила насчет книжного магазина. Он осведомился у своего агента по недвижимости, насколько это может быть выгодно, а тот, обладая куда большим количеством

мозгов, чем его хозяин, вступил в сговор с пивоварами и владельцами пабов, и в итоге каждому, кто хотел бы удобно устроиться в их заведении да еще и воспользоваться новенькой сверкающей уборной, для начала непременно приходилось пройти мимо витрины нового книжного магазина, где была выставлена нарядная конская упряжь с бронзовыми накладками, пепельницы в форме клубня сахарной свеклы и такие романы, которые Флоренс никогда бы и в голову не пришло закупать для себя. И сейчас, в половине седьмого вечера, этот магазин был все еще открыт. Да и само место выглядело оживленным и куда более подходящим для Кристины.

* * *

— Мне будет тебя не хватать, Кристина. Скажи, что бы ты хотела получить в подарок?

— Только не одну из ваших книг. Не из тех, что здесь есть.

— Но тогда что же? Я завтра еду во Флинтмаркет. Как насчет нового кардигана?

— Мне бы лучше деньгами. — Кристина по-прежнему чувствовала себя обиженной и была настроена непримиримо. Казалось, она испытывает облегчение, только причиняя кому-то

боль. Она словно затаила злобу на всех, кто имел отношение к книгам и чтению, кто сделал непременным условием успеха умение писать идиотские маленькие сочинения и сразу угадывать, какой предмет, число или картинка лишние в перечне. Всех этих людей Кристина теперь ненавидела. И миссис Грин, которая вроде бы ее понимала и всегда говорила, что она сдаст экзамен не хуже других, оказалась такой же, как все прочие. И теперь она, Кристина, больше не намерена была как-то отличать этих людей одного от другого и вообще быть с ними любезной.

— Надеюсь, ты все же как-нибудь вечерком навестишь меня?

— У меня теперь просто времени на это не будет.

— Школьный автобус приезжает около пяти, не так ли? Я могла бы тебя там встретить.

— Ох, да зачем вам из-за меня напрягаться-то? Говорят, нехорошо напрягаться, когда тебе уже сорок стукнуло.

Что ж, возможно, она права, подумала Флоренс. Она и сама уже стала замечать за собой кое-какие странности, особенно в последнее время, — наверное, она и впрямь слишком много работает, а может, сказывается возраст или одинокое суще-

ствование. Например, получая письма, она часто ловила себя на том, что попусту тратит время, рассматривая почтовые штемпели и марки и пытаясь угадать, кто прислал то или иное письмо, вместо того чтобы вскрыть конверт и сразу все выяснить.

Впрочем, письма теперь приходили все реже, да и в целом деловая жизнь Флоренс начала мало-помалу затухать. Библиотеку, которая в итоге стала ее единственным постоянным, хотя и совсем скромным, источником дохода, теперь пришлось закрыть навсегда. А все потому, что в городе — впервые в истории Хардборо — появилась Публичная библиотека. Собственно, потребность в этом ощущалась уже давно, и сейчас, пожалуй, сложно было определить, кого именно следует поздравлять с тем, что наконец-то удалось «продавить» решение о библиотеке на Совете графства. Новая библиотека стала важным достижением — а также дополнительным удобством для отдыхающих. К счастью, вполне подходящие для этого здания в городе имелись. В итоге приобрели тот самый дом, где раньше был рыбный магазин Дибна.

«Постукач» теперь гораздо реже давал о себе знать, но однажды утром Флоренс нашла одну из

своих амбарных книг — она в последнее время особенно тщательно занималась бухгалтерией — валяющейся на полу; казалось, кто-то нервно ее перелистывал, а потом в ярости швырнул, раскрытую, оземь. Многие страницы оказались исчирканы какими-то каракулями и даже изорваны. В таком виде неловко было показывать свои записи Айви Уэлфорд, племяннице Джесси. Впрочем, Айви довольно холодно сообщила, что в ближайшем будущем Флоренс придется, видимо, договариваться с кем-то еще, потому что она, Айви, получила повышение по службе, а значит, у нее просто не будет времени еще и Флоренс оказывать помощь в бухгалтерских делах. Было ясно, что холодность ее тона связана с тем, насколько изменилось отношение к Флоренс тетки Айви, хозяйки ателье «Рода». Правда, под конец Айви несколько смягчилась. Собираясь уходить и проверяя, не оставила ли здесь чего, она сказала:

— Разумеется, в мои обязанности входила только проверка бухгалтерских книг, и я с профессиональной точки зрения поступила бы совершенно неправильно, если б стала давать вам еще какие-то советы…

— Раз вы считаете, что поступили бы неправильно, моя дорогая, — прервала ее Флоренс, — то

я, конечно же, и не должна вам этого позволять.

Молодая нахалка тщательно застегнула плащ и сказала:

— Ну что ж, тогда, пожалуй, и все. Надеюсь, я ничего из своего барахла у вас не оставила. Знаете, мой отец любил повторять: если уж вы оказались в чреве кита, вспомните об Ионе — он ведь вполне успешно сумел оттуда выбраться. А я спешу. Приглашена к тете на ужин в ателье «Рода».

Когда она ушла, Флоренс осталась наедине со своими мыслями и предчувствием крушения всех надежд. К счастью, ей было чем заняться: пора было начинать весеннюю уборку, а также требовалось составить список будущих закупок — эти списки скауты приноровились печатать для нее на ручном печатном станке. Чтобы переделать все эти дела, ей придется по утрам вставать на час, а то и на два раньше обычного. Флоренс с чувством стыда изучала ряды непроданных книг, терпеливо ждавших своих покупателей, когда рядом вдруг раздался голос Майлоу:

— Вы слишком много работаете, Флоренс.

— Я просто пыталась сосредоточиться… Положите эти книги на место, они только что получены, и я еще не успела их просмотреть и

внести в список. Конечно же, человек просто обречен на успех, если отдает своему делу все силы.

— Не понимаю, зачем нужно непременно отдавать все силы. Ведь в конечном итоге нам придется со своими силами расстаться. Умирать приходится всем. Хотя смерть вряд ли можно назвать успехом.

— Вы еще слишком молоды, чтобы рассуждать о смерти, — сказала Флоренс, чувствуя, что он ждет от нее именно этих слов.

— Возможно. Впрочем, я верю, что Кэтти, например, вполне может умереть. Она как раз тратит слишком много сил.

Три раза в неделю, подумала Флоренс. И вздохнула.

— Как она поживает?

— Не знаю. Она, собственно говоря, меня бросила. Уехала и теперь живет с одним типом в Уонтидже. Он в редакции Внешнего радиовещания работает. Это я вам по секрету сообщаю.

— По-моему, вы уже сообщили об этом «по секрету» каждому жителю Хардборо, лишь бы тот готов был вас слушать.

— Но к вам это имеет особое отношение. Ведь теперь у меня будет гораздо больше свободного

времени, и я мог бы вам помогать — разумеется, работая неполный день. Вам ведь, наверное, не хватает той малышки?

Но Флоренс не позволила застигнуть себя врасплох.

— Между прочим, Кристина многому здесь научилась, — сказала она. — И с покупателями обходилась весьма умело.

— Ну, у меня-то это куда лучше получится, — заявил Майлоу. — И она, между прочим, стукнула Вайолет Гамар линейкой. А я бы ни в коем случае этого делать не стал. Сколько вы можете мне платить?

— Кристине я платила двенадцать шиллингов шесть пенсов в неделю. Больше я в данный момент, безусловно, платить не в состоянии. — Она очень надеялась, что после такого заявления Майлоу наконец от нее отвяжется, хотя он ей, в общем, даже нравился. Впрочем, если на телестудии в Шепердс-Буш все такие, как он, у них вряд ли может хоть что-нибудь по-настоящему получиться. Они там, похоже, только и делают, что языками мелют, пытаясь в чем-то друг друга убедить.

— Если вас действительно интересует эта работа… — медленно проговорила она, думая о

том, что в магазине Мюллера таких, как Майлоу, обычно называли «пронырами», — ...то я буду рада. Можете приходить во второй половине дня. Надеюсь, через пару недель вы разберетесь, насколько вам это подходит. А если вам не нужны мои двенадцать шиллингов шесть пенсов, можете отдавать их в благотворительную организацию «Спасательная шлюпка» или просто класть в ящик для пожертвований возле офиса береговой охраны. Только, пожалуйста, не забывайте: я вас сюда работать не приглашала. Вы сами меня об этом попросили.

На очередном заседании парламента частный законопроект, внесенный на рассмотрение Палаты общин одним из членов оппозиционной фракции *Longwash Division*, прошел третье чтение и был передан в Палату лордов. Там он привлек еще меньше внимания. Очень немногие из представителей элиты, от имени которых, собственно, этот законопроект и выдвигался, потрудились ознакомиться хотя бы с одним-двумя из имеющихся в нем пунктов. Например, с тем, согласно которому старинные здания предлагалось сделать объектом принудительной продажи — несмотря даже на то, что в настоящий момент в них еще мог кто-то проживать, — если

в течение любого отрезка времени до этого они пустовали не менее пяти лет подряд. Составляя этот текст, племянник миссис Гамар заручился соответствующей поддержкой парламентских крючкотворов, и теперь, пожалуй, невозможно было бы с точностью определить, кто именно в ответе за тот или иной пункт предложенного законопроекта.

Все сочли, что со стороны молодого мистера Норта было весьма любезно предложить свою помощь хозяйке книжного магазина «Старый Дом», особенно если учесть, что дела у нее теперь пошли уже не так хорошо, как прежде. К сожалению, как только Флоренс уезжала во Флинтмаркет, чтобы узнать, не пришел ли очередной заказ, Майлоу моментально закрывал магазин, и сквозь витрину было видно, как он сидит там, удобно устроившись в кресле, выдвинутом в полосу солнечного света. Но разве можно было винить мистера Норта в том, что дела в магазине идут вяло? Сам-то он всегда что-нибудь читал — во всяком случае, на коленях у него всегда лежал либо раскрытый поэтический сборник, либо еще что-нибудь этакое.

Поскольку в таких случаях Майлоу забывал запереть заднюю дверь, Кристина не только

запросто проникла в магазин, но и, бесшумно ступая, подошла к Майлоу почти вплотную и остановилась прямо у него перед носом. Только тогда он наконец заметил ее, одетую в новый школьный блейзер, и провозгласил:

— Пролейся ливень на твою любовь! О, жжет она нещадно! И пусть хоть на одну лишь эту ночь или на ту, что будет завтра, сюда придет Садовник в белом и соберет умершие цветы, моя Кристина.

— Вы язык-то попридержите, мистер Норт, — сказала она.

— Это вас в новой школе таким выражениям учат?

Кристина сильно покраснела, но не смутилась:

— Я пришла не для того, чтоб вы мне тут голову морочили.

А пришла она, потому что ей все еще было немного неловко перед Флоренс. Она даже слегка расстроилась, когда не застала ее. С одной стороны, Кристина хотела немного развеселить и приободрить свою бывшую хозяйку, а с другой — дать ей понять, что она, Кристина, больше уж ни за какие деньги в ее книжный магазин не вернется. Ну и потом, ей не терпелось продемонстрировать Флоренс новый кардиган, купленный на подаренные деньги. Кардиган был с застеж-

кой «под горлышко» — совсем не такой, как те, старомодные.

— Почему ты больше не помогаешь миссис Грин? — спросил Майлоу. — Она по тебе скучает.

— Ну, зато теперь она вас заполучила, не так ли, мистер Норт? Хотя вы то приходите, то уходите…

Кристина явно колебалась: с одной стороны, ни о чем не хотела его расспрашивать, а с другой — оказалась просто не в силах сдерживаться.

— Они говорят, что не позволят ей больше этот магазин держать! — выпалила она.

— Кто «они»?

— Они хотят использовать Старый Дом для чего-то там еще — не знаю уж, что они придумали!

— А ты-то, моя дорогая, почему против?

— Они говорят, что нечего ей так за него цепляться, потому что они все равно ее отсюда прогонят. И это дело будет разбирать суд графства. И ей там придется поклясться, что она будет говорить только правду и ничего, кроме правды.

— Надо надеяться, что до этого не дойдет.

Но Кристине все еще было мало. И, дабы окончательно восстановить свои прежние права, она с хозяйским видом прошлась по магазину, вытирая пыль то тут, то там — ворча, естественно, что тряпка для пыли, как всегда, нуждается в стир-

ке, — и с неким новым узнаванием поглядывая на своих старых знакомцев, стоявших на полках.

— А этому уж вовсе не место рядом со всякой *ерундой в бумажных обложках,* — сказала она, с трудом поднимая два тома «Краткого оксфордского словаря» и ставя их на нужную полку.

— Никто пока не выразил желания этот словарь купить.

— Ну и что? Это же не какая-нибудь *ерунда.* Это все-таки важные книги.

Но делать ей в магазине было, собственно, нечего. Теперь там даже под конец дня редко требовалось дополнительно наводить порядок.

— Не понимаю, что плохого в этом магазине, — снова завела светскую беседу Кристина. — Тут, правда, ужасно сыро, и никогда не знаешь, не начнет ли «постукач» безобразничать…

— Ничего плохого в этом магазине, конечно же, нет и быть не может, иначе и меня бы тут не было, — сказал Майлоу.

— И сколько же времени вы, в таком случае, собираетесь здесь оставаться?

— Не знаю. Вполне возможно, у меня просто не хватит сил, чтобы надолго тут задержаться.

— Да сил у вас не хватит, наверно, даже на то, чтобы просто встать и уйти, — заявила Кристина,

глядя на сидевшего в кресле Майлоу со странной смесью презрения и восхищения. Вот было бы хорошо, думала она, если бы этому типу выделили кусок земли и велели его обрабатывать — пусть даже там поместилось бы всего две грядки редиски! — А у меня, например, когда я здесь работала, минутки свободной не было, чтобы хоть просто присесть.

— Не сомневаюсь. Тебя ведь следует относить либо к детям, либо к женщинам. А ни дети, ни женщины совершенно не умеют ни расслабляться, ни отдыхать.

— Вы язык-то попридержите, — снова буркнула Кристина.

Глава десятая

Лето в 1960 году выдалось просто чудесное, однако осенние холода наступили слишком рано. Уже в начале октября Рэвен стал всем рассказывать, что скот мерзнет и простужается. По утрам густой белый туман стлался над землей, и коровы скрывались в нем по колено, отчего казалось, будто они плывут над лугом и над туманом, неторопливо поворачивая крупные головы с большими ушами, похожими на приспущенные флаги, в сторону каждого случайного прохожего.

Туман не поднимался раньше полудня, а уже к четырем часам наползал снова. Со стороны мистера Брандиша было бы сущим безумием выйти из дома в такую погоду, и все же он у себя в Холт-хаусе исключительно по собственной инициативе готовился к некоему важному визиту. Действовал он неспешно и в четверть одиннадцатого выглядел настоящим завсегдатаем парижских Больших бульваров: в элегантном пальто с меховым воротником и сером хомбур-

ге[35], тулья которого была, правда, несколько выше, чем предписывала современная мода. В такие холода уроженцы Хардборо обычно до самого носа кутались в теплые шерстяные шарфы, и мистер Брандиш тоже надел такой шарф, а также взял одну из своих многочисленных тростей, поджидавших в холле.

В потоках ползущего тумана виднелись только шляпа мистера Брандиша и три четверти его туловища, но все же можно было заметить, что он часто останавливается, слегка наклоняясь вперед, и жадно хватает ртом воздух, а потом возобновляет свое неторопливое продвижение по улицам Роупуок, Шипуок и Энсон. Люди, следившие за ним из окон домов, сперва решили, что он держит путь либо к доктору, либо, что выглядело еще более тревожным, в церковь, поскольку церковь мистер Брандиш не посещал уже много лет. Впоследствии все сошлись во мнении, что выглядел он очень бледным и был явно чем-то расстроен, а может, просто нездоров; впрочем, он, безусловно, производил впечатление чело-

[35] Сноски: 35

Мужская фетровая шляпа с узкими, немного загнутыми полями и продольной вмятиной на мягкой тулье; название происходит от немецкого города Бад-Хомбург, где впервые (XIX в.) было налажено производство таких головных уборов.

века абсолютно здравомыслящего и умеющего держать себя в руках.

Но если мистер Брандиш шел не к доктору и не в церковь, то целью его похода могло быть только Имение. Трудно или даже невозможно было представить, что он сумеет подняться на такое высокое крыльцо, однако же он вполне успешно — хоть и не без труда — преодолел все ступеньки и, став наконец видимым во весь рост, нажал кнопку звонка.

Миссис Гамар в этот момент как раз записывала в своем дневнике: «Среда. Погода мерзкая даже для октября. Моя гортензия гибнет от милдью». Услышав звонок, она вскочила, легко прервав начатое занятие, однако не сразу сумела осознать, *кто* к ней пожаловал. И когда мистер Брандиш уже стоял перед нею, она некоторое время молчала, не веря собственным глазам и испытывая примерно те же чувства, что и остальные жители Хардборо, следившие за продвижением старика от самого Холт-хауса. Молодая местная девица, помогавшая в Имении с уборкой и стиркой и впустившая мистера Брандиша в дом, так и осталась стоять на пороге с раскрытым от изумления ртом, словно увидела ходящее дерево.

Миссис Гамар всегда стремилась завоевать бла-

госклонность этого старого зануды; для нее это означало бы выход в новое измерение, дающее возможность соприкоснуться одновременно и со славным прошлым Саффолка, и с его настоящим, таким молчаливым и настороженным. Но, хоть сама она с первых месяцев жизни в Хардборо постоянно приглашала мистера Брандиша к себе, он на все приглашения неизменно отвечал отказом, ссылаясь на плохое самочувствие. Однако в Холт-хаусе, несомненно, время от времени устраивались небольшие сборища, и прибывшие на эти сборища гости даже оставались там ночевать; это были в основном старинные друзья мистера Брандиша, извлеченные, казалось, из самых укромных уголков Восточной Англии. Это, по всей видимости, были исключительно мужчины; хотя в городе ходили слухи — впрочем, миссис Гамар этим слухам не верила, — что в Холт-хаус была приглашена к чаю миссис Грин, тогда как даже муж миссис Гамар ни разу в число приглашенных не попал. Однако сам генерал Гамар с искренностью и прямотой настоящего мужчины упорно повторял, что старый мистер Брандиш — человек в высшей степени достойный, и миссис Гамар после подобных неуместных высказываний супруга всегда надолго погружа-

лась в скорбное молчание.

И вот мистер Брандиш неожиданно явился к ней сам. И даже не подумал принести извинения по поводу столь неожиданного визита; впрочем, в его времена для визита в одиннадцать утра никаких извинений и не требовалось. Войдя в дом, мистер Брандиш, не пытаясь скрыть собственную слабость и не желая притворяться, будто ему хочется немного задержаться в холле, дабы восхититься его пропорциями, сразу ринулся к лестнице и буквально повис на перилах, пытаясь отдышаться. Трость выпала у него из рук и со стуком покатилась по сверкающему полу.

— Не беспокойтесь. Я потом свою клюку отыщу, — с трудом вымолвил он. — К счастью, мне удалось сохранить почти все физические и умственные способности.

Вышедшая гостю навстречу миссис Гамар сразу решила, что лучше всего провести его прямо в гостиную, широкие французские окна которой смотрели на море, тоже окутанное туманом. Едва они успели усесться, как мистер Брандиш, ни словом более не намекая на плохое самочувствие, сразу перешел к сути своего визита:

— Я пришел, чтобы кое о чем вас спросить. Я понимаю, так делать не принято и это вообще не

слишком прилично, но просто не представляю себе, как я мог бы сделать это более приличным образом. Впрочем, если вы не хотите, чтобы я задавал вам какие-то вопросы, то должны сразу же мне об этом сказать. Я мог бы, разумеется, поговорить и с вашим мужем.

Но эту идею миссис Гамар отвергла сразу; она давно привыкла к тому, что для подобных дел ее муж совершенно не пригоден. Между тем ее гость вдруг утратил всю свою решительность и как-то странно притих. Он довольно долго сидел с закрытыми глазами, и лицо его постепенно приобретало странный синевато-серый оттенок, словно выбеленное морем. Затем он вновь ожил и сразу продолжил беседу, заметив мимоходом:

— Странное все-таки это дело — обмороки. Невозможно понять, правильно ты вел себя или неправильно, перед тем, как все для тебя вдруг кончилось. Самого последнего мгновения все равно вспомнить никогда невозможно. — И он громко сказал, обращаясь к хозяйке дома: — Вы бы лучше предложили мне что-нибудь выпить. — А затем почти тем же тоном прибавил, но на этот раз явно обращаясь к самому себе: — Не откажет же мне эта сука в бокале бренди!

Миссис Гамар с сомнением посмотрела на

поразительного старца. Если у него какой-то опасный приступ, достаточно позвонить врачу, и его увезут. И после этого он, разумеется, будет перед ней в долгу, ибо именно такие чувства должен испытывать человек, которому в чужом доме внезапно стало плохо, так что хозяева были вынуждены отправить его в больницу. Впрочем, мистер Брандиш — как она не без оснований догадывалась — подобных долгов, скорее всего, не признает. И все-таки зачем он явился к ней сегодня, с таким трудом преодолев расстояние от Холт-хауса до Имения, да еще и в такую погоду? Неужели только для того, чтобы говорить о своем нездоровье? Вряд ли. Пожалуй, ему все-таки захотелось как-то искупить ту близорукость по отношению к их семейству, которую он лет пятнадцать сознательно демонстрировал. Нет, решила она, ничего стимулирующего предлагать ему не стоит.

— Не угодно ли выпить кофе? — спросила она.

— Да эта женщина просто отравить меня хочет! — воскликнул Брандиш. Потом сказал: — Не беспокойтесь, сейчас все пройдет. — Пальцы его то сжимались, то разжимались, словно пытаясь вцепиться в воздух, но даже в этих беспомощных старческих движениях сквозило врожденное

благородство. Наконец, собравшись с силами, он заявил: — Я хочу, чтобы вы оставили Флоренс Грин в покое.

Миссис Гамар была потрясена.

— Так это она вас попросила сюда прийти?

— Вовсе нет. Она — самая обыкновенная женщина, причем уже не молодая, которая хочет иметь книжный магазин.

— Если у миссис Грин есть какие-то причины для жалоб, — сказала миссис Гамар, — то она, я полагаю, могла бы нанять адвоката. Впрочем, она, как мне кажется, склонна менять своих советчиков в области юриспруденции.

— Почему вам так хочется выгнать ее из этого дома? Я сам живу в очень старом доме и знаю, до чего неудобны такие жилища. В ее книжном магазине постоянно гуляют сквозняки, а сам дом невозможно заложить вторично, и к тому же там, похоже, водятся привидения.

Такт и хорошее воспитание к этому времени уже успели прийти миссис Гамар на помощь, и она спросила:

— А вам не приходило в голову, как человеку, которого, по всей вероятности, заботит благополучие нашего города и его историческое наследие, что такое старинное здание, безуслов-

но представляющее научный и туристический интерес, можно было использовать и получше?

Это был неверный ход. Мистера Брандиша совершенно не заботило благополучие и историческое наследие Хардборо. Он — в определенном смысле — *сам был* Хардборо; ему никогда и в голову не приходило, заботит ли его благополучие этого города.

— Старость далеко не всегда должна вызывать исторический интерес, — сказал он. — Иначе мы с вами оба были бы куда более интересны нашему обществу.

Теперь миссис Гамар окончательно стало ясно: ее гость определенно ведет беседу в соответствии с собственными правилами, которые ей не известны, и, стало быть, ей нужна иная форма защиты.

— Я еще раз повторяю: я хочу, чтобы вы оставили моего друга Флоренс Грин в покое! — выкрикнул вдруг мистер Брандиш. — В покое!

— Видите ли, насколько я знаю, ваш друг Флоренс Грин серьезно нарушила закон. И, по-моему, даже не один раз. Если это действительно так, то я, разумеется, ничего к этому прибавить не могу. И если она будет продолжать в том же духе, тут уж придется вмешаться закону.

— Я не знаю, не тот ли закон вы имеете в виду, которого еще год назад не существовало и который ухитрился проползти сквозь все слушания, стоило нам отвернуться? Да-да, я имею в виду постановление насчет принудительной продажи домов. Впрочем, его можно назвать и законом о принудительном лишении имущества. Во всяком случае, так было бы более справедливо. Это ведь вы заставили своего драгоценного племянника выдвинуть «собственный» *частный законопроект?*[36]

Миссис Гамар не стала унижаться и делать вид, будто не понимает, о чем идет речь.

— Да, законопроект, выдвинутый моим племянником, вполне может коснуться этого книжного магазина, поскольку в нем говорится о старинных домах, которые не использовались для проживания более пяти лет подряд. Что, безусловно, относится и к Старому Дому. — Интересно, думала она, откуда ему все это известно? Такое ощущение, словно старика питают информацией невидимые подземные корни, так что

[36] Сноски: 36

Private Bill — частный законопроект, касающийся отдельных физических или юридических лиц; носит характер административного акта, имеющего местное значение, и рассматривается в специально отведенное время («время для частных дел»).

ему не нужно ни выходить из Холт-хауса, ни с кем-либо видеться. — Знаете, мистер Брандиш, подобные казусы изучает прямо-таки невероятное количество облеченных властью людей, и, пожалуй, простые смертные вроде меня… — она поколебалась, — …и вас не способны даже сразу разобраться, с чего начать. Я принимаю участие в работе суда, имею немалый опыт общественной работы, но даже я, окажись я в такой ситуации, совершенно растерялась бы. И вряд ли сумела бы сразу найти того человека, к которому мне следовало бы обратиться письменно.

— Зато я, мадам, прекрасно знаю, к кому мне следует обратиться письменно. И если бы я не счел своей обязанностью это выяснить, то всего за несколько последних лет потерял бы не одну сотню акров моих болот, а также немалое количество пахотной земли и две водяные мельницы. Позвольте вам сообщить, что покупателем Старого Дома придется стать городскому совету Флинтмаркета, и осуществлять эту покупку они будут в соответствии, во-первых, с законом 1946 года о процедуре приобретения особо ценного земельного владения, во-вторых, с законом 1957 года о жилищных владениях, а также с тем абсурдным законопроектом, который выдвинут

вашим племянником. Если до сих пор никаких шагов в этом отношении предпринято не было, мы можем общими усилиями оказать им противодействие. Если же от них придет уведомление о том, что они желали бы вступить в переговоры, мы должны будем попросить об особом рассмотрении этого частного вопроса в присутствии государственного инспектора.

Значение этого «мы» Вайолет Гамар поняла мгновенно и безошибочно. Ей предлагалась сделка, точнее, некое сотрудничество между Холт-хаусом и Имением, и в качестве возвратной услуги от нее требовалось то, что на самом деле она была не в силах осуществить. Но какое это имело значение? Она постарается выиграть время. А мистер Брандиш будет вынужден снова ее посетить и снова попытаться воздействовать на нее с помощью убеждений; потом уже ей будет нужно его навестить, чтобы обсудить кое-какие детали… Он, конечно же, отнюдь не идеально себя контролирует, память наверняка его подводит, так что он успеет подзабыть, о чем они говорили в прошлый раз, и в итоге их визиты друг к другу станут регулярными. Таким образом, ей, не потратив ни капли усилий, удастся существенно выиграть. А пока, пожалуй, не стоит обещать ему

слишком много; так будет разумнее.

— Мы, конечно, могли бы подумать о том, как проще осуществить подобный шаг, если до этого действительно дойдет. Но, как вам известно, есть немало различных помещений, сдающихся внаем и вполне подходящих для магазина. И не только в Хардборо, но и в более крупных городах.

— Но я ведь говорю совсем не об этом! И вы не должны уводить разговор в сторону от поднятой мною темы! Мне было так трудно добраться сюда в такую погоду! — И он снова невольно пробормотал себе под нос: — То ли эта женщина попросту глупа, то ли она замышляет недоброе.

— Мне очень жаль, но я больше ничего сделать не в силах.

— Это, видимо, следует понимать так: вы ничего делать и не собираетесь?

Именно это она и имела в виду. Именно так и намеревалась поступить. Ей необходимо было восстановить прежнее положение вещей, и тут не помогли бы ни увертки, ни откровенность: старик видел ее насквозь. С одной стороны, этих ужасных старцев довольно легко растрогать, думала миссис Гамар, но, с другой стороны, есть в них что-то такое, что ей никогда даже в голову

не приходило подвергать сомнению. И она повернулась к мистеру Брандишу с очаровательной улыбкой, от которой сразу потеплели ее яркие темные глаза; с помощью этой улыбки ей не раз удавалось тронуть души многих людей, куда более важных, чем он.

— Но вы не должны так говорить со мной, мистер Брандиш. Вы, по-моему, просто не осознаете, что говорите. Вы, должно быть, сочли меня слишком жестокой. Я права?

Мистер Брандиш, казалось, осторожно ворочал в мозгу ее слова, словно это были не слова, а камни, в истинной ценности которых он еще должен убедиться.

— Я в данный момент не могу ответить ни «да», ни «нет». Ваши слова об излишней жестокости должны, насколько я понимаю, означать, что вы проявили неожиданную агрессивность. И вы, безусловно, были агрессивны, миссис Гамар, хотя именно этого я от вас и ожидал.

Мистер Брандиш с трудом поднялся, опираясь на различные предметы мебели — причем далеко не все они оказались способны вынести его вес, — отыскал свою шляпу и покинул Имение. К этому времени туман почти рассеялся, и многие жители Хардборо видели собственными глазами,

как мистер Брандиш, переходя через улицу, вдруг будто споткнулся, потом упал и умер.

Местные торговцы, проконсультировавшись с ассоциацией торгово-промышленных кругов Флинтмаркета, решили в день похорон старого мистера Брандиша свои магазины не закрывать. Тем более что похороны должны были состояться в ярмарочный день, когда возможность дополнительной выручки особенно высока.

— Я тоже закрываться не собираюсь, — сказала Флоренс Рэвену, который иногда исполнял еще и обязанности могильщика. Его это удивило; он считал, что Флоренс имеет полное право присутствовать и на церковной церемонии, и на похоронах, поскольку она была куда ближе знакома с покойным, чем большинство тех, кто там наверняка окажется. Рэвен был прав, но Флоренс не смогла бы объяснить ему, что сейчас ей больше всего хотелось побыть в одиночестве и вспомнить своего странного корреспондента и защитника. А также попытаться понять: какая сверхъестественная причина заставила мистера Брандиша в тот день надеть шляпу, взять трость и потащиться через эту проклятую площадь?

Его похоронили в каменистой земле церковного двора, где покоились все погибшие и

утонувшие в море жители Саффолка — юные одиннадцатилетние гардемарины, которых поглотило море, пропавшие без вести рыбаки. Весь верхний северо-восточный угол кладбища занимала фамильная усыпальница Брандишей, славившихся своей преданностью этим землям. Как ни странно, в день похорон Хардборо, сгорбившийся, скукожившийся, опустившийся, кажется, даже ниже уровня собственных болот, вдруг словно превратился в центр всеобщего притяжения. Кто бы мог подумать, что у старого мистера Брандиша было столько знакомых и родственников! А сколько народу понаехало из Лондона! Он вроде бы оказался даже членом Королевского общества[37]. Ну, вот как такое могло быть? Все пабы города испросили позволения продлить работу; а в Имении для огромного количества прибывших на похороны людей приготовили холодный ланч; и люди с удовольствием закусывали, разговаривали и даже смеялись, но потом, словно спохватившись, смущенно старались как-то приглушить смех и

[37] Сноски: 37

Королевское общество (*Royal Society)* — ведущий научный центр, выполняющий функции национальной академии наук; самое старое научное общество Великобритании, учрежденное в 1660 г.; членство в этом обществе (*fellowship*) считается наиболее почетным званием для ученого.

попросту не знали, куда себя деть. Было известно, что старик умер не у себя дома, и мистер Друэри начал длительное расследование, в результате которого наследникам предстояло распорядиться следующим имуществом: особняком Холт-хаус, болотами, водяными мельницами, а также 2705 фунтами 13 шиллингами 7 пенсами, которые остались на текущем счету мистера Брандиша.

В церкви еще продолжалась служба, и Флоренс, не ожидая никаких покупателей, медленно крутила ручку кассового аппарата, когда в магазин неожиданно вошел генерал Гамар. Некоторое время он постоял в дверях, застилая свет, затем, очевидно отдав самому себе некий приказ, сделал три шага вперед. Сперва Флоренс решила, что на этом все и закончится. Генерал, продолжая хранить молчание, увлеченно перелистывал страницы «Нодди»[38]. Но Флоренс Грин отнюдь не собиралась ему помогать. Он не появлялся у нее в магазине уже несколько месяцев, и она догадывалась, что ему это было попросту запрещено. Потом она все же смягчилась, понимая, что прийти он мог, только повинуясь некому доброму порыву, а доброту она, в конце концов,

[38] Сноски: 38

Серия книг английской детской писательницы Энид Блайтон (1897–1968) о гномике Нодди.

ценила превыше всего.

— Вы ведь не за книгой сюда пришли, верно?

— Ну, не совсем… Мне просто хотелось сказать вам, что от нас ушел очень хороший человек. — Генерал умолк, потом откашлялся и, поскольку ничего больше в голову ему не приходило, хрипло прибавил: — Мне кажется, вы неплохо знали Эдмунда Брандиша.

— И мне иногда так кажется, но, с другой стороны, если честно, беседовать с ним по-настоящему мне довелось всего лишь раз в жизни, когда он пригласил меня на чай.

— Ну а я и вовсе ни разу с ним не беседовал. Во время войны он был, конечно, в первых рядах, но не в Саффолке; он, по-моему, служил в RFC[39] — ему хотелось летать. Странно, правда?

Теперь Генерал, по-видимому, чувствовал себя гораздо свободнее, поскольку самая неприятная часть разговора — соболезнования — осталась позади.

— А еще очень странно, что в *тот самый день* он с утра явился к нам с визитом.

— Он, наверное, с вашей женой поговорить

---

[39] Сноски: 39

Royal Flying Corps — авиация сухопутных войск. В 1918 г. в результате ее слияния с авиацией военно-морских сил (*RNAS*) были образованы военно-воздушные силы Великобритании (*Royal Air Force*).

хотел.

— Да, вы совершенно правы. Вайолет мне все потом рассказала. Он, по-моему, не пожалел сил и дошел до нас только для того, чтобы поздравить ее с великолепной идеей — ну, я имею в виду ее идею насчет этого культурного центра. К сожалению, сам я с ним переговорить тогда не сумел. Должен сказать, я никогда бы не подумал, что его так интересует наше искусство, но… в общем, что ж, ничего не поделаешь… Умер хороший человек. И всего на двенадцать лет меня старше. Знаете, мне иногда кажется, любой из нас может вот так вдруг упасть и умереть.

Похоже, его уже ничем не остановишь, подумала Флоренс, он так и будет без конца рассуждать на одну и ту же тему, и она решила прибегнуть к крайней мере:

— А вы не опоздаете на ланч, генерал Гамар? — сказала она, прекрасно зная, *как* к этому ланчу готовились в Имении. Ну а хозяин там, естественно, понадобится, чтобы откупоривать бутылки.

Испытывая одновременно и облегчение, и разочарование и сознавая, что ему не хватило такта достойно завершить беседу, Генерал поспешно откланялся и удалился.

Примерно через месяц после этого Старый Дом

был реквизирован в соответствии с новым парламентским законом. Поскольку один из пунктов закона гласил, что если на одном участке земли имеются два старинных «необитаемых здания одного года постройки», а стало быть, одно из них может быть оставлено проживающим в нем людям, то вместо Старого Дома могли бы «изъять» пресловутый устричный сарай, который Флоренс, к сожалению, сама уже приказала снести. И хотя почти целый год до этого Уилкинс никак не мог толком даже начать разборку сарая, то теперь, как ни странно, эта работа стала продвигаться ускоренными темпами.

В отделанную бронзой щель почтового ящика, по-прежнему висевшего на дверях книжного магазина, прямо-таки дождем стали сыпаться разнообразные послания. Почтальон даже извинялся, что приносит их в таком количестве. В одном из них муниципалитет Флинтмаркета уведомлял Флоренс Мэри Грин о следующем: «…На основании закона от 1959 года, а также отдельных положений тех законов, которые полностью или частично вошли в вышеупомянутый закон, нами было испрошено разрешение купить и взять под контроль и на полное обеспечение земли или иные унаследованные владения, пе-

речисленные в прилагаемом списке и указанные на прилагаемом плане (впрочем, и список и план приложить забыли) и отмеченные розовым, а также шахты и полезные ископаемые, имеющиеся на данной территории, за исключением каменного угля, и, соответственно, мы хотели бы заключить договор с Вами и с каждым из членов Вашей семьи относительно покупки упомянутых земель, а также той компенсации, которая должны быть выплачена Вам и каждому из членов Вашей семьи в связи со сменой владельца данных земель, полностью санкционированной правительством, о чем было сказано выше».

Читая это, Флоренс подумала, что вот сейчас бы самое время полтергейсту и проявиться, но «постукач» упорно молчал; она, пожалуй, уже и скучать по нему начала.

Почти полный текст данного послания появился также в газетах «Флинтмаркет таймс», «Кингзгрейв таймс» и «Хардборо таймс». Бедная Флоренс чувствовала себя объявленной в розыск преступницей, и ей уже отнюдь *не казалось*, что на улице старые знакомые стараются обойти ее стороной. Да и покупатели, войдя в магазин, удивленно восклицали: «О, а я, по-моему, где-то читал, что вы давно уже закрылись!» Ну а мистер

Торнтон, мистер Друэри, мистер Кибл, а также их жены больше в магазин даже не заглядывали, словно боясь подцепить заразу.

Однако Флоренс ко всему этому отнеслась гораздо спокойнее, чем ожидала. Она, конечно, потерпела поражение, но, когда ты смертельно устал, поражение уже не является столь нежелательным. Компенсации должно было бы хватить на то, чтобы выплатить взятый в банке кредит и внести депозит за аренду нового помещения — возможно, где-то совсем в другом месте. Она решила, что, пожалуй, стоило бы даже радоваться подобным переменам. В конце концов, думала она, и мистеру Брандишу идея создания культурного центра не показалась такой уж плохой. Хотя об этом ей по какой-то причине думать было особенно неприятно; даже более неприятно, чем о том, что с ней «хотели бы заключить договор… относительно покупки упомянутых земель».

Тем временем Рэвен в пабе «Якорь» громогласно вопрошал: откуда, интересно знать, у муниципалитета Флинтмаркета деньги, чтобы выкупить у миссис Грин Старый Дом? Ведь у них, судя по их собственным заявлениям, никогда и пенни лишнего не было; Флинтмаркет так и не смог себе позволить даже собственные болота

осушить. Однако городской региональный совет Флинтмаркета, уподобляясь всем прочим государственным и общественным организациям, абсолютно не желал обсуждать свои финансовые дела «с кем попало». Впрочем, глава тамошнего комитета по культуре в своем выступлении отметил, что ему «греет сердце», если в особо трудной ситуации, когда действительно что-то очень нужно, находится «благородный жертвователь», благодаря которому и «становится возможным очередной шаг вперед».

Адвокаты Флоренс во Флинтмаркете сперва пришли в страшное возбуждение — ведь это было одно из первых дел в рамках только что принятого закона — и стали убеждать ее подать встречный иск или просьбу о процедуре *certiorari*[40].

— А что, собственно, это нам даст? — спросила Флоренс.

— Ну, на самом деле никаких законных оснований сомневаться в этом административном решении нет, но считается, что общественность может повлиять на изменение решения на осно-

[40] Сноски: 40

Исковое заявление, исходящее из более высокой судебной инстанции, с просьбой прислать для дальнейшего рассмотрения и оценки протокол ведения заседания в более низкой судебной инстанции.

вании *естественного правосудия*.

— Что такое «естественное правосудие»? — спросила Флоренс.

Но адвокаты, выяснив, как мало у их клиентки денег, решили отказаться от процедуры *certiorari* и стали обсуждать тему компенсации, перспективы которой они, как и все прочие советники Флоренс, воспринимали довольно мрачно. На Флоренс они теперь поглядывали почти враждебно, заявляя, что в данном случае не может быть и речи о каких бы то ни было скидках в связи с порчей или амортизацией товара, поскольку книги, согласно закону, считаются «не теряющими свою стоимость при перемещении», как, скажем, и скобяные товары. Компенсации за обслуживание магазина также требовать было нельзя, поскольку это «единоличный бизнес». Мистер Торнтон, пожалуй, пошутил бы насчет «единоличного *женского* бизнеса», но адвокатам из Флинтмаркета было не до шуток. Так что оставался только иск о компенсации стоимости самого Старого Дома.

Но через несколько недель, когда Флоренс в очередной раз позвонила в адвокатскую контору, они заговорили уже о разнообразных препятствиях и отсрочках в удовлетворении этого

иска. Собственно, они хотели дать Флоренс понять — хотя довольно долго и не желали этого признавать, — что она и за дом вряд ли хоть что-то получит. Согласно многочисленным законам, связанным с планированием городской и сельской местности, если влажность в доме превышает все допустимые для проживания людей нормы, а само здание к тому же «грозит обрушением», то любые требования о компенсации становятся невозможны.

— Но Старый Дом благополучно простоял несколько столетий и даже не думает «грозить обрушением». И потом, я ведь в нем живу, я все еще живой человек, и там вовсе не так уж сыро, а летом и к середине зимы дом и вовсе совершенно просыхает. А как, кстати сказать, насчет стоимости самого земельного участка?

Однако адвокат — он называл тот участок земли, на котором стоит Старый Дом, «очищенным от построек», словно самого дома там давно уже нет, — заявил:

— Участок можно оценивать только в том случае, если дом действительно стоит *на земле*, однако тщательное обследование подвалов показало, что этот дом стоит *в воде* глубиной в полдюйма.

— Какое обследование подвалов? Меня даже не извещали о необходимости подобного обследования.

— По всей видимости, подвалы были осмотрены в тот день, когда вас в магазине не было; совет города поручил сделать это мистеру Гиппингу, опытному каменщику и штукатуру; он же произвел оценку состояния стен дома и его подвалов.

— Джону Гиппингу?!

— Мы, разумеется, полагаем, что этот господин проник в дом мирным путем?

— О да, конечно. К насилию он совершенно не склонен. Но вот что мне хотелось бы знать: кто его туда впустил?

— Как? Естественно, ваш помощник, мистер Майлоу Норт. Во всяком случае, считается, что он действовал в качестве вашего помощника и в соответствии с вашими указаниями. Вы имеете по этому поводу какие-то возражения?

— Нет. Я даже рада, что Гиппинг получил хоть какую-то работу. Ему в последнее время нелегко было ее найти.

— Однако вот что ставит всех нас в весьма щекотливое положение: мистер Норт дал показания под присягой, что невыносимая влажность, царящая в вашем доме, повлияла на состояние его

здоровья и теперь он не может выполнять свою обычную работу.

— Почему вы так поступили? — спросила Флоренс у Майлоу. — Вас кто-то попросил это сделать?

— Да, меня действительно не раз об этом просили, и мне показалось, что поступить так проще всего.

В магазине Майлоу уже некоторое время не появлялся и ей больше не помогал; она случайно встретилась с ним на муниципальном лугу. Он, впрочем, не сделал ни малейшей попытки уклониться от встречи. Мало того, он даже попытался быть полезным, сказав, что если Флоренс все еще нужен помощник, то Кристина теперь вполне свободна, поскольку, не успев отучиться в Техничке и половины триместра, была отстранена от занятий классным наставником. Майлоу заверил, что подробностей он не знает, а Флоренс его и не расспрашивала.

Собственно, больше почти ничего в сложившейся ситуации она поделать не могла. Управляющий банком, немного смущаясь, попросил ее как можно скорее с ним встретиться «в любое удобное для нее время». Ему хотелось знать, правда ли то, что он слышал — что она якобы не имеет

никакого законного права на компенсацию, — и как же в таком случае она намерена выплачивать банковский кредит.

— Я надеялась снова начать тот же бизнес, — сказала Флоренс. — Мне кажется, я бы смогла.

— Я бы не советовал вам вновь заниматься мелким бизнесом. Нет, просто смешно, как многие воспринимают банк — ну, просто как благотворительную организацию! Но у каждого наступает день расплаты, и тогда любой должен быть доволен, если может считать, что завершил все свои дела. У вас, впрочем, имеется определенный запас непроданных книг. Если их ликвидировать, то нам, вполне возможно, еще удастся найти выход из этого затруднительного положения.

— Вы хотите, чтобы я продала свои книги?

— Да — чтобы выплатить кредит. И не только книги, но и ваш автомобиль. Боюсь, это будет абсолютно необходимо.

Флоренс, таким образом, осталась и без магазина, и без книг. Ей, правда, удалось сохранить два тома учебного издания «Эвримен» — они никогда особенно хорошо не продавались. Один

том был *Unto this Last* Раскина[41], второй — *Grace Abounding*[42] Буньяна. И в каждом лежала закладка со старинным высказыванием: «Я буду рядом с тобой, коли у тебя возникнет нужда в верном спутнике и провожатом»; а в книге Раскина был кем-то забыт стебелек горечавки, совсем высохший и ставший от времени совершенно бесцветным. Наверное, полсотни лет назад весной эту книгу кто-то читал в горах Швейцарии.

И вот зимой 1960 года, отослав вперед весь наиболее тяжелый багаж, Флоренс Грин села на автобус, следующий во Флинтмаркет через Сэкс-форд-Тай и Кингзгрейв. Чемоданы к автобусной остановке ей подвез на своем велосипеде Уолли. Поля, раскинувшиеся по обе стороны от шоссе и опять залитые водой, были похожи на сверкающие под солнцем озера. Во Флинтмаркете Флоренс села на поезд, отправлявшийся в 10.46

---

[41] Сноски: 41

Это эссе по экономике Джона Раскина (1819–1900) — английского писателя, критика и общественного деятеля — оказало большое влияние на М. Ганди.

[42] Сноски: 42

Часть тюремных размышлений английского проповедника и писателя Джона Буньяна (1622–1688), получившего двадцать лет заключения за проповеди; название этого произведения, созданного в 1666 г., «Благодать, изобилующая к первому из грешников», представляет собой цитату из Послания к Римлянам, 5:20.

до лондонского вокзала Ливерпуль-стрит. Но, когда поезд тронулся и выехал со станции, она не стала смотреть в окно, а сгорбилась и склонила от стыда голову, потому что город, в котором она прожила почти десять лет, так и не захотел иметь свой книжный магазин.

* * *

Пенелопа Фицджеральд была одним из самых прекрасных и ярких голосов в британской художественной литературе. Она написала девять романов, три из которых — «Книжная лавка» (*The Bookshop*), «Начало весны» (*The Beginning of Spring*) и «Врата ангелов» (*The Gate of Angels*) — были внесены в шорт-лист Букеровской премии. И эту премию она все-таки получила в 1979 г. за роман «На воде» (*Offshore*). Ее последний роман «Голубой цветок» (*The Blue Flower*) был в 1995 г. признан самым любимым произведением читателей, а в прессе не менее девятнадцати раз именовался «книгой года». В итоге он завоевал приз Американской национальной организации литературных критиков, и это помогло писательнице проложить себе путь к более широкой, интернациональной, аудитории читателей.

Великолепный биограф и критик, Пенелопа

Фицджеральд была автором жизнеописаний художника Эдварда Берн-Джонса[43] (ее первая книга) и поэтессы Шарлотты Мью[44], а также написала исследование «Братья Нокс» (*The Knox Brothers*), посвященное ее выдающемуся отцу Эдмунду Ноксу, издателю популярного журнала «Панч», и его не менее замечательным братьям.

Литературная карьера Пенелопы Фицджеральд началась, когда ей уже исполнилось шестьдесят. Окончив Сомервилл-колледж в Оксфорде, она во время войны работала на Би-би-си, издавала литературный журнал, владела книжным магазином и преподавала в различных учебных заведениях, включая театральную школу; ранние романы писательницы во многом основаны на ее жизненном опыте.

Пенелопа Фицджеральд умерла в апреле 2000 года в возрасте восьмидесяти трех лет.

---

[43] Сноски: 43

Эдвард Берн-Джонс (1833–1898) — английский живописец и иллюстратор, видный представитель движения искусств и ремесел, известный своими витражами.

[44] Сноски: 44

Шарлотта Мью (1869–1928) — английская поэтесса с трагической судьбой.